

*К 35-летию кафедры истории философии
философского факультета Уральского государ-
ственного университета им. А.М.Горького*

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ ГУМАНИТАРНОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ .А.М.ГОРЬКОГО

Серия
«Философское образование»

Редакционный совет серии:

*В.В.Ким (председатель), В.И.Копалов, К.Н.Любутин,
Ю.И.Мирошников, Л.А.Мясникова, В.И.Плотников,
В.Д.Толмачев (редактор-координатор), Н.Н.Целищев,
Л.П.Чурина (ученый секретарь)*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А.М.ГОРЬКОГО
МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ
ГУМАНИТАРНОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
Серия
«Философское образование»
Выпуск 33

*РОССИЙСКИЕ
ВЕРСИИ МАРКСИЗМА*

К.Н.ЛЮБУТИН, В.Д.ТОЛМАЧЕВ

**АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ:
ОТ ФИЛОСОФИИ
К ТЕКТОЛОГИИ**

Екатеринбург
Издательство «Банк культурной информации»
2005

103(2)
УДК +
ББК 87.3
Л93 4

*Печатается по решению
Межвузовского центра проблем
гуманитарного и социально-политического
образования*

1285657

Любутин К.Н., Толмачев В.Д.

Л93 Александр Богданов: от философии к тектологии / Ин-т философии и права УрО РАН; Рос. филос. о-во; Межвуз. центр гуманит. и соц.-полит. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М.Горького. — Екатеринбург: Издательство «Банк культурной информации», 2005. — 244 с. — (Сер. «Филос. образование» / Ред. совет: В.В.Ким (предс.) и др.; Вып. 33; сер. «Российские версии марксизма»).
ISBN 5—7851—0542—X

В книге дается анализ теоретического наследия А.А.Богданова, одного из виднейших представителей российского марксизма, создавшего оригинальную версию указанного учения. Анализируются философские, экономические и социально-политические воззрения этого выдающегося мыслителя.

Издание рассчитано на исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, всех кто интересуется историей философии и науки.

УДК 1
ББК 87.3

Рецензенты:

В. В. К и м, доктор философских наук, профессор

Б. В. Е м е л я н о в, доктор философских наук, профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Госуниверситета

г.Екатеринбург

© К.Н.Любутин, В.Д.Толмачев, 2005
© Банк культурной информации,
оформление, серия, 2005

ISBN 5—7851—0542—X

Богданов принадлежал к числу тех людей, которые в силу особых свойств своего характера героически сражаются за большую идею... он был коллективистом и по чувству и по разуму одновременно.

Н.Бухарин

ИЗ БИОГРАФИИ

Директор первого в мире Института переливания крови Александр Александрович А.А.Богданов скончался 7 апреля 1928 г. после двенадцатого опыта на самом себе. В докладной записке, направленной А.А.Богдановым 19 января 1928 г. на имя Н.Семашко, Н.Бухарина, И.Сталина, основатель Института переливания крови напомнил, что «медицинский мир в целом напряженно принял новое учреждение», ибо «консерватизм медицинского цеха — вещь общеизвестная»¹. Но дело, видимо упиралась не в консерватизм медиков. Отношение к А.А.Богданову определялось на самом верху. Между тем И.В.Сталин, предложивший в конце 1925 г. А.А.Богданову организацию Института, еще в феврале того же года писал об отмирании целого ряда старых руководителей из литераторов и старых «вождей» пояснял: «Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т.д., — таковы первые пришедшие на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли»².

Естественно, нашлись люди, которые чутко уловили сталинские ориентиры. В докладной записке А.А.Богданов называет фамилии людей, которые организуют его травлю и напоминает: «Я с ноября настойчиво просил Орготдел Наркомздрава обследовать дело и прекратить невозможное положение. В декабре назначили обследование, мучительно затянутое на целый месяц. Мне не были сообщены ни его выводы, ни даже контробвинения другой стороны. Только недавно от Наркома я узнал о нелепом “политическом” обвинении в резкой враждебности к партийцам вообще. Это обо мне, у которого почти нет друзей, кроме старых коммунистов, и который только благодаря помощи нескольких студентов-коммунистов мог поставить свои первые, важнейшие опыты»³.

А.А.Богданов просит освободить его, «от обязанностей, выполнение которых стало невозможным»⁴.

И действительно, в русле иезуитской политики И.В.Сталина А.А.Богданов исторически был обречен, как и абсолютное большинство старых большевиков. После зловещего февральского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) в печати замелькали идеологемы насчет «богданово-бухаринских» теорий — орудия фашистской контрреволюции⁵.

Одна из наиболее всесторонних объективных оценок его жизни и деятельности содержалось в речи Н.Бухарина на гражданской панихиде, посвященной памяти этого великого ученого. «В лице Александра Александровича ушел в могилу человек, — сказал старый соратник и оппонент Богданова, — который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место не только на территории нашего Союза, но и среди крупнейших умов всех стран. Это — поистине редчайшее качество среди работников революции. Богданов с одинаковой свободой парил на высотах философской абстракции и давал конкретные формулировки теории кризисов. Естественные науки, математика, общественные науки имели в нем настоящего *знатока*, и он мог выдерживать бои во всех этих областях, как “свой человек” в любой из этих сфер человеческого знания. От теории шаровидной молнии и анализа крови до попыток широчайших обобщений “Тектологии” — таков радиус познавательных интересов Богданова. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной Звезды” — это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли. Ошибки Богданова вряд ли когда-нибудь воскреснут. Но история, несомненно, отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова, и отведет ему свое постоянное место среди бойцов революции, науки и труда. Исключительная сила его ума, бурлившая в нем, благородство его духовного облика, преданность идее заслуживают того, чтобы мы сложили перед его прахом свои знамена»⁶.

Биография А.А.Богданова драматична и интеллектуально плотно насыщена. Сам он в автобиографических заметках (1925) писал: «Богданов (Малиновский) Александр Александрович родился 10 (22) августа 1873 г. у народного учителя, второй из 6 детей. Отец скоро дослужился до учитель-инспектора в городском училище, благодаря этому я лет с 6-7 получил доступ в библиотеку училища, а затем и в его маленький физический кабинет. Учился в Тульской гимназии, жил в ее пансионе, стипендиатом, в условиях казарменно-тюремных; там злостно-тупое начальство на опыте научило меня бояться и ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты. Кончив с золотой медалью, поступил в Московский Университет естественником; в декабре 1894 арестован, как член Союзного Совета землячеств, и выслан в Тулу. Там рабочим-оружей-

ником Ив.Ив.Савельевым был привлечен к работе кружках, как пропагандист; скоро в ней приняли участие В.Базаров и И.Степанов. На этой работе в 1896 г. пришел, от народовольческих идей, к социал-демократизму; а из лекций в кружках составил “Краткий курс экономической науки” (вышел, изувеченный цензурою, в конце 1897; В.И.Ленин горячо приветствовал его в рецензии “Мира божьего”, 1898, № 4). С осени 1895 часть времени проводил в Харькове, обучаясь на медицинском факультете; бывал в тамошних с.-д. интеллигентских кружках, лидером их был Череванин, — но разошелся с ними из-за вопроса о морали, которой они придавали самостоятельное значение. В 1898, стремясь дать ответ на широкие запросы наших рабочих в смысле общего мировоззрения, написал свою первую философскую книгу “Основные элементы исторического взгляда на природу”. Осенью 1899 кончил университет, а затем арестован за пропаганду. Полгода тюрьмы в Москве, высылка в Калугу, оттуда на 3 года в Вологду. Много учился и писал; в 1902 организовал и редактировал сборник против идеалистов “Очерки реалистического мировоззрения”. Служил полтора года врачом в психиатрической лечебнице. С конца 1903 редактировал марксистский журнал “Правда”, издававшийся в Москве.

Осенью 1903 примкнул к большевикам, и кончив ссылку, вскоре весной 1904, поехал в Швейцарию, там присоединился к Ленину. На собрании 22-х был выбран в Бюро Комитетов Большинства (БКБ), первый большевистский центр. Приблизительно тогда же был в первый раз отлучен от марксизма меньшевистской “Искрой” (статья Ортодокса в № 70, обвинявшая меня в философском идеализме). Осенью вернулся в Россию, с декабря 1904 работал в Петербурге, в БКБ и Петербургском Комитете. Мною были написаны тактические листки БКБ о вооруженном восстании и о созыве партийного съезда, как и большинство других листков БКБ. Весной на съезде в Лондоне (III съезд, большевистский) был докладчиком по вопросу о вооруженном восстании, а также по организационному вопросу, и выбран в первый большевистский ЦК. Работал в Петербурге, участвовал в редакции большевистской “Новой Жизни”, был представителем ЦК в Совете Рабочих Депутатов, где и арестован 2 декабря 1905. Освобожденный в мае под залог, попал в ЦК, уже меньшевистский, от большевиков; высланный за границу, нелегально вернулся, и жил в Куоккале вместе с Лениным, работая в редакции большевистских органов, а также при думских фракциях 1,2 и 3-ей Думы. По вопросу о 3-ей Думе был бойкотистом, но после решения партийной конференции против бойкота проводил избирательную кампанию в эту Думу в нелегальной рабочей газете «Вперед», которую редактировал.

В конце 1907 я был отправлен товарищами за границу в составе тройки (с Лениным и Иннокентием) для редактирования органа большеви-

ков “Пролетария”. Летом 1909 был вместе с Л.Б.Красиным, в качестве левого большевика устранен из Большевистского центра, а в январе 1910, при слиянии фракций большевиков и меньшевиков, и из ЦК партии. Осенью 1909 участвовал в организации 1 партийной рабочей школы — на Капри, осенью 1910 — II школы, в Болонье. В декабре 1909 был докладчиком платформы “группы большевиков”, вскоре принявшей название “литературной группы “Вперед””. Эта платформа — “Текущий момент и задачи партии” — впервые формулировала лозунг пролетарской культуры. Весной 1911, когда группа “Вперед” стала переходить от культурно-пропагандистской работы к политике в заграничном духе, я вышел из нее и ушел от политики; писал потом, до революции, только пропагандистские статьи в “Правде” и других рабочих органах. Вернувшись в Россию, в 1914 был послан на фронт в качестве врача. Революция застала меня в Москве; там я сначала писал политически-пропагандистские статьи; в одной из них, в январе 1918, поставил диагноз военного коммунизма; затем перешел всецело на культурную и научную работу — в Пролеткульте, Пролетарском Университете и пр. Осенью 1921 прекратилась и моя пролеткультовская работа, я посвятил себя всецело научной. Но хотя я окончательно оставил политику, она не совсем оставила меня, как показал мой арест в сентябре-1923. До сих пор, с 1918, состою членом Коммунистической (бывшей Социалистической) Академии.

Мои главные работы:

1. По политической экономии: Краткий курс экономической науки, ее первый учебник, написанный по исторической схеме (последние издания переработаны в сотрудничестве с Ш.М.Дволайцким; переведен на английский и несколько других языков; Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах; большой Курс политической экономии (в сотрудничестве с И.И.Степановым). Статья “Обмен и техника” (1903), в сборнике “Очерки реалистического мировоззрения”, давшая впервые доказательство теории трудовой стоимости, построенное на принципе равновесия.

2. По историческому материализму: Наука об общественном сознании- историческое изложение развития идеологий, главным образом, форм мышления, с объяснением их генезиса и производственных отношений; переведена на немецкий. Из психологии общества (сборник статей 1902—06); “Организационные принципы социалистической техники и экономики” (“Вестник Социалистической Академии”, 1923, № 4) — объяснение форм сотрудничества через технические отношения.

3. По философии: Эмпириомонизм, ч. I, II, III (1903—1907); картина мира с организационной точки зрения, то есть как процесса формирования, борьбы и взаимодействия комплексов и систем разных типов и ступеней организованности; философия живого опыта

(1911) — обзор развития реалистических систем философии, кончая эмпириомонизмом; От монизма религиозного к научному, доклад (в приложении к 3-му изданию (“Философия живого опыта”) — обоснование борьбы за научный монизм, устраняющий философию вообще.

4. По организационной науке: Всеобщая организационная наука (Тектология), ч.1, II, III (1913-122): общее учение о формах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления (часть 1 издается на немецком); Принципы единого хозяйственного плана (“Вестник труда”, 1921, № 4—6) и Труд и потребности работника (“Молодая Гвардия”, 1922, № 3) — приложения организационных законов к решению основных хозяйственных задач; Объективное понимание принципа относительности — приложение организационной точки зрения к истолкованию принципа относительности (“Вестник Коммунистической Академии”, 1924, № 8).

5. По пролетарской культуре: Новый мир (1904—06) — популярная характеристика высшего культурного типа жизни; Культурные задачи рабочего класса (1911) — обоснование программы пролетарской культуры; Искусство и рабочий класс (переведено на немецкий); Социализм науки — о пролетарской науке (частью тоже переведено на немецкий); Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса — исторический анализ; О пролетарской культуре, сборник статей 1904—1924.

Сюда же можно отнести два романа: Красная звезда (1907), утопия (переведено на французский, немецкий и еще несколько языков; инженер Мэни (1912) — картина столкновения пролетарской и буржуазной культуры.

Было несколько книг, несколько десятков журнальных статей, брошюр и докладов, еще больше газетных статей и листов, главным образом, пропагандистских и агитационных»⁷.

Популярность А.А.Богданова как ученого и писателя проявилась рано. По данным опроса учащихся средних учебных заведений в 1903 г., А.А.Богданов — наиболее читаемый автор-обществовед⁸. Спустя двадцать лет напишут: «Первые два-три года после Октябрьской революции приходится считать эпохой необычайной его популярности в широких кругах, всколыхнутых Октябрем; т.Богданов считался как бы общепризнанным представителем “пролетарской идеологии”, как бы официальным ее философом»⁹. Экономические произведения А.А.Богданова, его учебные «Курсы» переиздавались десятки раз.

Начало конца «необычайной» популярности А.А.Богданова положило второе издание «Материализма и эмпириокритицизма» — 1920 год. К изданию была приложена статья В.Невского «Диалектический материализм и философия мировой реакции». По поводу

этого приложения В.И. Ленин писал: «Что касается до последних произведений А.А. Богданова, с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья тов. В.И. Невского дает необходимые указания. Тов. В.И. Невский, работая не только как пропагандист вообще, но и как деятель партийной школы в особенности, имел полную возможность убедиться в том, что под видом «пролетарской культуры» проводятся Богдановым буржуазные и реакционные воззрения»¹⁰.

Название статьи Невский дал в пику «философии живого опыта», как именовал свои философские воззрения А.А. Богданов. Статья начинается с отнесения А.А. Богданова к «числу людей, пытавшихся уверить пролетариат, что философия мертвой гниющей реакции есть самое последнее слово науки»¹¹. Заканчивается статья также: «Он очень много говорит о “философии живого опыта”, вернее — о философии мертвой реакции»¹². Под влиянием В.И. Ленина, далее по указке Сталина нарастает официальная травля ученого. В № 2 «Правды» за 1923 г. появляется посвященный А.А. Богданову фельетон Я. Яковлева (Эпштейна) «Меньшевизм в пролеткультовской одежде». Фельетон содержал вымыслы и искажения одной из речей А.А. Богданова. А.А. Богданов дает аргументированный ответ. В № 81 за тот же год в той же газете появляется статья П. Керженцева (В. Лебедев) «Организационные проблемы», в которой позиция ученого «в области организационных проблем» оценивается в качестве реакционной. Особенно достается тектологическому закону «прочность цепи определяется наиболее слабым из ее звеньев».

7 сентября 1923 г. А.А. Богданов был арестован ГПУ по обвинению в идейном руководстве группой «Рабочая Правда» и 13 октября того же года освобожден ввиду отсутствия состава преступления. Как заметил в одном из писем сам А.А. Богданов, его арест явился результатом более чем трехлетней литературно-политической травли, при которой он оставался с зажатым ртом. Запускались «утки» относительно «подпольной борьбы» А.А. Богданова против Советской власти, о нелегальных сношениях с эмиграцией, с польской контрразведкой...

Ложь и клевета в печати не утихают. В журнале «Под Знаменем Марксизма» аноним за подписью «Материалист» обозвал А.А. Богданова «оппортунистом теоретически и ренегатом политически»¹³. В газете «Правда» (№№ 257, 288 за 1923 год) против А.А. Богданова выступил секретарь ЦК РКП(б) Е. Ярославский (М. Губельман). Суть статей в провозглашении тезиса: путь от Коминтерна ко II Интернационалу, от В.И. Ленина к Либердану лежит через «богдановщину». А.А. Богданов был сильно деморализован. Когда он по причине медицинской операции не смог присутствовать на торжественном заседании памяти В.И. Ленина (10 февраля 1924), на следующий день послал объяснительную записку

члену Президиума Социалистической Академии Д.Рязанову, дабы не дать повод «небезопасным» комментариям и мероприятиям...

Н.Карев, известный в то время «специалист по материалистической диалектике»¹⁴, публикует серию статей «Тектология или диалектика (К критике “Тектологии” А.Богданова)»¹⁵. И.Вайнштейн выпускает большую монографию «Организационная теория и диалектический материализм. Систематическая критика А.Богданова» (М.-Л., 1927). А.А.Богданов дает этим авторам аргументированные ответы. Так, отвечая на политизированные выпады Карева по поводу тектологического закона наименьших, который будто бы подрывает учение о пролетарской диктатуре, А.А.Богданов весьма уместно ссылается на ленинскую брошюру «О продовольственном налоге», в которой В.И.Ленин доказывает, что укрепление диктатуры пролетариата сейчас упирается в принятие экстренных мер для улучшения положения крестьянства.

Относительно теоретической биографии А.А.Богданова напомним, что первая в высшей степени положительная рецензия на первую публикацию ученого «Краткий курс экономической науки» (1897) была рецензия В.И.Ленина (1898), в которой речь идет о полной выдержанности А.А.Богдановым марксистского направления. Впоследствии В.И.Ленин не вспоминал об этой рецензии. О «полной выдержанности направления» забыто начисто. И было забыто до 60-х годов. Лишь в 1930 г. автор философского словаря Т.Ищенко, упрекая А.А.Богданова в ревизионизме «во всех областях», напомнил о близости его к марксизму в 90-е годы XIX века¹⁶.

Обобщающая и многократно оттиражированная оценка А.А.Богданова была дана, например, С.Гониманом: А.А.Богданов является чрезвычайно поучительной и масштабной фигурой нашего рабочего движения. Большевик в прошлом, он пользовался в некоторые периоды огромным идейным авторитетом среди членов партии. Отойдя от партии в эпоху реакции, он больше уже в нее не возвращался. В период Октябрьской революции он оказался на позициях пассивного противника и критика большевизма. Однако в первые годы революции, когда все силы партии были поглощены гражданской войной, идейное влияние А.А.Богданова снова распространилось. Дошло до того, что кое-где его учение было специальным предметом преподавания. В Свердловском университете А.А.Богданов руководил кружком своих сторонников, пролеткультовское движение развивалось почти целиком под идейной эгидой А.А.Богданова. Ныне увлечение А.А.Богдановым прошло и, надо надеяться, навсегда. Однако в лице отдельных товарищей, участвующих в теоретической работе партии, идейное наследие А.А.Богданова оживает и время от времени атакует марксистско-ленинское мировоззрение.

Одной из таких атак была борьба покойного И.И.Степанова против марксистско-ленинской философии. Если не говорить об отдельных эпигонах Богданова-Степанова в лице кое-кого из современных экономистов-механистов, то крупнейшим, выдающимся представителем полубогдановщины-полумарксизма теперь является тов.-Бухарин, особенно в своей работе «Теория исторического материализма»¹⁷. Насчет увлечения А.А.Богдановым Гоникман оказался плохим пророком. Теоретическое наследие автора «Тектологии» стало всемирно известным. И не только в рамках теории систем¹⁸. С 60-х годов в отечественной литературе начинается частичная реабилитация А.А.Богданова под тектологической шапкой. Мы отдаем на этот счет должное И.Блауберу и Э.Юдину, М.Сетрову и В.Садовскому, Г.Гловели и Н.Фигуровской, Л.Абалкину и Л.Чижовой, А.Тахтаджяну и Н.Моисееву, А.Огурцову и Ю.Урманцеву.

В 1990 г. имя А.А.Богданова, исчезнувшее из названия Института переливания крови в 30-е годы, было восстановлено. В городе Гродно, на родине Александра Александровича, в 1994 г. проведена межгосударственная научно-теоретическая конференция «Богдановские чтения», изданы соответствующие материалы¹⁹.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.А.БОГДАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ДОМАРКСИСТСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Знакомство А.А.Богданова с марксизмом началось с историко-материалистической концепции К.Маркса, или с «социального материализма»: «Социальный материализм Маркса предъявил моему мировоззрению такие требования, которым старый материализм удовлетворить не мог»¹, и поскольку материализм представляет собой одно из философских направлений, не будет лишним сказать несколько слов о том, что А.А.Богданов вообще понимал под философией. При этом, когда мыслитель пишет о том, что философия есть обобщение коллективного опыта поколений, что знание инструментально, выступает как руководство к действию, он воспроизводит известные марксистские тезисы.

В 1899 г. А.А.Богданов писал: «Существует известная сфера мышления, которая заслуживает того, чтобы ее отделить от точной науки, и которая, однако, находится с нею в теснейшей связи. Это — область гипотез, идущих дальше обобщений точной науки и объединяющих эти обобщения в одно стройное целое. Человеческое познание стремится к целостности; для людей, логически мыслящих, источником страданий являются не только прямые противоречия, но и всякие сколько-нибудь значительные проблемы в сфере познания. Эти противоречия оно примиряет, и эти проблемы заполняет с помощью творческой деятельности, создающей *философские гипотезы* [курсив А.А.Богданова — А.Б.]».

Таким образом, философия есть область гипотез, которые основываются на последних обобщениях науки, но идут дальше их, и имеют своей задачей установить единство, целостность в познании»².

Несколько позже в статье «Революция и философия», вошедшей в сборник «Из психологии общества» (1-е изд. 1904 г.), А.А.Богданов пояснял, что философия рождается из познавательных противоречий человеческого опыта. В «Эмпириомонизме» он говорил о том, что фило-

софия возникла из стремления мыслить все содержание опыта в однородных и связных формах и приобрела самостоятельное значение именно как реакция против чрезмерной раздробленности и противоречивости опыта³. Однако, поскольку социальная деятельность рабочего класса положит конец классовому обществу, основной причине противоречий и раздробленности, философия «растворится в прогрессе науки». Поэтому, с первой до последней публикаций А.А.Богданов проводит мысль: «Наука делает философию ненужной, как уже теперь не нужна религия»⁴. Короче говоря, касаясь судьбы философии, А.А.Богданов давал прогноз, согласно которому философия «должна терять свое значение, — частью просто отпадать как ненужная больше, частью переходить в содержание монистической науки»⁵. Надо сказать, что такое понимание судьбы философии соответствует, скорее, не позиции К.Маркса, а сциентистской позиции Ф.Энгельса.

Как видно, сциентистский прогноз, который во многом противоречит и богдановскому пониманию «социального материализма» К.Маркса, и философии вообще, не оправдался. Нам остается напомнить о двух моментах историко-философского характера.

Первый: прогноз А.А.Богданова по части судьбы философии совпадает с прогнозом его рьяного оппонента Г.В.Плеханова. Тот писал в «Очерках по истории материализма» (1896): «Задача *диалектического материализма* была, таким образом, определена заранее. Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию, должна была освободить *социальную науку* из лабиринта противоречий. По выполнению этой задачи философия могла бы сказать: «Я исполнила свой долг, я могу уйти, так как в будущем *точная наука* должна сделать бесполезными *гипотезы философии*»⁶.

Второй: В.И.Ленин, не менее рьяный оппонент А.А.Богданова, держался более «гибкой» позиции. В работе «Экономическое содержание народничества...» (1895) появляется вывод, напоминать о котором десятилетиями никто не решался: «С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между отдельными отраслями положительной науки»⁷. Не прошло и десяти лет, как В.И.Ленин признал и философию вообще, и марксистскую философию, в частности, которую вслед за Ф.Энгельсом именовал наукой об «общих законах». О своей позиции 90-х годов В.И.Ленин тоже не забывал.

Теперь рассмотрим подробнее, что же понимал А.А.Богданов под материализмом вообще и материей в частности.

Вслед за К.Марксом, который назвал «материализмом» свое социально-философское учение, которое именно в производстве находит основу и причину общественного развития»⁸, А.А.Богданов отмечает, что «основное соотношение трудового опыта представляет борьба чело-

века с природой»⁹. При этом А.А.Богданов уточняет: «Слово “борьба” не вполне точно выражает трудовую связь человека с природою. Природа, — и враг его, и союзник, или, вернее, — ни то, ни другое»¹⁰. Другими словами, по мнению А.А.Богданова, «человек, т.е. общество, в трудовом процессе организует природу [выделено. А.Б.]»¹¹. «“Организовать”, — подчеркивает мыслитель, — значит объединять, управлять, распоряжаться. Именно таково фактическое отношение человека к природе»¹². «“Орудия”, или общее, средства производства, это та часть природы, которою человек уже завоевал, над которою он имеет власть, которою он организовал [выделено. А.Б.], сообразно своим интересам, — интересам дальнейшей борьбы»¹³.

Таким образом, по мысли А.А.Богданова, «природа, как объект всех усилий человечества, есть мир сопротивлений или, что тоже, *царство материи* [курсив А.Б.]»¹⁴, т.е. понятие «материя» становится «равным понятию всей внешней для человека природы, всего “объекта”, на который направлена вся познавательная и практическая деятельность людей»¹⁵, при этом материя — «это объект производства, в чем и состоит ее сущность»¹⁶, она «соотносительна труду»¹⁷. Эти два понятия «связаны неразрывно и немыслимы одно без другого»¹⁸. А.А.Богданов подчеркивает: «Организуя для себя мир, человечество сталкивается с материальностью природы, т.е. с ее сопротивлением организующей активности, или труду. В этом универсальном факте лежит одно из двух главных линий философской мысли, именно так называемой *материалистической* [выделено. А.Б.]»¹⁹. При этом, по мнению мыслителя, «самое возникновение материализма предполагает уже довольно значительное развитие [выделено. А.Б.] власти человека над природою и довольно значительный упадок авторитарных отношений или, вернее, развитие новых форм, конкурирующих с ними»²⁰. «Стихийным ее силам, — отмечает мыслитель, — человек противопоставляет не только свой нежный мозг и свои слабые руки; он противопоставляет ей собственные силы, которыми он овладел, над которыми он господствует [выделено. А.Б.]»²¹. Однако, власть, по словам философа, — это «выражение организаторской функции»²². Поэтому, не случайно, что первоначально в сознании людей отношение человека и природы выступает в авторитарном виде противопоставления организаторов и исполнителей, «в форме категорий “духа и материи”, а затем “субъекта-объекта”»²³. Это путь развития авторитарного мышления. «Почему, — спрашивает А.А.Богданов, — материалисты исходят из авторитарной концепции? Очевидно, потому, что она дана им социальной практикой, строением общества, в котором они живут. Это строение, в достаточной еще мере, является авторитарным»²⁴.

Однако, опираясь на антитезу “материи” и “духа”, материализм стремится из нее выйти. Путь для своего выхода это учение находит «в “ма-

терии”, т.е. в той стороне антитезы, которая выражает объект производственной деятельности [выделено. А.Б.]»²⁵. Поэтому в лице материалистов, А.А.Богданов видит идеологов новых, не-авторитарных общественных отношений. «Материализм не случайно, — подчеркивает А.А.Богданов, — был долгое время естественно-научным мировоззрением, философией производительных сил общества, философией технического прогресса по преимуществу»²⁶. И хотя материализм и основан «на фетишистической подстановке, но он ближе к трудному мировоззрению, к философии живого опыта»²⁷.

Чтобы понять природу фетишистической подстановки А.А.Богданов обращается к характеристике тех производственных отношений в которых она формируется: «Это анархическая форма сотрудничества, при которой нет общей, планомерной организации производства, и оно регулируется стихийными общественными силами — спроса и предложения, конкуренции»²⁸. Поскольку отдельный производитель, работая для общества, «внешним образом обособлен от остальных членов общества борьбой интересов, в которой он резко им противопоставляется, как независимый индивидуальный деятель», постольку «индивидуализм проникает собою буржуазно-материалистическую картину мира»²⁹. Этот социальное дробление, формальная независимость частного хозяйства в рыночной конкуренции и порождают, по А.А.Богданову, абстрактный фетишизм мысли, который может существовать в двух формах: материалистической (более полной, близкой к действительности) и идеалистической (сокращенной) схематизации опыта. Этот метод дополнения разрозненного опыта людей лежит в основе человеческого общения. «Под слова и жесты других людей, а затем под различные символы искусства, письменные знаки и т.под., человек подставляет, как “содержание”, ими выражаемое различные образы сознания, чувства, стремления, мысли, — нечто с этими выражаемыми формами совершенно несходное, но жизненно с ними связанное»³⁰. «“Подставляемое”, — подчеркивает А.А.Богданов, — выбирается таким образом, чтобы оно было более “понятно”, более доступно мысленному исследованию, чем “объясняемое”»³¹. Уходящим с арены политической борьбы правящим классам авторитарных типов общества было доступнее понять бытие как «дух», нарождающимся, более прогрессивным новым буржуазным классам понятнее было сосредоточить внимание на объекте коллективной практики, «пытаясь представить весь мир опыта как материю». И этот, последний тип мышления в условиях развития индивидуального, менового общества был для мыслителя предпочтительнее в связи с его большей близостью к живому опыту, к реальной действительности.

Каждая эпоха, напоминает А.А.Богданов, порождает свою философию. Что же касается истории материализма, он выделяет три его раз-

новидности: основанные на индивидуализме домарксистский «старый материализм» и материализм естественников («несколько примитивный»), а также «социальный материализм Маркса», базирующийся на коллективистическом мировосприятии. Исследование этих трех форм материализма в «Философии живого опыта» А.А.Богданов начинается с домарксистского материализма как исторически первой его разновидности.

Давая общую характеристику этому материализму, оторвавшему материю от активности и поставившему последнюю в подчиненное положение, Богданов подчеркивает, что он не мог иметь активного характера и отличался созерцательной окраской. Мыслитель отмечает: «Этот коренной недостаток материализма и был указан Марксом в его знаменитых одиннадцати критических примечаниях к Фейербаху»³². При этом К.Маркс «указывает на связь старого материализма с той индивидуалистической точкой зрения, которая свойственна меновому обществу», в котором «созерцательный материализм, т.е. материализм, который не смотрит на мир конкретных явлений, как на активность, возвышается лишь до созерцания отдельной личности в “гражданском” обществе (т.е. в буржуазном, индивидуалистическом обществе)»³³.

Обращая внимание на социальные условия его возникновения, лежащие в Античности, А.А.Богданов отмечает, что античное общество в отличие от новоевропейского не было меновым всецело, а лишь в своих верхах. Поскольку его основой был рабский труд, его строение было двойственным, чему способствовал и основной характер его культуры. По мнению философа, система рабства, дойдя до крайности, не позволяет обществу расти и развиваться, «увеличивать свою трудовую активность, свою силу в борьбе с природой». «Господствующий класс, — отмечает мыслитель, — она превращает в дряблых паразитов, класс подвластный — в рабочий скот. Тогда производство начинает слабеть, техника понижаться, общественные связи становятся менее прочными»³⁴. Но хотя в техническом и экономическом отношении античное общество было обречено на гибель, античная культура дала новоевропейскому обществу «готовые культурно-организационные формы» для вторично нарождающегося новоевропейского общества³⁵.

А.А.Богданов подчеркивает: «Античная культура не пассивно воспринималась новой европейской мыслью. Только вначале увлечение найденной в прошлом мудростью и красотой превращалось часто в некритическое преклонение и подражательность; но затем на основе воспринятого началась энергичнейшая самостоятельная работа»³⁶. Технически более совершенные системы труда расширяли поле общественного опыта, они совершенствовали способы труда и его организацию — источники методов и моделей мышления. Поэтому, если в древнем материализме преобладал вопрос системы, т.е.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Госуниверситета

г.Екатеринбург

стремление сразу дать законченную систему мира и объяснение сущности вещей, чтобы достигнуть полного удовлетворения познавательной потребности», в новоевропейском обществе основным настраиванием времени был дух практического исследования тайн природы для ее практического овладения. «И потому, — отмечает мыслитель, — в возродившейся философии все определеннее выступают на первый план вопросы метода познания»³⁷.

В целом же, старый материализм, или говоря словами А.А.Богданова, «развитие материалистической подстановки в античной и в новой философии проходит три весьма сходные ступени»³⁸.

Итак, «вначале она [материалистическая подстановка — К.Л., В.Т.] имеет жизненно-конкретный характер; такова она в милетской школе — и у Бэкона»³⁹. Здесь материализм, по мнению философа, существует в виде «простой и прозрачной натурфилософии, которая берет опыт, как живую реальность»⁴⁰.

«Затем она [материалистическая подстановка — К.Л., В.Т.] переходит, — продолжает А.А.Богданов — в безжизненную, абстрактную форму: древняя атомистика, геометризм Гоббса»⁴¹. Рассматривая роль индивидуализма на этой стадии развития материализма мыслитель уточняет: «В старом, “некритическом”, чистом и ясном материализме, который сосредоточивал свое внимание на “вещах” опыта, не углубляясь на вопросы о “субъекте” и его “ощущениях”, индивидуализм, как тип мышления, выразился в строгой а т о м и с т и к е [выделено А.Б.]. Природа там понимается раздробленно как совокупность очень малых, вполне самостоятельных элементов, которые находятся между собою лишь во внешних отношениях — соприкосновения, толчка, давления и т.д. Комбинация этих материальных элементов, атомов, образуют собою все “вещи”, явления природы. На вселенную перенесена схема индивидуалистического дробления, выражающая буржуазный тип строения общества; греческое слово “атом” даже вполне тождественно по значению с латинским “индивидуум”»⁴².

«Наконец она [материалистическая подстановка — К.Л., В.Т.], — завершает свое рассуждение мыслитель, — становится неопределенной, расплывающейся: Протагор, Локк»⁴³. И на этой стадии индивидуальный опыт, как отмечает А.А.Богданов, играет определяющую роль: «В позднейшем, “критическом” материализме уже веет дух “скепсиса”, атомистика не играет той роли, понятие материи теряет конкретно-физический характер, становится несравненно более “философским”, т.е. отвлеченным. Материя оставаясь основной реальностью, уходит за пределы опыта, а самый опыт понимается и н д и в и д у а л и с т и ч е с к и [выделено А.Б.]. “Опыт” оказывается совокупностью индивидуальных “ощущений”. Они субъективны разумеется, а за ними стоит неопределенная “объективность”, порождающей их “материи”. Впро-

чем, и за пределами опыта остается некоторая, тоже неопределенная, атомистика материальных “вещей в себе”»⁴⁴.

НАТУРФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Итак, первая стадия материалистической подстановки — натур-философский материализм, по мнению А.А.Богданова, характеризуется тем, что применяемое в нем понятие «материя» хотя и оторвано уже от коллективной человеческой практики, но полно еще жизни и активности, «еще не исчезла окончательно древнейшая точка зрения на природу — та “первобытная диалектика” для которой природа есть мир *действий* [курсив А.Б.]», «не исчезло также авторитарное понимание причинности, при которой всякая причина должна быть сама по себе активной, — в том числе и материя»¹, что особенно характерно для философии гилозоизма, в которой «все разнообразные формы бытия первоматерия порождает в силу собственного живого стремления, которое принимается как ее природное свойство»².

Материализм милетской школы (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена) А.А.Богданов называет наивным материализмом, или гилозоизмом, так как у них материя полна еще жизни и активности, хотя «фетишизм абсолютного уже налицо», но при этом не исчезло еще «авторитарное понимание причинности, при котором всякая причина должна быть сама по себе активной, — в том числе и материя»³. Другими словами, наивный материализм ионийской школы «был первой известной нам формой “светского” мировоззрения, в противоположность религиозным, какие всецело господствовали до сих пор»⁴, что является результатом развития обмена и технического прогресса, особенно в торговых колониях, таких как Милет, где «необходимость приспособления к новым природным условиям, ускоряла технический прогресс, а религиозная традиция была сравнительно слабее, чем в самой Элладе»⁵.

Милетская школа использовала в своих учениях понятие «первоматерия» (arche), под которым понимала определенный ее вид (вода, бесконечное-неопределенное, воздух) и под которое в соответствии с методом своеобразной всеобщей подстановки подводила все разнообразие фактов опыта и тем самым объясняла все бытие. Следуя своей логике, А.А.Богданов констатирует живую связь этих первоначал с практикой торговцев-мореплавателей, с основными характеристиками той естественной среды, с которой они имеют дело, обстановкой морских путешествий.

«Огромное значение воды в экономии природы и труда, — поясняет А.А.Богданов, характеризуя учение Фалеса, — очевидно без пояснений. Все процессы жизни протекают при необходимом учас-

тии воды, как и целый ряд грозных стихийных явлений; судьбы сельского хозяйства, самой важной отрасли производства, зависят от атмосферной влаги; да и вообще по своему количеству вода — преобладающее тело на земной поверхности. Все это должно было усиленно останавливать внимание первых натуралистов-философов на фактах опыта, относящихся к воде, на ее превращениях»⁶. Кроме того, мыслитель указывает и на социальное происхождение Фалеса как выходца из старинной купеческой семьи. Анаксимандр, по словам философа, использует в качестве первоначала апейрон — «бесконечное-неопределенное» как в смысле количества (бесконечное), так и в смысле качества (неопределенное), применяя целую цепь материалистических подстановок: «Бесконечная, неопределенная материя представляла тот первичный хаос, из которого шаг за шагом обособились различные элементы нашего мира. Прежде всего... возникли тепло и холод; их соединение образовало воду, которая в свою очередь согласно учению Фалеса, дала начало всем другим вещам»⁷. А.А.Богданов обращает внимание читателя на тот факт, что хотя свое «бесконечное-неопределенное» Анаксимандр называет «божественной реальностью», т.е. использует религиозный термин, придающий первопричине творчески-организаторский характер, у него уже замечается «стремление к более отвлеченному пониманию сущности бытия: его «бесконечное-неопределенное» представляет начало *абстрактных* [курсив А.Б.] подстановок»⁸. И, наконец, воздух Анаксимена, по мнению мыслителя, мог обладать чертами бесконечного-неопределенного и служить основой для появления воды: «Свойства воздуха казались чрезвычайно-неопределенными, его распространение в природе — бесконечным»⁹.

Таким образом, поводя итог своим рассуждениям, А.А.Богданов констатирует: «Для Фалеса и его учеников *arche*, первоматерия, какая бы она ни была, производит все разнообразие бытия в силу присущего ей стремления, которое принимается, как естественное свойство «*arche*»; оно всегда подразумевается в ней, и не нуждается ни в каких доказательствах. *Arche* — первопричина живая, инициативная, т.е. причина вполне авторитарная»¹⁰. «Тут обнаруживается, — подчеркивает А.А.Богданов, — историческая близость древнейшей философии с религиозными мировоззрениями»¹¹.

В отличие от наивного материализма древних в натурфилософии Ф.Бэкона, принявшей в связи с новыми научными открытиями в Новое время преимущественно методологический характер, понимание материи продолжает отражать общую точку зрения античных натурфилософов — «является у него в своем конкретно-чувственном виде, и не безжизненно-инертною, а полною во внутренней активности: понимание, близкое древнему гилозоизму»¹².

«Фрэнсис Бэкон, — отмечает А.А.Богданов, — английский деятель, философские произведения которого появились в самом начале XVII века, отличался глубоким и верным пониманием *практической ценности* познания [курсив А.Б.]. Для него цель всей науки и философии — завоевание человеком реальной власти над природой. Точное и правильное знание — это оружие, посредством которого должен быть завоеван мир, чтобы стать настоящим «царством человека» по выражению Бэкона»¹³.

Основная задача, которую себе поставил Ф.Бэкон, заключалась в нахождении «пути к познанию правильному, т.е. такому, которое бы соответствовало бы вещам и давало бы власть над ними»¹⁴. В связи с этим и основное содержание работ Ф.Бэкона составляет научная методология («искусство нахождения истины»). Не случайно, поэтому, что «единственным источником знания Бэкон признавал *опыт*, а основным методом — *индукцию* [курсив А.Б.], систематическую обработку живого опыта к обобщениям все более и более широким»¹⁵.

По мнению А.А.Богданова, именно опытная методология «выражает ту фазу нового сознания, когда оно, опираясь на материал жизни, приобретенный вне традиции, в технике и в опыте объявляет себя самостоятельным в исканиях истины и способным раскрыть тайны природы помимо мудрости прошлого»¹⁶. Способ, каким Ф.Бэкон предлагает отыскивать «формальные причины» явлений¹⁷, заключается, в интерпретации А.А.Богданова, в следующем: «Надо сопоставить в одной таблице возможно большее число случаев, где наблюдается интересующая нас особенность, и в другой таблице указать те случаи, когда ее нет налицо. Затем, в третьей таблице следует расположить разные случаи по ее степеням, — когда она обнаруживается в большей мере, когда в меньшей. Сравнивая эти таблицы и исключая те условия, которые не оказываются в постоянной связи с изучаемым явлением, мы найдем его “формальную причину”, которая всегда присутствует там, где оно есть, и притом в большей степени, где и оно в большей, в меньшей — где и оно в меньшей»¹⁸.

Особенно привлекает А.А.Богданова стремление Ф.Бэкона «применить к человеку и к обществу [выделено А.Б.], те же методы: что и в изучении внешней природы: объективное исследование путем индукции»¹⁹. Мыслитель подчеркивает: «Здесь ярко выступает материалистический дух методологии Бэкона. Чтобы изучать человека и общество теми же способами, как мир материи, надо признавать их по существу принадлежащими этому миру»²⁰.

Характеризуя материалистическую подстановку Ф.Бэкона А.А.Богданов отмечает, что она «не имеет того законченного, вполне отвлеченного характера, какой свойственен типичному материализ-

му». Здесь налицо «не бесконечная инертная материя, обладающая только формой и механическим движением, а полная внутренней активности и конкретная, со всеми своими чувственными чертами, не философски обесцвеченная и упрощенная, а такая, какой она является нам прямо в живом опыте»²¹. Таким образом, по мнению А.А.Богданова, в учении Ф.Бэкона можно увидеть мировоззрение, родственное древнему гилозоизму. При этом А.А.Богданов отмечает: «В объяснениях природы у Бэкона, играют большую роль разные “spiritus”, духи: остаток средневековых и схоластических теорий»²². И это несмотря на то, что Ф.Бэкон свой метод индукции решительно противопоставлял схоластически-дедуктивному методу выведения знания из признаваемых заранее общих истин. Схоластика, по мнению А.А.Богданова, «выражала ту стадию пробуждавшегося нового мышления, когда оно еще не находило для себя самостоятельных опор в жизни, и подчинялось в своей работе авторитарной традиции: высшие, самые общие истины принимались как уже данные в этой традиции, а помимо нее считалось невозможным получить другие, столь же важные и общие истины; значит оставалось только из наличных истин вывести новые»²³. В своем первоначальном виде схоластика, как считает А.А.Богданов, не была непосредственным продуктом религиозного мышления, так как основой схоластики «были произведения Аристотеля, который с огромной глубиной и полнотою разработал формальную логику, и специально — теорию дедукции посредством силлогизмов», схоластика хотела «получать то новое, чего не давала прямо религиозная, и ставшая для схоластики почти религиозной аристотелевская традиция; более того, схоластика нередко сталкивалась со священными авторитетами; и лишь впоследствии стала их союзницей против высших методов познания»²⁴. И именно в этом отношении Бэкон как родоначальник эмпирической методологии «был самым ожесточенным врагом схоластики»²⁵, хотя и испытывал на себе ее влияние.

АБСТРАКТНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Абстрактный материализм является, по А.А.Богданову, наиболее типичной формой материализма, характерной для менового общества. Если, например, у древних гилозоистов лишь у Анаксимандра можно обнаружить стремление к более отвлеченному пониманию бытия, то, по мнению мыслителя, у представителей абстрактного материализма (Демокрита и Эпикура в древнем атомизме, Т.Гоббса — в его новоевропейском отвлеченном геометризме) материалистическая подстановка достигает высокой степени абстрактности. Причем, именно для этой разновидности материализма особенно

характерно «безсознательное применение моделей, взятых из социальной практики»¹. Так, во-первых, по А.А.Богданову, два основных приема «трудовой техники и всякой вообще организующей деятельности — разделения наличных комплексов на части и планового затем комбинирования их частей в новую часть» помогают представителям атомизма создать «картину мира путем его мысленного разложения на элементы и последующего мысленного объединения элементов в стройное целое». Во-вторых, «применение к элементам схемы индивидуализма, организационной схемы менового общества» навязывает элементам в атомистике «чисто внешние отношения между собой» и обуславливает их неделимость².

Остановимся подробнее на последнем моменте. А.А.Богданов подчеркивает, что живая социальная атомистика находит свое отражение как в самой социальной реальности, так и в языке. Общество, построенное на принципах обмена, т.е. когда, вызванное общественным разделением труда «объективное сотрудничество коллектива, облекается в форму экономической борьбы индивидуумов», когда «личность товаропроизводителя экономически противостоит другим личностям, как обособленная единица, *неделимая* и находящаяся лишь *во внешних отношениях* [курсив А.Б.] к остальным, ей подобным, по мнению философа, принято вполне справедливо называть «индивидуалистическим». Эта экономическая борьба накладывает свой отпечаток и на характер и смысл человеческой речи, по сути призванной, как отмечает мыслитель, служить орудием, «посредством которого люди объединяются и взаимно приспособляют свои действия, ... организуют свою социальную активность», фактически же служащей «орудием борьбы интересов». Даже с этимологической точки зрения, отмечает А.А.Богданов, «если слово «атом» перевести с греческого языка на латинский, то получится буквально «индивидуум» (неделимое)»³. Поскольку «весь процесс “торговли” между покупателем и продавцом, есть своеобразный поединок», имеющий целью «преувеличить достоинства, отклонить внимание другой стороны от его недостатков, внушить ей ложное представление о состоянии цен на рынке»⁴, ложь и обман являются полновластными хозяевами буржуазного общества. В связи с этим, по мнению мыслителя, у людей исчезает уверенность в непосредственном значении человеческих высказываний, поскольку «слушая чужую речь, никто не может достоверно знать, в какой мере она правдива или лжива, какие мысли и чувства в действительности за ней скрываются». В таких условиях вполне закономерным является факт создания такой душевной изолированности, что «личности кажется, будто она абсолютно отделена от других личностей, и каждое “я” отгорожено непроницаемой стеною, так что даже сама реальность чужого сознания — только гипотеза, которую не без оснований можно оспаривать»⁵.

Факт связи «между практической атомистикой общества и теоретической атомистикой мира» может быть легко обнаружен «при помощи сравнения с другими, не-материалистическими, типами атомистики, которые можно найти в новой философии»⁶. «Такова, — отмечает А.А.Богданов, — монадология Лейбница, берущая основным типом “формального атома” человеческую личность в ее крайнем индивидуалистическом противопоставлении другим личностям, и по ее образцу представляющая все другие элементы мира»⁷. Для Лейбница, по словам мыслителя, «вселенная представляется совокупностью монад», индивидуальных по своему жизненному содержанию, и полностью обособленных от других. Монада «не имеет окон», «метафизически-непроницаема», «не может подвергаться воздействию других монад», «не может сама воздействовать на них». Сущность или субстанция монады заключается в некоторой духовной идеальной силе, образующей и развертывающей из себя, всю жизнь монады, все ее состояния, возникающие из ее собственной деятельности. Даже тело монады является проявлением этой силы, выражающейся в тенденции к заполнению пространства. Каждая монада есть «микрокосм», отражающий весь мир и прочие монады в своих переживаниях. Чтобы не прийти к солипсизму, являющемуся логическим результатом таких взглядов, Лейбниц вводит «учение о предустановленной гармонии» между монадами. Согласно этому учению существует бесконечная «центральная монада» (Бог), являющаяся «чистой активностью», способная «представлять вселенную во всей полноте и отчетливости» и создавать конечные монады, которые по степени отчетливости представления «образуют грандиозную непрерывную лестницу»: «нижние ступени» соответствуют монадам неорганической природы, располагающие самыми смутными и темными представлениями, «выше стоят монады растительные, животные, затем человеческие»⁸.

«На учении Лейбница легко видеть, — подчеркивает А.А.Богданов, — каким способом схемы, выработанные социальной практикой, отношения людей, философское мышление переносит, уже без всякой словесной метафоры, на другие области бытия, на внешнюю природу или “материю”»⁹. Вначале прообразом монады является человек-индивидуалист, «затем фигура человеческой монады становится исходным пунктом построения других монад: животных, растительных, неорганических»¹⁰. Таким образом, «монада материального атома» — это та же человеческая, но обладающая темными и смутными представлениями. И если идеалист Лейбниц, руководствуясь схемой индивидуализма, делая подстановку элементов духа под «материю», получает свою «монадологию», то «материалисты, напротив, вплоть до самых тонких духовных процессов, всюду делают подстановку материи» и в результате создают «ато-

мистику»¹¹. При этом, по мнению А.А.Богданова, во-первых, поскольку «материя», представляя из себя сопротивление социальной активности общества, «есть именно то, что живая активность разделяет и соединяет, образуя из простого сложное», человек для атомистики «отнюдь не атом», отдельный и неделимый, а «сложное соединение простых атомов». Другими словами, сама последовательность материалистической подстановки, основанной на индивидуалистической схеме (применение ее сначала к «элементам материи», а затем и к «элементам духовным»), требует рассматривать «духовные существа» «сложными материально-делимыми комбинациями этих элементов». Во-вторых, если считать, что «материя» есть внешнее сопротивление живой активности, то материальный «атом» не может жить внутренней жизнью, но «он непременно находится *во внешних отношениях* [курсив А.Б.] к другим атомам, т.е. дает им и от них испытывает толчки, удары, давления»¹².

Кроме того, А.А.Богданов в соответствии со своей логикой пишет и о переходных разновидностях атомистики («между монадологией и чистой механической атомистикой материализма»¹³, более наглядно и отчетливо связывающих безжизненные атомы с живыми индивидуумами: «одушевленную атомистику» предшественника Лейбница Джордано Бруно, и учения Мопертюи и Робине, живших полтора столетия после Бруно и являвшихся атомистами в более строгом смысле слова. И если Бруно «признавал атом физически соответствующей монаде величиной — физической монадой», то у Мопертюи и Робине основным понятием философии являлся уже «атом», а не монада¹⁴.

Говоря о наиболее прогрессивной черте абстрактного атомистического материализма, А.А.Богданов указывает на «сведение в атомистике связи всех событий мирового процесса к абстрактной необходимости», имевшей «своей социальной моделью экономическую необходимость меновой системы, т.е. господство над людьми их социальных отношений». Познавательная прогрессивность отвлеченной «причинности-необходимости», несмотря на заключающийся в ней фетишизм, по мнению философа, заключается в том, что она «развертывая в бесконечность цепь причин-следствий, толкала исследующую мысль на постоянное расширение и углубление работы, на безграничное искание». Противостоящая ей «старая авторитарная причинность имела тенденцию останавливать познание, успокаивать его на произволе разных первопричин»¹⁵.

Переходя к анализу древнего атомизма как исторически первой формы абстрактного атомизма, А.А.Богданов подчеркивает, что поскольку, античное общество было меновым в своих верхах, т.е. как раз «там, где создавалась его философия»¹⁶, постольку философия

атомизма (Демокрита и Эпикура), как материализма «в более узком, обычном значении слова» очень точно воспроизводит мотивы жизни менового общества. «Над личностями в меновой организации, — отмечает философ, — господствует *экономическая необходимость*, которую они не могут понимать иначе, как отвлеченно. Над атомами в системе мира господствует естественная необходимость — двойник того же экономического рока, причинная связь, сформированная по его образу и подобию»¹⁷.

Тот факт, что Демокрит жил в греческой колонии, имевшей название «Фракия», где сама жизнь, «новая для людей обстановка ослабляла прочность вековых традиций, вынуждала изменять привычные технические приемы, приспособляя их к местным условиям производства, знакомила поселенцев с чуждыми племенами, у которых всегда возможно было чему-нибудь научиться», «быстрое торговое развитие колоний вело к ускоренной выработке меновой идеологии с ее отвлеченным фетишизмом и причинностью-необходимостью, отражающими власть над людьми их экономических отношений». Поэтому, по мнению А.А.Богданова: «Философия Демокрита была, может быть наиболее совершенным продуктом этого развития»¹⁸.

Именно материализм был для Демокрита «подведением итога его огромным по тому времени естественно-научным знаниям, которые он собирал повсюду где мог, в целом ряде больших путешествий», свидетельством чему являются трактаты Аристотеля (повсюду произведений Демокрита к сожалению не сохранилось), который, как полагают, значительной их частью «обязан простому использованию работ Демокрита»¹⁹.

Центральной идеей древней атомистики является мысль «о неделимых элементах бытия, находящихся лишь во внешних между собой отношениях»²⁰.

Итак, А.А.Богданов выделяет ряд характерных особенностей древнего атомизма в сравнении с противоположным подходом Анаксагора (у которого роль элементов выполняют «гомеомерии»²¹):

- мысленное разложение мира на неделимые элементы, т.е. не подлежащие дальнейшему делению (Анаксагор предполагает бесконечное деление элементов);

- рассмотрение элементов несжимаемыми (по Анаксагору «частицы материи движутся сжимая друг друга»);

- предположение качественной однородности элементов, различающихся только по количественным признакам — величине и форме («у Анаксагора элементы разных тел различаются качественно, по виду, цвету, вкусу и т.д. — как самые эти тела...»);

- тезис о том, что элементы находятся лишь «во внешних между собой отношениях» (Анаксагор рассматривает отношения элемен-

тов между собой с внутренней точки зрения, что предполагает рассмотрение самих элементов как сложных комплексов, т.е. состоящих из частей, «взаимно изменяющих свое положение»²²);

— признание существования пустого пространства (у Анаксагора «элементы заполняют все пустое пространство сплошь»);

— указание на безжизненность элементов, что в качестве внешней движущей силы предполагает голую, абстрактную необходимость (у Анаксагора роль такой силы выполняет разлитая в природе сила, «которую он называет *ноус*, разум: организующее начало бытия, мировая душа, одухотворяющая материя, из которой состоит и душа человека»²³).

А.А.Богданов задается вопросом о том, почему древняя атомистика «не только имела исторически гораздо больший успех, чем доктрина Анаксагора о гомеомериях, но и оказала гораздо большее влияние на весь ход развития философской, и даже собственно научной мысли», хотя «представления Анаксагора кажутся гораздо более близкими к действительности»²⁴. Поэтому сопоставив некоторые атомистические представления с практикой, ученый отмечает, что хотя «трудовое разложение предметов, их дробление на части обыкновенно не удается вести дальше известного предела», но «стоит усовершенствоваться орудиям — и предел отодвигается дальше», другими словами «никакой абсолютной непреложной границы для разделяющей активности на практике найти нельзя». Нельзя также, по его мысли, «найти таких, хотя бы очень маленьких тел, которые обладали бы только величиной и формой». И, наконец, «существование пустого пространства должно было стать по меньшей мере спорным с тех пор, как на опыте выяснилась материальность воздуха»²⁵. Однако, поскольку, по мнению А.А.Богданова, именно такие представления атомистической концепции лежали в основе индивидуалистического мышления менового общества, люди «находили в ней нечто неопределенно-знакомое и родное, какую-то символику, возбуждавшую отзвуки в самых живых струнах души»²⁶, и именно по этому атомистическая доктрина получила столь широкое распространение.

Прогрессивность использования древними атомистами закона необходимости, подчиняющего себе движения атомов, заключается, по словам А.А.Богданова, в том, что она «освобождала исследующую мысль от старого антропоморфизма, и не давала останавливаться и успокаиваться на воображаемых, по произволу действующих властных причинах», она «разрывала цепь причинных связей в бесконечность, и тем открывала перспективу бесконечного познания»²⁷. Но, если Демокрит, скорее всего не рассматривал необходимость как «общую [курсив А.Б.] причину» для всего движения атомов, полагая последнее изначально беспорядочным и разнообразным, то более популярное

изложение атомистики Эпикуром, а затем и Лукрецием, в качестве такой изначальной причины использовало абсолютизированную тяжесть или вес тел. Однако, по мысли А.А.Богданова, уже само стремление найти первопричину мирового процесса «указывает на авторитарный прием мышления, ибо только авторитарная цепь причинности может иметь свое первое звено». Поэтому как только «мысль философа встала на этот путь — ничего не стоит пройти немного дальше, и к скрытому произволу вселенной прибавить немножко явного, к беспричинному падению атомов — беспричинные отклонения от прямого пути»²⁸ по аналогии с произвольными движениями людей и животных, как отмечает Лукреций. Одновременное использование в познании двух противоречащих друг другу познавательных принципов было обусловлено тем, что, согласно взглядам А.А.Богданова, «под меновой оболочкой верхов классического общества скрывалась авторитарная система рабства»²⁹.

Однако тенденция к подрыву старых приемов миропонимания постепенно становилась преобладающей в древних атомистических учениях. Так, древнему мыслителю Эмпедоклу из Агригента удалось, сделать первый шаг в преодолении антропоморфического понимания целесообразности в природе, т.е. миропонимания, основанного на авторитарной причинности и предполагающего существование «личного властителя-творца вселенной». Убедительным свидетельством позиции такого рода являлось распространенное в то время рассуждение о том, что если кто-то «говорит о целях, то невольно подразумевает какую-то волю с ее мотивами». Другими словами, если «жизнь формируется сообразно определенным целям, если каждый орган каждого тела выполняет свою определенную задачу, то естественно заключить, что все это — результат чьей-то планомерной работы, раньше задуманной и обдуманной, а затем выполненной»³⁰. Основной смысл идеи Эмпедокла по замене «личного творящего произвола безличной необходимостью»³¹ заключается, по мнению А.А.Богданова, в утверждении принципа подбора, согласно которому «разрушается то, что не приспособлено к своей среде, сохраняется то, что приспособлено к ней»³². Именно такое понимание идеи Эмпедокла было взято на вооружение атомистами, которые, по мысли А.А.Богданова, «сделали из нее опору для своего мировоззрения»³³. Эта идея представляет для автора «Тектологии» наиболее интересный пункт воззрений Эмпедокла: «И любовь, и ненависть у него действуют вполне стихийно; следовательно, в образовании форм нет никакого плана, никаких целей. Возникают самые разнообразные комбинации, в бесконечном числе. Но большинство из них были непрочны, неустойчивы, нецелесообразны [курсив А.Б.], и они погибали; напр., когда случайно образовывались отдельные органы, без подходящих тел, или

соединенные в неудачных сочетаниях. Сохранялись только гармоничные, стройные *целесообразные* [курсив А.Б.] комбинации. Так, помимо всякого намерения и сознательности, природа вырабатывала формы, приспособленные для жизни»³⁴.

Социальная подоплека идеи Эмпедокла о естественном отборе, по мысли А.А.Богданова такова: «В своих колониях греки сталкивались, как торговцы или грабители, а чаще всего — то и другое вместе, с туземными общинами и племенами гораздо более низкой, чем они культуры. Примитивной родовой организации этих племен они уже не понимали, так как сами из нее вышли. Всего больше они интересовались «варварами» как легкой добычей, источником рабской рабочей силы. Неприспособленность варварских общин к военной и экономической борьбе с колониальными организациями греков бросалась в глаза; первые таяли и исчезали перед вторыми, в роде того как за последние века «дикари» тают и исчезают перед колонизаторами европейцами во всех краях земли. Из такой картины могла возникнуть бессознательная символика Эмпедокла: природа своими объединяющими и разлагающими силами творит разнообразные формы, но одни из них несовершенны и нежизнеспособны в борьбе, как «руки без голов» — сравнение с точки зрения грека весьма подходящее к варварам, которых они обращают в рабство, — другие стройны и устойчивы; первые гибнут, вторые выигрывают и вселенная выигрывает от этого, как человечество выигрывает от вытеснения варваров греками»³⁵.

Итак, учение Эмпедокла базируется на социоморфной картине развития вселенной, в основу построения которой взят социоморфизм³⁶. Другими словами, в основе эмпедокловских сил «любви» и «ненависти» (точнее «раздора») лежат, по убеждению А.А.Богданова, «*социальные* [курсив А.Б.] силы связи и борьбы между людьми, тот безличный инстинкт общения и та индивидуалистическая тенденция, которыми определяются форма общества меновой эпохи»³⁷.

Необходимость формирования обновленной формы абстрактного атомизма — новоевропейского геометризма Гоббса — диктовалось, как это понимал А.А.Богданов, зарождением новой техники, опирающейся на точное измерение и численный расчет. «Условия торгового плаванья по океанам с одной стороны, — отмечает мыслитель, — условия мануфактурной работы с другой создавали необходимость в точных инструментах и строгих, но гибких способах вычисления. В эту сторону направлялись усилия лучших умов, и Гоббс отражал такое настроение, выдвинувшее целый ряд ученых: математиков, физиков и астрономов, и породивших ряд переворотов в науке. Стремление к точности дало основу и для самого метода высшей математики — разложение величин на бесконечно малые элементы, примененное впервые Ньютоном и Лейбницем»³⁸.

Взять к примеру торговое мореплавание. Во времена античности условия по преимуществу прибрежного плавания греческих торговцев не требовали точных приемов ориентировки. Поэтому древняя астрономия вполне удовлетворялась птолемеевскими таблицами, лежащими в основе расчетов орбит небесных тел, хотя и не могла достаточно теоретически стройно и просто объяснить некоторые странности движения планет. Запутанность эта выражалась в том, что планеты «идут среди звезд то быстрее, то медленнее; порой как будто останавливаются, поворачивают назад и опять переходят к прежнему направлению; а через определенное число месяцев и дней они снова на старом месте и начинают тот же путь»³⁹. Неясность была неустранима, но поскольку практика мореплавания не вызвала насущных потребностей развития астрономии, и приходилось «придумывать сложные теории, отдельное небо для каждой планеты, предначертанные каждой круги, вращающиеся в свою очередь по другим кругам», древний геоцентризм был непоколебим, хотя «некоторые пифагорейцы и додумывались до идеи вращения земли вокруг солнца»⁴⁰.

Совсем другое дело представляет собой океаническое плавание, вызванное к жизни поисками рынков в Новое время. А.А.Богданов констатирует: «Для корабля, затерянного в необозримом океане, среди тысяч опасностей, только самая точная ориентировка может сколько-нибудь гарантировать своевременное достижение цели, и самую возможность возвращения. Малейшая ошибка в направлениях или в расчете расстояний может отдать корабль во власть враждебных стихий и погубить его вместе с людьми и товарами»⁴¹. Именно астрономические методы дают, по Богданову, необходимое совершенство ориентировки на безграничных океанических просторах: «Среди однообразных водных пустынь нет других опорных пунктов для опознания места и пути, кроме небесных тел с их устойчивыми взаимоотношениями»⁴². «Такую ориентировку, — подчеркивает философ, — дала новая астрономия — астрономия таблиц кастильских астрономов, потом Коперника и Галилея»⁴³. Выводы Коперника, переменившего точку зрения и осуществившего переход к гелиоцентризму, «были основаны на материале таблиц, составленных во второй половине XIII века несколькими десятками астрономов, по поручению кастильского короля Альфонса Мудрого, чтобы облегчить и поощрить мореплавание»⁴⁴. Галилей, открывший спутники Юпитера, дал мореплавателям возможность «проверки хронометров на море, определения долготы места»⁴⁵.

Таким образом, как отмечает А.А.Богданов, «новая астрономия и новая математика были насущными потребностями торгового капитализма в мировом масштабе»⁴⁶. Еще один пример, демонстрирующий связь практического опыта с познанием, технических правил с познавательными обобщениями, дает реконструкция хода рассужде-

ний Ньютона по объяснению орбиты планет, предпринятая русским мыслителем в статье «Социализм науки»: «1-е обобщение: свободные тела падают на землю вертикально. 2-е: боковой толчок отклоняет падающие тела от вертикали, придавая их пути кривизну». 3-е, широко организующее обобщение: умноженное действие дает умноженный результат. Ближайший вывод: чем сильнее боковой толчок, тем более значительно отклонение от вертикали, тем более отлогая кривая линии падения. 4-е обобщение: земная окружность — весьма отлогая кривая линия. Вывод из соединения этой идеи с предыдущим: достаточно сильный толчок может дать падающему телу линию пути такой же отлогой кривизны, как земная окружность, или еще более отлогой, причем тело, очевидно облетит кругом Земли, не попадая на ее поверхность. 5-е обобщение: Луна движется так, вокруг Земли. Вывод из него и предыдущего: Луна движется как тело, свободно падающее на Землю при достаточно сильном боковом толчке»⁴⁷.

Другим социальным фактором, вызвавшим к жизни активное развитие точных, математических методов познания является рождение мануфактуры — относительно крупного, в отличие от кустарного и ремесленного производства, производственного предприятия, предполагающего массовое производство. «Ясно, — отмечает А.А.Богданов, — что при массовой выделке каких-нибудь мелких и тонких частей — положим, таких как колесики и рычаги карманных часов — необходима огромная точность выполнения, чтобы самая сборка в целое была возможна; а для такого выполнения нужны, в свою очередь, очень точные орудия»⁴⁸. Поскольку сделать такое орудие абсолютно без недостатков невозможно, а для массового производства любая, даже совсем малая, погрешность, безчисленное число раз влияя на производственный процесс, перестает быть малозначительной и неощутимой, и благодаря суммированию массы ничтожно-малых воздействий становится большой величиной. Поэтому выступает, как отмечает философ, практическая задача: «Сделать всякую неправильность в устройстве орудия, всякое уклонение от его нормальной формы величиной бесконечно малой, т.е. меньше всякой еще имеющей реальное значение величины, — такая же задача, как и для орудий ориентировки в области океанического транспорта»⁴⁹. Метод новой математики — анализ бесконечно малых — заключается, по мысли автора, в том, что «изучая взаимную связь величин, мысленно сводят изменения каждой из них к бесконечно-малой, и для этого предела находят уже точную зависимость изменений», другими словами «основная операция высшей алгебры, приводящая изменение величины к пределу — к бесконечно-малой, есть выполнение в мыслях того, к чему реально стремилась техника: уменьшать беспрестанно некоторую реальную разность, именно неточность орудия, а с нею, конечно,

неточность его функции, т.е. отклонение того и другого от идеальной модели или нормы»⁵⁰. Понятно, почему античному миру «не имевшему ни океанического транспорта, ни мануфактурного производства, чуждо было стремление к “бесконечно-малым”, т.е. к бесконечной точности, в живой его практике»⁵¹, хотя понятие о бесконечно-малых возникло еще в классической древности. Как показывает анализ А.А.Богданова, поскольку античному миру как миру авторитарно-аристократическому «присуще консервативное направление мысли, тяготеющее к устойчивому, неизменному, неподвижному», постольку символы выражающие «непрерывное движение в ту или иную сторону», «неограниченный прогресс возрастания величин или углубления в них», а такими символами как раз и являются «бесконечно-малые», вызывали в душе греческого философа чувство противоречия⁵².

Итак, А.А.Богданов еще раз напоминает, что так «сама жизнь направляла работу мысли к развитию методов математики, создавая почву и для целого ряда открытий в этой области, и для философской односторонности Гоббса»⁵³. Благодаря «бесконечно-малым», древний атомизм в учении Гоббса принимает «отвлеченно-геометрический характер»⁵⁴: вся действительность — это «тела и их движения в пространстве». Тела обладают только протяженностью и формой, им присуща бесконечная делимость. Абсолютно пустое пространство Гоббс отрицает. Свойства тел — «их цвет, твердость или мягкость, теплота или холод» — это «ощущения, вызываемые в нас различными движениями тел, их частей и частиц». «Но и ощущения, — цитирует Гоббса А.А.Богданов, — тоже лишь движения частиц организма»⁵⁵. Таким образом, материя в материалистической картине мира Гоббса совершенно безжизненна и отвлеченна, «она так опустошена математической мыслью, что у нее не осталось ничего кроме пространственной формы, да движения»⁵⁶. «Познать, по его [Гоббса — К.Л., В.Т.] мнению, — отмечает А.А.Богданов, — возможно только то, что можно геометрически построить и численно выразить»⁵⁷. Другими словами, математика в учении Гоббса поглощает все познание. Исследование Гоббс «сводит к определению следствий через их причины, к раскрытию причин на основании следствий посредством правильных заключений; заключать же, по его мнению, значит считать или вычислять, и всякий процесс такого рода может быть разложен на элементы сложения и вычитания»⁵⁸.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Неопределенность древнего (сенсуализма Протагора) и новоязропейского (сенсуализма Локка) материализма выражается, по мнению А.А.Богданова, в использовании психического метода, допол-

ненного «неопределенно-материалистической подстановкой», в начале в зачаточной форме, как у Протагора, затем в его дальнейшем развитии, как у Локка¹.

Центральным понятием психического метода является понятие «психики». Это, по мысли философа, — область «личных переживаний» или «личного сознания», в которой активность рассматривается сама по себе, как «нечто отрешенное или абсолютное», «нечто обособленное и замкнутое», «нечто отдельное от остального бытия»². Такое понимание психики происходит благодаря абстрактному фетишизму, исходной точкой которого является «социально-человеческая активность, фетишистически познаваемая людьми в обществе, раздробленном силою обмена и частной собственности». Если в общечеловеческом масштабе социальная активность соотносительна всей природе, она изменяет мир, организует его для человечества, то в масштабе индивидуальной активности, понимаемая как психика, т.е. активность, оторванная от действительности, «охватывает ничтожную часть природы, организует ее неуловимо-малую долю». Поэтому оставшаяся часть природы, которой личность, объективно противостоит как член трудового коллектива, оказывается носителем сопротивления, адекватного усилиям всего общества, т.е. значительно большего объема, чем тот, который заключен в отдельном индивиде. Этот избыток трудовой активности общества, не лежащий в поле зрения индивида и отчужденный от личности, не сознающей себя «живой частью коллективной практики», ставит психику индивида в «воспринимающее», созерцательное, «т.е. по преимуществу пассивное отношение»³.

Психическая подстановка представляет из себя, по А.А.Богданову, процедуру, базирующуюся на двух формулах. Первая заключается в том, что совокупность психических переживаний личности или «личное сознание» рассматривается «как нечто наиболее знакомое человеку, и даже как единственная вещь, непосредственно ему знакомая: каждому в его опыте даны непосредственно только его индивидуальные переживания»⁴.

Вторая формула, представляющая из себя психологический метод «объяснения» мира в целом имеет два варианта: солипсизм и панпсихизм.

Солипсизм представляет собой наивную, индивидуально-психическую подстановку. Мыслитель-солипсист, т.е. «абсолютный» теоретик, представляющий теорию независимой от всякой практики, в целях объяснения мира «подставляет на его место свой индивидуально-психический опыт», считая, что «внешние предметы, в сущности, не более как мои представления; другие люди — тоже лишь мои представления; весь мир — не более как мое представление». Такое объяснение мира, как подчеркивает А.А.Богданов, представ-

ляет редкий, исключительный случай, поскольку даже в индивидуалистическом обществе «люди практически вынуждены считаться друг с другом совершенно иначе, чем со своими представлениями: заключать меновые договоры, вступать в экономическую борьбу, сталкиваться идейно, а иногда и физически...», поэтому подставлять свои представления вместо других людей не только не достаточно, но и не выгодно. В подтверждение своих русский мыслитель приводит высказывание немецкого представителя имманентной философии Шуберта-Зольдена о том, что «солипсизм неопровержим в теории, но не может быть удержан на практике»⁵.

Одновременно А.А.Богданов полемизирует с представителями новейшего эмпиризма (эмпириокритицизма), которые отрицают присутствие в солипсизме момента объяснения мира в целом и рассуждают по схеме, что поскольку нам непосредственно даны в опыте только наши представления, солипсизм «всецело ограничивается этим “непосредственно данным”, и не делает под “свои” представления никакой подстановки». Считая такой подход вариантом «философского» извращения действительности, автор «Эмпириомонизма» напоминает, что раньше, чем мыслитель может дофилософствоваться до мысли, что непосредственно даны только представления, он фактически, т.е. на практике и в мыслях, признает других людей и предметы за действительные тела и только после усвоения способа философских рассуждений может позволить себе думать, «что “даны” не тела, а представления»⁶.

Панпсихизм, по мнению А.А.Богданова, наиболее широкая и наименее наивная форма психической постановки, а именно, «универсально-психическая». Это — наиболее стройная и логичная, но, тем не менее, и очень редкая разновидность философского мировоззрения. Панпсихист в отличие от солипсиста «полагает, что другие люди и вещи — отнюдь не одни его представления, а существуют и сами по себе; при этом сами по себе они — *психические комплексы* [курсив А.Б.] разных степеней сложности: человек — самая сложная психика, различные животные — психики более простые, растения — еще более простые, тела же неорганизованные суть наиболее элементарные психические комбинации»⁷. «Слабость «панпсихической» подстановки, — резюмирует мыслитель, — заключается в том, что она всю природу должна подчинить *психической закономерности* [курсив А.Б.], всю связь явлений сводить к законам психологии». Ведь, если логично и последовательно проводить панпсихическую линию в философии и считать, что непосредственно известно только психическое, то придется признать, что «обо всем известном косвенно, через умозаключения или подстановку, мы можем, очевидно, судить исключительно по этому психическому, и ничего не-психического реально вообра-

зять не можем». А отсюда недалеко и до мысли, что существует психическая «материя». Однако это настолько пустая фраза, что для нее «в нашем живом опыте нет мыслимого содержания». К счастью наука не стоит на такой точке зрения и «человеческое предвидение ничего не смогло выиграть от применения психологических методов к растениям, и особенно к минералам»⁸.

Таким образом, поскольку «философы-индивидуалисты всех оттенков постоянно смешивают мышление с сознанием, идеи с представлениями, вообще идеологию с психологией», психический метод, по глубокому убеждению А.А.Богданова, должен быть дополнен «какой-нибудь другой подстановкой, в духе материализма или идеализма»⁹. Пример психо-идеалистической подстановки, по его мнению, представляет из себя монадология Лейбница. Если в соответствии с установками психологического метода, жизнь каждой монады представляет собой индивидуально-психический процесс различной степени сложности, а окружающий мир существует для монады только в ее собственных представлениях, то согласно точки зрения идеализма «в основе цепи представлений монады лежит идеальная или духовная сущность монады». Лейбницу, по мысли русского философа, удалось правильно, хотя и бессознательно, ухватить социально-организующую сущность мышления, отличить психическое представление от идеи: «идея, в виде силы-субстанции, у него [Лейбница — К.Л., В.Т.] есть общее *организующее начало* [курсив А.Б.] всех представлений данной монады; и в тоже время именно благодаря согласованности этой идеи-силы с другими идеями-силами представления монад взаимно согласуются, т.е. в сущности «социально организуются»»¹⁰.

Сочетание психического метода с материалистической подстановкой рождает, как считает А.А.Богданов, «сенсуализм в разных его оттенках»¹¹. В этом отношении в античности существовало философское течение, которое принято считать весьма родственным материализму, но которое в «своей исходной точке не принадлежит ни к материалистической, ни к идеалистической линии мысли»¹². Древний сенсуализм, «самым ярким представителем которого был знаменитый софист *Протагор* [курсив А.Б.], родом из Абдеры, как и Демокрит»¹³, в основу своих построений кладет индивидуально-психический опыт, являющийся результатом «дробления коллективного опыта социальной борьбой рынка и частной собственностью»¹⁴. «Исследуя психический опыт индивидуума, — отмечает А.А.Богданов, — Протагор нашел, что его основу составляют ощущения, из которых образуются и все остальные психические факты — представления, чувствования (эмоции) и проч.»¹⁵. Пытаясь реконструировать взгляды Протагора по поводу природы ощущений, мыслитель подчеркивает неопреде-

ленно-материальный ее характер. У Протагора материя «находится в текущем состоянии, в каком-то движении» и «не может быть определенно познана»¹⁶. Поскольку, по мнению А.А.Богданова, для «ощущения необходима наличность объекта, который воспринимается, и субъекта, который воспринимает или ощущает», постольку для Протагора ощущение — «результат *взаимодействия* [курсив А.Б.] субъекта и объекта, результат двойного движения, протекающего между ними»¹⁷. Другими словами, схема образования ощущений в протагоровском смысле такова: вначале «из внешнего предмета исходит некоторое оптическое или световое движение, и встречается с другим движением, исходящим из глаза, чувствующего органа»; затем оба «движения соединяются, взаимно влияют одно на другое»; и, наконец, «получаются изменения, опять-таки двойного характера: в глазу возникает зрительное восприятие предмета, а в самом предмете — оптический образ, соответствующий этому восприятию»¹⁸.

Эта активность протагоровского субъекта составляет, по мнению А.А.Богданова, основное отличие древнего сенсуализма от новоевропейского: активность субъекта «не только подвергается действию со стороны объекта, от чего собственно происходит собственно ощущение, но и сама воздействует на него, порождая в нем “ощущаемое”», т.е. «дерево само по себе неизвестно каково, и оптического образа не имеет; но когда человек смотрит на него, то не только он получает зрительное ощущение, но и само дерево приобретает, по отношению к нему, зрительную форму, свой оптический вид»¹⁹. Другими словами, ощущение для Протагора имеет «пассивно-активный характер: оно не только “испытывается” от предмета, но и на него налагает, хотя бы только на момент, свой отпечаток»²⁰. Именно поэтому ощущение всегда правильно передает ощущаемое, другими словами всегда истинно. Однако, «само ощущаемое существует в предмете только в этот момент и только для данного субъекта; предмет же сам по себе для человека недоступен»²¹. «Отсюда, — заключает А.А.Богданов, — получилось основное положение Протагора: “человек — мера всех вещей, существующих — в их бытии, не существующих — в их небытии”». Толкование этого положения А.А.Богдановым таково: «Для всякого данного лица всякая данная вещь существует именно такою, какой он ее в этот момент воспринимает; она для него не существует, если он ее вовсе не воспринимает»²². Если сказать кратко, то получается релятивистская формула: «все вещи соотносительны человеку».

Поскольку же, по мнению древних сенсуалистов, люди бывают разными, со специфическими органами чувств, способными каждый особым образом воспринимать и одновременно формировать ощущаемое, постольку различными будут как сами ощущения людей,

так и то осязаемое, которое «нарождается в объекте»²³. Именно поэтому, взаимопротивоположные высказывания двух разных людей, могут быть верны, но «каждое для своего автора». Или, другими словами, «противоречащие друг другу суждения одинаково правильны», и значит, как подчеркивает А.А.Богданов, налицо формула скептицизма, отрицающая объективность в познании: «нет истины общеобязательной (или «общезначимой») для людей»²⁴. Все это означает лишь то, что «объект лежит вне ощущений, и как таковой познан быть не может»²⁵. Такого рода софистические схемы, по мысли русского философа, означают в первую очередь индивидуалистическое понимание опыта, отражающее *«практический индивидуализм, развиваемый организацией менового общества* [курсив А.Б.]»²⁶.

Продолжая традиции древнего сенсуализма, родоначальник новой европейской психологии Д.Локк рассматривает индивидуальный психический опыт как единственно-данное человеку: «весь опыт и все познание развивается из ощущений, получаемых из внешнего мира, и “рефлексий”, т.е. процессов их внутренней переработки, мышления по поводу них». Вопрос взаимоотношения ощущений и рефлексий (мышления), принявший у Локка форму борьбы против учения о врожденных идеях²⁷, составляет, по мысли А.А.Богданова, основное содержание борьбы против главных пережитков старого типа мышления, стремления «распространить схему новой причинности-необходимости и на психический опыт»²⁸.

Теория врожденных идей, происхождение которых, по мнению А.А.Богданова, объяснялось с авторитарно-религиозной точки зрения как вложенных свыше, ведет свое начало от философии Платона. Согласно Платону «за миром воспринимаемой действительности, конкретных вещей и конкретных психических явлений, скрывается иная *истинная* [курсив А.Б.] действительность, мир идей, которые суть первообразы, чистые формы вещей и явлений»²⁹. Поскольку, «идеи представляют организующее начало всякого конкретного, частного бытия», постольку это частное бытие есть «лишь их, более или менее несовершенное исполнение». «Душа человека, — продолжает излагать взгляды Платона русский мыслитель, — до его земной жизни, живет в мире идей, вообще, принадлежит к нему по своей природе, знакома с ним изначально, и когда она, пребывая среди чувственных предметов, составляет о них понятия, то она, в сущности, только “припоминает” образы идей, которым познаваемые предметы подчинены в своем бытии»³⁰. Таким образом, в соответствии с теорией врожденных идей «человек является на свет уже обладая, хотя и в скрытом виде, некоторыми идеями, составляющими основу его последующей духовной жизни»³¹. Это положение, аргументировалось его сторонни-

ками согласованием «некоторых религиозных и нравственных принципов у всех народов, живущих совершенно отдельно одни от других жизнью и в самой различной обстановке»³².

Локк вслед Гоббсом противопоставил данной теории тезис: «В разуме нет ничего такого, чего не было бы раньше во внешних чувствах»³³. В качестве доказательств Локк использовал данные, добытые наблюдениями психикой детей, сообщениями путешественников о разных племенах, свидетельствующие о взаимоисключающих религиозных и нравственных принципах различных народов (напр. «у некоторых народов считается величайшей добродетелью то, что другие считают преступлением, напр. грабеж и убийство, а понятие о Боге, повсюду очень различное, у иных племен просто отсутствует»)³⁴.

Исследуя способы образования психической системы из материала чувственных восприятий, Локк пришел к выводу, что путь развития психического опыта «начинается с того, что при помощи внешних чувств у человека первоначально накапливаются простые ощущения и представления: цветовые, звуковые, относящиеся к твердости и мягкости, к протяжению и т.д.»³⁵. А.А.Богданов считает, что Локк неправильно обозначает их термином «идеи», хотя и добавляя к нему прилагательное «элементарные». Происходит это, по убеждению русского философа, по причине ускользания от Локка социального характера мышления. Поскольку Локк стоит на индивидуалистическом понимании опыта, постольку и «процесс образования понятий рассматривается таким образом, как будто он целиком совершается в рамках отдельной психики»³⁶. Развитие психического опыта индивидуума, по Локку, как считает А.А.Богданов, идет путем восприятия внешних чувств, начиная от состояния «чистой доски» («*tabula rasa*») до заполненности абстрактными идеями. Процесс этот идет через последовательное прохождение различных стадий: вначале — группировка общих представлений о разных «свойствах» по сходству, затем — формирование идей о «субстанциях» (более сложных и устойчивых сочетаний «свойств» — телах, материи), и, наконец, — образование «собственно логики», области отвлеченных понятий, которые образуются при помощи слов. При этом, А.А.Богданов обращает внимание на «коренной хотя и необходимый недостаток метода, свойственный философии, которая стоит на точке зрения индивидуализма», и подчеркивает, что хотя «посредством слов материал психики приводится в порядок», но благодаря изменчивости их значений возникают и многие ошибки³⁷.

Использование Локком в своих рассуждениях смутно-познаваемых «субстанций», составляет, по мнению А.А.Богданова, существо неопределенно-материалистической подстановки. Неопределенность последней вытекает из того, что Локк считает субстанции лишь смутно познаваемыми, причем «сколько-нибудь достоверны для него

материальные субстанции; субстанция душевная представляется ему сомнительной и спорной, самый вопрос о ней — абсолютно неразрешимым». Материальность подстановки Локка заключается, по мысли русского философа, во-первых, в признании им самого факта существования субстанций как «реальностей независимых от психического опыта, “вещей в себе” по наиболее обычной терминологии», во-вторых, в обозначении «первичными» свойств вещей, «которые присущи им самим по себе, независимо от человеческих ощущений». К ним Локк «относит протяженность, т.е. форму величину, положение в пространстве, движение, — и затем непроницаемость (solidity — плотность, массивность)»³⁸. При этом, А.А.Богданов высказывает мнение, что «присоединение последнего свойства было результатом огромного прогресса механики, и специально — ее систематизации Ньютоном»³⁹. «Другие свойства, — по мысли философа, — он [Локк — К.Л., В.Т.] называет вторичными и третичными; они для него всецело субъективны, т.е. сводятся к ощущениям, вызываемым воздействием вещей на нервный аппарат»⁴⁰.

Чтобы продемонстрировать, куда может завести свойственная сенсуализму неопределенность материалистической подстановки, А.А.Богданов анализирует взгляды другого, более позднего представителя английского сенсуализма — Д.Юма, у которого «материалистическая подстановка окончательно расплывается: все свойства “вещей” оказываются субъективными, и самое существование вещей — предметом веры, которая практически нужна и полезна, но не имеет ничего общего с философским знанием»⁴¹. Неопределенность эта является порождением жизненной неустойчивости буржуазного мира, непредвиденностью социальных явлений, подчинением людей капризам экономического рока. И в этом смысле русскому мыслителю интересны два пункта учения Юма: «критика человеческого “я” и объяснение причинности»⁴², которые, по его мнению, не столько способствуют прямому утверждению прогрессивных для того времени мировоззренческих ориентиров, сколько рассматриваются в разрезе борьбы с пережитками феодально-религиозного мировоззрения.

Насколько меновое общество обладает противоречивыми тенденциями (напр., закономерность экономической необходимости и случайность конкуренции)⁴³, настолько и индивид, ориентируется в своих жизненных устремлениях на две взаимно противостоящие друг другу психологические установки. Если, с одной стороны, опираясь в своем сознании на некий обладающий непрерывностью и себе тождественный центр, с целью предвидения фактов индивид руководствуется причинностью-необходимостью, то с другой, — одновременно скептически пасует перед неопределенностью развития событий, пытаясь препарировать свое личное «я» на пучек различных

восприятий, хотя привычно и следующих одно за другим, но без гарантии того, что оно впредь не нарушится. Вот эту-то вторую особенность действительности менового общества и ее психологическое проявление и раскрывает, по мнению А.А.Богданова, Юм, причем достаточно последовательно и глубоко. Именно эта, в значительной степени разрушительная тенденция нарождающегося общества, играет важную роль в преодолении остатков авторитарного дуализма, выражающегося в господстве авторитета и традиции. Так, именно из авторитарного мышления организатора образуется впоследствии личное «я» товаропроизводителя, психически самотождественное и непрерывное, а авторитарная причинность, предполагающая отношение «организаторского властного и исполнительского подчиненного действия», сменяется причинностью-необходимостью, базирующейся на господстве над людьми «экономической необходимости, определяющей помимо их личных желаний и склонностей, как их действия во взаимных отношениях, так и результаты этих действий»⁴⁴.

Носителями таких разрушительных взглядов, по мысли А.А.Богданова, являются именно те представители буржуазного мира, чье сознание особенно сильно поражается фактом зависимости людей «от непонятных и недоступных для их познания стихийных сил рынка», невозможности надежного предвидения катастроф, приносящих гибель многих тысяч товаропроизводителей. И в этом отношении характерен пример Юма, который был «передовым и во многих отношениях крайним представителем английской буржуазии своего времени». «Глубже и сильнее других, — подчеркивает А.А.Богданов, — Юм ощущал социальную атмосферу развивавшегося капитализма, и это своеобразие отразилось на его взглядах»⁴⁵.

Не случайно поэтому, что Юм «опровергает тех философов, которые полагают, будто человек непосредственно сознает свое “я”, как особую, непрерывную, самой себе тождественную реальность». Опираясь на «интроспективный» анализ своего «я», Юм приходит к выводу, что уловить свое «я» вне связи с каким-либо ощущением невозможно. «Что касается меня, — говорит он, — каждый раз, как я проникаю в так называемое свое “я”, то я встречаю какие-либо частные представления, или ощущения тепла, холода, света, мрака, любви, ненависти, удовольствия, страдания. Но никогда я не могу уловить своего “я” помимо какого-либо ощущения, и все, что я при этом наблюдаю, никогда не бывает ничем иным, как ощущением». Юм отрицает и непрерывность своей субъективной реальности: «во время, напр. крепкого сна всякое “я” совсем исчезает». В противовес индивидуалисту-метафизику, для которого «центром его мышления, интересов, активности, является личное “я”, собственник всех его переживаний», обладающее множеством качеств, возвышающих его «над

изменчивым ходом явлений, в том числе простотой, непрерывностью, самому себе равенством и другими подобными привилегиями, Юм говорит об остальных людях как только о пучке или соединении «различных восприятий, следующих одно за другим с непостижимой быстротой, в постоянной смене и непрерывном движении»⁴⁶.

По мнению А.А.Богданова, агностицизм Юма по отношению к субстанции вообще и материи в частности, не допускавший даже возможности познать их свойства, как «вещей в себе» и признававший само их существование только практически необходимым «делом веры», развивается в скептическую тенденцию разложения причинной связи «на привычные ассоциации последовательности фактов»⁴⁷. «Если в опыте *A* следовало восприятие *B*, — воспроизводит мысль Юма философ, — то между ними создается привычная ассоциативная связь, в силу которой и впредь, когда встретится *A*, за ним невольно ожидается *B*: эта привычка выражается в том, что *A* называют причиной, *B* — следствием». Поскольку «предполагаемая по привычке связь обладает достаточной вероятностью, так что ею в обыденном опыте можно удовлетворяться», представление о том, что «*A* необходимо влечет за собою *B*, ничем не может быть доказано, и есть не более как иллюзия»⁴⁸. При этом А.А.Богданов подчеркивает: «Для скептика необходимость, или, вернее ход событий сохраняет тот же непреодолимый, стихийно-роковой характер, но теряет характер строго закономерный, дающий известную уверенность в будущем, позволяющий заранее к нему приспособляться»⁴⁹. Таким образом, по мысли А.А.Богданова, скептик разлагает весь ход явлений на отдельные восприятия, признавая «только психический, т.е. индивидуальный опыт, и в нем только субъективную связь ассоциации ощущений и представлений»⁵⁰.

Именно в связи с этим, по мнению русского мыслителя, скептицизм Юма не может удовлетворить обычное буржуазное сознание, поэтому «он не породил сколько-нибудь широкого идейного течения, сколько-нибудь значительной школы», он «больше толкал вперед буржуазно-философскую мысль, чем руководил ею»⁵¹.

НОВЕЙШИЙ ЭМПИРИЗМ

Эмпириокритицизм является, по мнению А.А.Богданова, новейшей формой эмпиризма. Если представителем некритического эмпиризма, старого буржуазного материализма является «естествоиспытатель-кустарь, ведущий свою работу индивидуальными силами и на маленькие частные средства», то в новейшем эмпиризме, по мысли философа, личность сменяется крупной организацией. «Современные лаборатории, обсерватории, разнообразные научно-технические институты, — подчеркивает мыслитель, — это, в самом деле, не что

иное, как фабрики естествознания [выделено А.Б.]]»¹. А.А.Богданов отмечает: «Применение дорогих и сложных машин, в том числе нередко сильных механических двигателей, паровых, газовых или электро-моторных, обширный персонал служащих, от директоров и старших ассистентов до слесарей, кочегаров и, наконец, чернорабочих, высоко-развитое разделение труда между ними при строгой дисциплине, таковы основные черты этих “научных предприятий” нынешней фазы капитализма»². Такого же типа научные организации, по мнению А.А.Богданова, существуют и в крупных промышленных предприятиях. И если «непосредственным [выделено А.Б.] деятелем машинного капиталистического производства выступает наемный рабочий-пролетарий» и его роль является исполнительской, то «роль организаторская, руководящая, принадлежит именно интеллигентскому персоналу — инженерам, техникам и т.д.»³.

А.А.Богданов обращает внимание на некоторые особенности труда интеллигентско-технического персонала, которые во многом определяют мировоззрение этой социальной группы. Во-первых, тот факт, что ее труд является «социально-необходимым» и «технически-прогрессивным», способствующим сознательному и планомерному улучшению техники. Во-вторых, — косвенный его характер «по отношению к самой внешней природе, к ее силам и элементам». Именно отсутствие непосредственного контакта с «сопротивлением материи», по мнению философа, придает мышлению технической интеллигенции окраску большей «духовности», хотя эта особенность не носит абсолютного характера: «Инженер есть все же техник; и он не только имеет технический процесс труда постоянно перед своими глазами, но нередко принужден вмешиваться в него непосредственно, подобно рабочему; физические приемы труда, входящие в данный процесс, во всяком случае, должны быть знакомы интеллигентному руководителю, они обязательно входят в его подготовку»⁴. В-третьих, — научный характер труда этой общественной группы. «Основной “капитал” [курсив А.Б.], на который в своей работе опирается интеллигентный техник, — подчеркивает А.А.Богданов, — это его научные познания, — как в той специальной “технической” [курсив А.Б.] науке, которую ему непосредственно приходится применять, так и в целом ряде других технических, естественных, математических наук, без которых он не может овладеть своим делом полностью и в совершенстве». Постоянное расширение своих научных знаний и «научная известность» — важные моменты труда инженера-специалиста, наибольшую долю своей энергии затрачивающего на научно-мыслительные операции. В-четвертых, в качестве важной особенности научной техники мыслитель отмечает специфическую точность, так как «строгие измерения и вычисления представляют для нее в массе случаев

существенное, можно сказать основное значение»⁵. Таким образом, по мнению А.А.Богданова, социальный статус научно-технической интеллигенции, являющейся носителем идей новейшего эмпиризма, носит промежуточный характер. Но, поскольку по своему происхождению, связанному с возможностями получения высшего технического и научного образования, и образу жизни, характеризующемуся высоким доходом, эта группа тяготеет к буржуазии, в общем и целом, по мысли философа, «данная общественная группа составляет часть буржуазной интеллигенции [выделено А.Б.]»⁶.

Именно в воззрениях школы Маха-Авенариуса А.А.Богданов видит позицию научно-технической интеллигенции, отмечает недостатки этой позиции, но вместе с тем указывает и на достоинства: критику застывших понятий, разрушение многих фетишей. То глубокое обобщение идеи относительности, которое дал Мах, проложило путь к открытиям Эйнштейна. Поскольку, «философия того или иного класса, той или иной группы общества, есть их высшая идеология, в наиболее общей форме выражающаяся их трудовой и социально-экономический опыт», мыслитель подчеркивает, что «позитивная и эволюционная точка зрения» — вот две особенности, вытекающие из естественно-научной природы новейшего эмпиризма. «Сущность позитивизма в самом широком значении этого слова, — отмечает А.А.Богданов, — заключается в стремлении к точным знаниям, в принципиальной враждебности фетишизму, мистицизму, слепой вере»⁷. Относительно важности точности измерений и вычислений автор «Всеобщей организационной науки» отмечает: «Часто малейшая неточность в измерениях и расчетах, малейшая ошибка в вычислениях может иметь роковые последствия и для успеха данного производственного процесса (как например, ничтожная неправильность в промерах, при изыскании относительно железнодорожного пути, иногда обходится в миллионы, при самой постройке дороги), нередко даже для здоровья и жизни работников»⁸. Что касается фетишизма и мистицизма, то поскольку, по мнению А.А.Богданова, «их общественная основа — власть природы над человеком [выделено А.Б.], слабость человека перед стихиями», то несовместимость фетишизма с естествознанием и машинным производством порождается гигантскими победами человека над стихиями, возрастающей властью «его над природою [выделено А.Б.]»⁹. Тем не менее мыслитель напоминает и «о живучести прошлого в человеческой душе, об упорной борьбе против широкого и целостного развития человеческой мысли»¹⁰, о том, что «даже высокое научное развитие может соединяться в отдельных личностях с элементами слепой веры и склонностью к мистике»¹¹.

Эволюционная точка зрения на трудовой опыт людей обусловлена, по мысли А.А.Богданова, техническим прогрессом, непрерывным

изменением орудий и приемов, постоянным отбрасыванием устаревших ее форм и элементов ради новых, более совершенных. «Где трудовой опыт людей весь — движение, — подчеркивает философ, — там нет места идее неподвижного»¹². Поскольку эволюционная точка зрения и позитивистские черты свойственны не только эмпириокритицизму, но и другим течениям, А.А.Богданов считает необходимым сопоставить взгляды эмпириокритицизма и материализма, а также эмпириокритицизма и Юма.

Отличие эмпириокритицизма от материализма выражается в двух моментах. Во-первых, если «материализм исходит всецело из понятий “материи” и “духа”; их противоположность он стремится разрешить в единство, и достигает этого таким путем, “материю” принимает за первичное [выделено А.Б.], “дух” — за вторичное, производное», то эмпириокритицизм в стремлении освободить научно-положительные методы познания от материалистической подстановки, которую считает искажением опыта, «отбрасывает саму эту антитезу, а с ней, конечно, и возникающую из нее задачу об основном соотношении “материи” и “духа”», а весь материальный и духовный мир опыта рассматривает как «различные комбинации или “комплексы” одного и того же первичного материала, — “элементов”»¹³. «Эти элементы, — продолжает А.А.Богданов, — многообразные, качественно-различные, — “цветовые”, “тональные” (звуковые), “пространственные”, “тактильные” (осязательные), и т.д. — образуют действительное содержание всякой реальности; из них складываются и “тела”, т.е. физические процессы, и “образы”, “представления”, “мысли”, т.е. психические факты; человеческое “я” есть одно из сравнительно, наиболее сложных и устойчивых сочетаний в ряду прочих»¹⁴. При этом А.А.Богданов подчеркивает, что не смотря на то, что никакого «безусловного предела для анализа указать нельзя: то, что казалось простейшим и неразложимым на одном уровне познания, является сложным на более высокой его ступени», «во всякое данное время существует фактическая граница, дальше которой человеческая способность различения не идет; на этой границе и лежат *элементы опыта* [курсив А.Б.]»¹⁵. Различие между «телами» и «представлениями» заключается «в характере связи элементов». Связь «физических тел» является «объективно-закономерной [выделено А.Б.]» или «независимой», связь «представлений» — «субъективной», или зависимой «от индивидуального организма, именно, от его нервной системы, с ее органами чувств»¹⁶.

Во-вторых, характеризуя специфику материалистического и эмпириокритического подхода, А.А.Богданов отмечает: «Для материалистов законы природы. и специально самый общий из них — закон причинности — лежит в самой природе вещей, и человечес-

кое познание может только раскрывать их более или менее полно и совершенно. А для новейшей школы философии естествознания все это — исключительно лишь методы ориентировки [выделено А.Б.] в потоке опыта»¹⁷. Познавательная ориентировка у эмпириокритиков, по А.А.Богданову, происходит посредством «разложения системы опыта на составные части и выяснения их взаимной связи»¹⁸.

Специфика эмпириокритицизма в сравнении с философией Юма, по мнению А.А.Богданова, также включает два момента. Первый момент заключается в выяснении того, как определяется сама природа опыта. Если Юм сводит весь опыт к психическому, к ощущениям, к познаваемому индивидуально, и, по его мнению, «связь ощущений, т.е. “субъективная” связь или, что то же, связь а с с о ц и а т и в н а я [выделено А.Б.] принимается за всеобщую», а физический опыт «с его особой физической закономерностью, с этой точки зрения не существует», то Э.Мах и эмпириокритики в этом отношении сделали большой шаг вперед и «выступили против познавательного индивидуализма, против обычного взгляда на опыт, как на частную собственность “субъекта”, т.е. отдельной психики»¹⁹. Они психический опыт признают «только частью системы опыта вообще, а “ощущений” — только частной формой элементов опыта»²⁰.

Второй момент разногласий эмпириокритиков и Юма касается разных подходов в оценке перспектив познания. Поскольку, по Юму, опыт как основа познания субъективен, «субъективна и всякая находящаяся в опыте закономерность», а «законы природы» должны целиком сводиться «к повторяющимся, а потому успевшим стать п р и в ы ч н ы м и ассоциациям ощущений», постольку о том, что находится за пределами опыта, «мы ничего не знаем, а что в его пределах, то, очевидно, не представляет никаких гарантий действительной надежности и устойчивости, никаких гарантий истинности познания»²¹. Против такого познавательного пессимизма, т.е. скептицизма, решительно выступали эмпириокритики, для которых «индивидуален, и, значит субъективен только психический опыт — мир “ощущений”», а физический опыт «независим от индивидуума [выделено А.Б.], и связь его не есть случайно-привычная, ассоциативная связь “ощущений”, но объективная связь элементов», дающая основу для все более надежных и практических методов познания, для познавательного оптимизма²².

Выяснив место эмпирикритицизма среди других философских направлений, А.А.Богданов приступает к детальному разбору этого учения и начинает с «крупнейшего систематика современного эмпиризма» Р.Авенариуса, первая эмпириокритическая аксиома которого, по мысли русского философа, касается «первичного понятия человека о мире» как общей среды с другими людьми. «Раньше, чем

философствовать, — утверждает Р.Авенариус, — человек уже имеет то, *над чем* он философствует, ряд первоначальных данных, с которыми он и оперирует. Он находит себя в определенной среде, состоящей из различных частей, в числе которых имеются и другие люди и вещи; себя он находит, вместе со своими ощущениями и *высказываниями*, других людей — также с их высказываниями. Высказывания эти он *понимает* [курсив А.Б.], как относящиеся к разным частям разной той же среды»²³. Таким образом, среда дана человеку «как о б щ а я [выделено А.Б.] для него и других людей, а отнюдь не лично ему принадлежащая, отнюдь, значит, не сводящаяся к его “ощущениям”; его отношение к ней таково же, как отношение других людей, выступающих в системе опыта, его “высказывания” принципиально равноценны их высказываниям»²⁴.

Пытаясь выяснить, что же происходит дальше с понятием опыта, по мнению эмпириокритиков, в процессе выработки различных мировоззрений, А.А.Богданов приходит к мысли о возможности некоторого убавления или прибавления свойств среды к этому первичному понятию опыта: «материалистическое понятие о мире создается таким путем, что ко всей психической стороне опыта прибавлены черты “материальности”, свойственные среде, или физической стороне опыта», идеалистический взгляд на мир, «как на совокупность “представлений” получился посредством мысленного отнятия у той же “среды” ее физических или материальных свойств»²⁵. Другими словами, Р.Авенариус, по мнению А.А.Богданова, такого рода рассуждениями способствует полному устранению «основной индивидуалистической иллюзии, которая опыт приписывает субъекту»²⁶.

Затем А.А.Богданов переходит к анализу взглядов другого вождя современного эмпиризма — австрийского физика, философа и психолога Эрнста Маха (1838—1916), имя которого стало мировоззренческим символом в научных кругах ряда европейских стран. Главное его философское произведение «Анализ ощущений» (1886) в русском переводе вышло с предисловием А.А.Богданова «Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха?».

Русский мыслитель задается вопросами: «Какова же задача познания по отношению к наличной системе опыта? В чем практическая его природа?». Ответ заключается в понятии «познавательная ориентировка», практическая сторона которой состоит в применении ее «с возможно меньшим трудом, с возможно большей полнотой и точностью», а собственно гносеологическая — в экономической (не в смысле политической экономии) природе познания, в требовании «чтобы оно было как можно проще, как можно “экономнее” в смысле затрат энергии на его усвоение»²⁷. По мнению Э.Маха познание «тем “истиннее”, чем легче им овладеть»²⁸. Способ, с помощью которого про-

исходит реализация познавательной ориентировки сродни способу функционирования обыденного мышления, представляющего из себя процесс разложения системы опыта на определенные составные части и уточнения их взаимной связи. Но в отличие от обыденного опыта в опыте научном происходит, во-первых, очищение самого опыта от противоречий и примыслов, во вторых, значительно больший охват самого опыта и, в-третьих, укладывание его в более точные и практически более удобные схемы, его систематизация.

Поскольку, очищение опыта в школе Р.Авенариуса квалифицируется как «критика опыта», основная задача которой заключается в элиминации «примыслов обыденного познания» — суеверий, продуктов фантазии, произвольных гипотез, т.е. всего того, чего в опыте не дано, а прибавлено в силу различных причин, постольку и свое название школа получила как «эмпириокритическая». Другими словами, эмпириокритицизм рассматривает «мир опыта таким, каков он есть в действительности, каким он дан людям в их наблюдениях, и каким выступает в их критически проверенных высказываниях», т.е. разложенным на простые части, «элементы», определенным образом связанные между собой²⁹.

Если элементы с точки зрения эмпириокритиков представляют собой предельно разложенные на определенном уровне познания свойства предметов, единые как для психического, так и для физического опыта, то кардинальным вопросом этой школы является вопрос «Каким образом связаны между собой элементы в комплексах физических и психических?». В связи с этим А.А.Богданов констатирует: «Итак, психические комплексы характеризуются их *зависимостью от состояний нервной системы индивидуума, физические отсутствием такой зависимости* [курсив А.Б.]»³⁰. В выяснении характера этих связей, психических или физических, и заключается задача истинного познания, которая, по мнению эмпириокритиков, состоит «в том, чтобы правильно констатировать и без всякого искажения описать связь данных элементов и комплексов, ничего не убавляя и не прибавляя». «Это, — подчеркивает А.А.Богданов, — задача *чистого описания*; она составляет основу учения о методе, развиваемого Махом и эмпириокритиками»³¹.

Далее А.А.Богданов сопоставляет метод описания, развиваемый эмпириокритиками с методом объяснения, традиционно используемый естествоиспытателями. Воспроизводя критику эмпириокритицизмом метода объяснения, мыслитель отмечает стремление представителей новейшего эмпиризма, опиравшихся на принцип экономии мышления в исследовании фактов, ограничиться указанием на связь и зависимость явлений, тем самым достигнуть не испорченной применением ненужных «примыслов» ясности по отношению к ним. В качестве при-

мера такой ненужной гипотезы они приводят идею причинности, под которой понимают привычную для людей связь, «которая существует между актом воли и действием, которое из него возникает» и противопоставляют ей возможность «отыскивать связь условий и обусловленного», так называемую «функциональную зависимость». Схема функциональной зависимости, по мысли русского мыслителя, такова: «если налицо имеется *A*, то происходит *B*». При этом «*A*» вместо названия «причина» может обозначать ряд условий, «*B*» вместо имени «следствие» — «то, что получается из этих условий», а сама «причинная связь» заменяется термином «функциональная зависимость», которая подразделяется на: 1) функциональное отношение последовательности, когда, напр. «за ударом двух тел следует их нагревание»; 2) функциональное отношение одновременности, как напр. «определенное состояние мозга, и тот психический процесс, который ему соответствует»³². Однако, сама «функциональная зависимость» или «функциональная связь обусловленного», по мнению А.А.Богданова, «есть именно абстрактная причинность, лишь в смягченной формулировке», т.е. «несомненная прибавка к тому, что “непосредственно дано” в опыте». Понятие «зависимость», а в более усиленной терминологии еще одного представителя эмпириокритицизма Петцольда — «однозначая зависимость», вмещает в себя *«уверенность»* [курсив А.Б.] в непреложном характере связи, в том, что раз имеются условия, то уже неизбежно наступит и обусловленное», а это уже знакомая формулировка универсальной причинности-необходимости³³. Другими словами, как подчеркивает русский мыслитель, опровержение эмпириокритицизмом идеи причинности «относится только к одной из исторически возникших форм причинной связи — к авторитарной форме, да и то, как мы видим, понятой не вполне точно; причинность же во всем ее историческом развитии, далеко еще и теперь не завершено, оно не захватывает»³⁴. Таким образом, утопичность идеи описания, по А.А.Богданову, заключается в том, «что она выражает пассивное, “созерцательное”, сказал бы Маркс, отношение к опыту», поскольку «организовать какой бы то ни было материал в стройное целое нельзя так, чтобы не изменять его в той или иной мере», а «чистое описание хочет рабски подчиняться ему, только отражать его»³⁵. «Истина, — подчеркивает А.А.Богданов, — отнюдь не простая копия фактов, не мелочно точный портрет их, а орудие для господства над ними»³⁶.

Резюмируя, А.А.Богданов обращает внимание читателя на «своеобразную двойственность» эмпириокритицизма в его взглядах на познание и опыт. Так, в познании, с одной стороны, эмпириокритицизм относится к опыту пассивно и созерцательно, считая, что познание «не должно само активно оперировать со своим материалом, не должно изменять его, а только ограничиваться его описанием,

“регистрацией”, “классификацией”, «ориентировкой» в системе опыта, т.е. выяснением того, «что где находится, что с ним связано». С другой — практическую роль познания для жизни эмпириокритицизм признает и энергично подчеркивает, «рассматривает как практическое приспособление, как орудие для трудовых целей, и правильно полагает, что *истинность* [курсив А.Б.] познания сводится к его практической пригодности»³⁷.

О созерцательно-пассивной познавательной позиции эмпириокритицизма свидетельствует, по мнению русского мыслителя, уже первая эмпириокритическая аксиома Р.Авенариуса, означающая, что «*первоначально* [курсив А.Б.] человек находит себя в определенной среде, состоящей из различных частей; в числе их находятся со-человеки с их высказываниями, которые он понимает, как относящиеся к частям среды» и предполагающая, «во-первых, понятие “я”, в противоположении ко всем другим людям, во-вторых, понятие “человек” в том нейтральном, отвлеченно-безразличном его смысле, в каком оно может быть отнесено ко всякому существу с человеческим образом и подобием, будет ли это родич или иноплеменник, сотрудник или враг»³⁸. Однако, по мнению А.А.Богданова, в историческом развитии человечества не все было именно так, как пытается представить Р.Авенариус. Так, напр. первобытный человек, во-первых, «вовсе не выделяет себя, как самостоятельную жизненную единицу, как особое “я”, из тесной родовой группы, к которой принадлежит», а, первоначально находит кровно сплоченную коммуну, живущую «как единый организм», во-вторых, находит «не просто “в определенной среде”, а в отчаянной, изнурительной борьбе со средою». В возникающее на чисто-практической основе общее безобидное понятие «со-человек» никак не могут быть включены другие, чужие люди, поскольку они воспринимаются «как *враги* [курсив А.Б.], как опасные, сильные звери, от которых нельзя ждать пощады», т.е. зоологически-стихийный тип человека, подменяется в позиции эмпириокритиков типом «благородно философски настроенного наблюдателя, с достаточно развитым индивидуалистическим мышлением»³⁹.

Касательно «высказываний», относящихся к определенным частям среды, А.А.Богданов замечает, что «первые сколько-нибудь определенные высказывания относились не к частям среды, а к совместным трудовым действиям группы, и были не индивидуальны, а коллективны», а роль «высказываний» надо приписать как раз трудовым действиям, направленным на известные части среды, поскольку «именно в процессе *труда* выступала для людей прежде всего общность их среды; и лишь значительно позже она нашла себе отражение также и в их высказываниях». И, наконец, по мысли А.А.Богданова, «эту схему не вполне точно и называть примитивным *поя-*

тием о мире: у первобытного человека «понятия» имеются об отдельных действиях, но не о мире в целом», поэтому «следует говорить о примитивном *отношении* [курсив А.Б.] к миру, которое только в нашей современной формулировке превращается в “понятие”»⁴⁰.

Говоря о двойственности эмпириокритического анализа опыта А.А.Богданов отмечает: во-первых, приведение мира опыта к единству, во вторых, его раздвоение, «его разложение на элементы и понимание различий физического и психического ряда явлений». Единство элементов «представляет большой шаг вперед по сравнению со старой философией, которая постоянно склонялась к той мысли, что “телесное” и “духовное” различны по самому своему материалу». Однако, сами элементы у эмпириокритиков при этом отличаются какой-то неподвижностью, статичностью, чужды изменения, т.е. просто недостаточны для выражения действительности и представляют слишком мертвый материал, чтобы из них можно было образовать живую ткань опыта.

Раздвоение единой системы опыта на две формы «функциональной зависимости», физическую и психическую, является скрытым дуализмом⁴¹. «Смягчена, — подчеркивает А.А.Богданов, — только форма дуализма: там где старая философия признавала две “субстанции”, две сущности, новая говорит о двух связях или закономерностях; т.е. различие выражено *методологически* [курсив А.Б.]»⁴².

Таким образом, по мысли А.А.Богданова, «дуализм психического и физического опыта есть остаток авторитарного разграничения духовной и телесной природы, сохраняющийся на почве авторитарной, организаторской функции интеллигента-специалиста в производстве»⁴³.

ГЕНЕЗИС ДОМАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Показав преимущественно созерцательную ограниченность домарксистского материализма, в основе которого лежит индивидуалистическое понимание мира, А.А.Богданов предпринимает усилия для того, чтобы проанализировать понятие диалектики, раскрыть истоки и смысл этого социального в своей основе феномена. Начинает он с этимологического анализа самого термина «диалектика». По его мнению, первоначальный смысл слова «диалектика»¹ связан с понятием разговора и означает искусство спора. Для выяснения вопроса «Каким образом совершился переход от него к философскому понятию?» мыслитель рассматривает «явление “спора” в его жизненном, социально-практическом смысле», т.е. как «*организационный процесс, идущий путем противоречий*», «*путем борьбы разных тенденций*» и разделяет его на три акта.

В первом акте обнаруживается «противоречие, которое до этого момента оставалось скрытым», что выражается «в том, что каждый

излагает свое мнение». Во втором акте «противоречие разворачивается, развивается»: каждый «начинает возражать другому, отстаивая свою мысль и стараясь подорвать, разрушить противостоящую чужую». Поскольку у людей имеется общая почва для «одной системы сотрудничества», постольку «доказательства одного имеют силу для другого» и «происходит поворот в ходе процесса, начинается третий акт: усилия направляются все в большей мере против самого противоречия, и оно шаг за шагом преодолевается»². Опираясь на закон «социоморфизма», позволяющий схемы, создавшиеся в «одной области социального опыта», применять «и за ее пределами, к другим областям явлений, социальных и вне-социальных», А.А.Богданов приводит примеры экономического взаимодействия двух племен, биологической борьбы человеческого организма с болезнетворными микробами, и даже, распространяет ту же точку зрения на «мертвую» природу (напр. формы водопада и кристалла являются продуктом «равновесия противоположно направленных тенденций»)³.

Таким образом, по А.А.Богданову, «понятие диалектики относится первоначально к определенным социальным явлениям, идеологически-организационного характера»⁴, корни которого лежат в патриархально-родовом быте, поскольку «центральным пунктом трудового хозяйства мелкой родовой группы, а затем семьи был, конечно, огонь домашнего очага»⁵, являющимся по сути орудием небольшого коллектива в борьбе с природой, при этом наиболее ярко моделирующим борьбу противоположно направленных тенденций, переход их друг в друга. В пришедшей на смену авторитарной системе социальных отношений менового общества диалектический процесс представлен уже в несколько иной форме. Теперь — это процесс, который «протекает между продавцом и покупателем в акте товарообмена; начинаясь с противопоставления двух цен, предлагаемых разными сторонами, он заканчивается объединением на цене, по которой обмен и выполняется»⁶. «Аналогичную картину, — подчеркивает философ, — представляет всякое размышление, всякое обдумывание, которое, говоря словами Платона есть тоже “разговор души с самой собою по поводу каких-либо предметов”»⁷. Стремясь раскрыть диалектическую природу мышления, А.А.Богданов последовательно рассматривает диалектику древних, немецкую идеалистическую диалектику и антропологическую диалектику Фейербаха.

ДИАЛЕКТИКА ДРЕВНИХ

Элементы диалектики А.А.Богданов находит уже в восточно-арийских религиях, важную особенность которых составляет почитание труда. Именно хозяйственный характер иранских верований, кото-

рый выражается в культе огня, основывающемся на почитании огня домашнего очага, «особенно в суровом климате тех более северных стран, из которых пришли арийские племена в Мидию и Персию», способствовал появлению в учении Заратуштры начал диалектики, «хотя и в дуалистической форме». Согласно этому учению, по своей отвлеченности стоящему «на границе религиозных и философских мировоззрений», мировая жизнь представляется как постоянная борьба двух начал, доброго и злого, Ахура-Мазда и Ангра-Майня: «Первый есть воплощение организующей творческой силы человеческого труда, второй — воплощение враждебной ему стихийной природы»¹. Взаимодействие этих начал, по мнению А.А.Богданова, воспроизводит почти диалектическую схему: вначале — совместное пребывание, затем — разделение для борьбы, и, наконец, — новое их объединение.

Данное дуалистическое понимание диалектики, характерное для патриархально-родового общества, в условиях развития менового общества Античности находит новую, собственно философскую форму: в первую очередь, в учении об огне-логосе Гераклита, сложившемся, как считают, под непосредственным влиянием восточно-арийских религий и в неявном виде — в учении об апейроне Анаксимандра. Неорганизованное «бесконечное-неопределенное» Анаксимандра, по мнению А.А.Богданова, «в скрытом виде включает в себе противоположности “холода” и “тепла”, которые, выделившись из этой хаотической перво-материи, образовали своим соединением воду, организованную основу всех других веществ», являющуюся «диалектическим продуктом двух враждебных сил»².

Первым мыслителем, создавшим вполне диалектическое мировоззрение, является Гераклит. Будучи по природе и происхождению загадочной личностью, аристократом и реакционером, врагом демоса, тяготеющим к устойчивому и неизменному, Гераклит, тем не менее, жил в «торговой колонии, в эпоху быстрого ее развития, экономического и политического, в эпоху крушения старых, близких его сердцу натурально-хозяйственных и феодальных форм жизни», и, вероятно, поэтому переменены, происходившие вокруг, были восприняты им чрезвычайно болезненно, и «может быть именно потому поразили его сознание и решающим образом повлияли на его философскую мысль», сделав перемены основой своего мировоззрения. Тезис Гераклита «все течет», все изменяется был диаметрально противоположным позиции Ксенофана, представителя элеатской школы, «выразительницы консервативных идей аристократии», учившего, «что никакого движения в действительности нет, что единое и всеобщее бытие неподвижно, неизменно, а все, что людьми воспринимается как изменение, только видимость, обман чувств»³. По мне-

нию же Гераклита иллюзией, или ошибкой чувственного восприятия, являются «различные устойчивые вещи вокруг нас». «В мировом потоке, в вечном горении, — отмечает А.А.Богданов, характеризуя взгляды Гераклита, — вещи только возникают и разрушаются. Если нам что-нибудь кажется постоянным, то это — результат временного равновесия противоположных движений». Поэтому, являясь продолжателем гилозоизма милетской школы Гераклит «решал загадку бытия путем материалистической подстановки, но в радикально преобразованном виде». Поскольку огонь «в наивных наблюдениях натуралистов того времени представлялся как одна из чувственных вещей, но такая, которая в то же время есть живое движение: он сам непрерывно изменяется и изменяет все, на что он действует», постольку именно огонь принимал Гераклит «в качестве *arche*, начала и сущности вещей». Однако, если у «Фалеса и его последователей *arche* обладает внутренней активностью, но еще не есть сама активность, у Гераклита же она именно такова». Причем Гераклит видит существо этой активности в борьбе, в «жесточком взаимном уничтожении враждебных друг другу элементов». Вселенная как целое, по Гераклиту, «проходит циклически два движения, нисходящее и восходящее», возникновение мира из огня и превращение его «в мнимо устойчивые стихии — воздух, воду, землю», и исчезновение его, или обратное разрешение этих стихий в огонь. Поэтому и постоянным, по Гераклиту, является не само бытие, постоянное и неподвижное, а диалектика превращений бытия, «закономерность его изменений, последовательность возникновения и разрушения». Такой диалектический подход Гераклит применяет не только к природе внешней, но и к сущности души: «частица первичного мирового огня, заключенная в человеческом теле, есть его *Logos*, разум, организующая сила жизни», единосущная с внешним миром⁴. Однако, поскольку, по мнению А.А.Богданова, идея развития и прогресса была чужда Гераклиту, так как жизнь вселенной — это бесконечный ряд повторений, циклический по своему характеру, постольку «понимание мира у него созерцательное, а не активное»⁵.

В целом же, по мысли А.А.Богданова, не смотря на более активный оттенок философии Гераклита по сравнению с древними материалистическими системами, она только «констатирует движение вселенной» и «объясняет его образной подстановкой огня». Гераклит, будучи представителем класса, не выполняющего в производстве непосредственно-трудовой роли, не сталкивающегося с прямо с сопротивлениями внешней природы, хотя и принимает «сущностью мира движение» и не находит «во вселенной ничего, кроме вечных превращений изначально-деятельного, божественного огня», однако не дает «никакой тенденции к тому, чтобы “изменить” мир,

т.е. определенно и планомерно воздействовать на течение вещей», не создает «никакой *программы* [курсив А.Б.] активного преобразования мира человечеством»⁶. Тем не менее, диалектическая схема, сконструированная Гераклитом встречается у большинства последующих мыслителей, однако всеобъемлющий характер приобретает лишь у представителей немецкой классической философии.

НЕМЕЦКАЯ ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

В основе немецкой идеалистической диалектики, и особенно в философии Гегеля, лежит, по мнению А.А.Богданова, индивидуалистический принцип, дополненный идеалистической подстановкой в ее диалектическом варианте, т.е. как диалектика понятий. Это, по его мысли, метод «в высшей степени произвольный, не поддающийся точной научной формулировке, по существу же — наивный социоморфизм», в основе которого лежит «типическая схема спора, где один собеседник выставляет одно положение, другой — другое, противоречащее первому, а в результате диалога вырабатывается новое, оба их принимающее в расчет и устраняющее односторонности»¹. Как же соотносится, по логике А.А.Богданова, диалектический идеализм немецких классиков, истолкование мира как саморазвитие творческого «я» или творческого духа с действительной теорией прогресса вселенной? Характеризуя понимание немецкими классиками самой активности, русский мыслитель приводит рассуждения К.Маркса: «...в противоположность материализму, идеализм развивал принцип деятельности, — но только абстрактно, потому, что идеализм по самой своей природе не знает реальной, чувственной деятельности, как таковой». Причина незнания идеализма кроется в идеалистической подстановке, сущность которой заключается в сосредоточении на отвлеченной активности мышления, «так, что мировая практика имеет для него теоретический характер»².

Кроме того, созерцательное отношение немецкого идеализма к действительности усугубляется и индивидуалистическим духом этой философии: «когда одно “я” противопоставляет себя вселенной, как бесконечному “не-я”, — а именно таков исходный пункт немецкого идеализма, — то оно может стать к мировому процессу либо в созерцательное отношение, либо в умозрительно-активное, т.е. мнимо-деятельное отношение», поскольку в отличие от коллектива индивид неизмеримо мал для целей преобразования мира³.

Анализ немецкой диалектики А.А.Богданов начинает с учения Фихте. Исходным пунктом диалектики Фихте является, по его мнению, метафизический индивидуализм в идеалистической форме. Индивидуализм, произвольно применяет ко вселенной понятие «я», до-

полняется идеалистической подстановкой, подставляющей «под борьбу реальных сил логические процессы, под трудовые усилия и стихийные сопротивления — творчество мышления»⁴. Мировое бытие, активность, понимаемые как мышление, представляются, по Фихте, по образу индивидуального «я». «Первичным понятием, — подчеркивает А.А.Богданов, — он признает всеобщее или абсолютное “я”, которое есть не что иное, как всесозидающая воля, чистая вечная активность»⁵. При этом он указывает на существенную алогичность рассуждений Фихте: поскольку «“я” есть понятие об индивидууме, сложившееся в человеческой практике, и означает личность в противоположении другим личностям, как особый центр интересов и стремлений», постольку «то всеобщее “я”, которое у Фихте существует до всякого бытия и никакому другому “я” не противостоит, есть просто не-мыслимое понятие, применение слова “я” к тому, к чему оно вовсе не относится»⁶.

Далее мировой процесс, по Фихте, рассматривается как процесс осознания всеобщим «я» самого себя. А.А.Богданов акцентирует внимание читателя на противоречивом характере этого осознания: «поскольку активность не может осознать себя, пока она не встречает сопротивления, которое ей пришлось бы преодолевать; без наличного сопротивления она есть только стихийный, смутный инстинкт, бессознательное стремление к деятельности, а не сама деятельность», постольку всеобщее «я» должно «создать или найти в себе сопротивление себе самому», «так как ничего, кроме всеобщего “я”, пока еще нет». Другими словами, «“я” устанавливает не-я”, т.е. изначальная воля обособляет от себя мир»⁷. Это распадение изначального «я» на ограниченное «я» и ограничивающее «не-я» аналогично той ситуации, в которой «каждый человеческий индивидуум, взятый в своей среде», есть ограниченное «я», противостоящее «не-я» или внешним объектам⁸.

И, наконец, всесозидающая воля в своей деятельности преодолевает ограничение «не-я», сопротивление природы и «приходит к самоосознанию себя». Это происходит подобно тому, как человеческая деятельность овладевает миром, «становится все более разумной». А поскольку разумность воли есть ее нравственный характер, постольку «результатом успешной борьбы “я” и “не-я” должен явиться в конце концов идеально-нравственный миропорядок, состоящий в полной гармонии между человеком, как нравственно-активным существом, и природою, как объектом или ареной его практики»⁹.

Таким образом, по мнению А.А.Богданова, диалектика Фихте не смотря на ее индивидуалистическую и идеалистическую окраску несет в себе явно-организационную идею прогресса, в ходе которого «человечество в борьбе с природой организует ее для себя и организуется само во все более совершенную схему жизни». В ходе достиже-

ния человечеством наивысшей формы организации — нравственного миропорядка, оно ведет вселенную вперед¹⁰.

В отличие от Фихте, у которого, по мнению А.А.Богданова, диалектика пронизывает учение в целом, у Шеллинга, «она систематически употребляется как метод построения»¹¹. Однако, не смотря на «стремление понять вселенную как цепь развития, как процесс перехода от меньшей организованности к большей», статика и консерватизм еще тяготеют над мышлением Шеллинга, и его диалектику скорее можно назвать застывшей, чем исторической, поскольку «борьба противоположностей и всевозможные их сочетания происходят не в живой истории мира, а за ее пределами, вне всякого времени и пространства, в “Абсолютном”, стремящемся к самоосознанию»¹².

Итак, исходный пункт рассуждений Шеллинга — «Абсолютное», т.е. традиционное для менового общества «универсальное, творческое “я”»¹³, которое содержит «в себе все полярные противоположности»¹⁴. Абсолютное, воплощенное в природе, — это «объективная система разума». При этом, реальное, объективное, природа противостоит абсолютному, выраженному в «субъективном разуме», т.е. идеальному, субъективному, духу. Их «тождество», как подчеркивает А.А.Богданов, «состоит в том, что и природа, и дух признаются проявлениями “Абсолютного”, которое представляется в виде совершенного безразличия, где слиты все противоположности»¹⁵.

По аналогии с индивидуальным «я» абсолютное, стремясь к самоосознанию и воплощаясь в природе как объективный разум, «принимает различные формы, от простейших до самых сложных, от неорганической материи, через свет, электричество, затем химическое средство, вплоть до живого организма, — ряд ступеней совершенства». Однако ступени эти не являются исторически развивающимися стадиями, поскольку все они «возникают прямо из Абсолютного, все они параллельны между собою». Стараясь полнее воспроизвести картину мира, Шеллинг опирается как на современные ему научные доктрины, в частности, например, по теории заимствованной у Канта, представляет материю как «результат равновесия сил притяжения и отталкивания», или на учения об электричестве и магнетизме, так и на свои собственные гипотезы, но везде использует схему полярности, взаимодействия противоположностей. При этом, основными противоположностями в природе являются противоположности реального и идеального, причем в жизни природы первая количественно преобладает, хотя вселенная в целом — «это бесконечный и непрерывный ряд, охватывающий все возможные сочетания обоих элементов», «полное равенство того и другого, как магнит, с различными отношениями северного и южного магнетизма во всех его точках, заключает равные суммы их обоих»¹⁶.

Характеризуя диалектику Шеллинга в другой сфере, А.А.Богданов отмечает, что «в учении о “субъективном разуме”, т.е. собственно о духовном развитии, которое у него идет от деятельности нравственной к познавательной, а затем к эстетической, к жизни искусства, как самой высшей», идеальное количественно преобладает над реальным, но тем не менее также находится в тесной взаимосвязи «как части единого божественного организма — вселенной, целесообразно и эстетически дополняя друг друга»¹⁷. Таким образом, делает вывод русский мыслитель, отличительная особенность диалектического мышления, идея «развития форм во времени, по закону причинности» в диалектике природы Шеллинга отсутствует¹⁸.

Высшей своей ступени немецкая идеалистическая диалектика достигает в учении Гегеля. Его заслуга, по мнению А.А.Богданова, заключается в первую очередь в том, что он «систематизировал саму диалектику, исследовал и оформил ее как универсальный метод», правда в сочетании с идеалистической постановкой и принципом индивидуализма, который определил построение всей его философской системы как «самой грандиозной и наиболее глубоко продуманной идеалистической картины мирового развития»¹⁹, «самой полной и стройной» системы познания для той эпохи. Поскольку познание, по мысли А.А.Богданова, — «это *организация* [курсив А.Б.] опыта», Гегель с помощью своего метода так совершенно, полно и всеохватно организовал материал опыта, что обеспечил изучающим коллективный опыт человечества с относительно наименьшими усилиями усвоить наибольшее богатство содержания. «Не случайно, — отмечает мыслитель, — под тяжелыми схемами у Гегеля часто можно найти глубокие и верные объяснения разных фактов и явлений культуры, особенно развития искусства; не случайно также в других случаях К.Марксу достаточно было перевернуть мысль Гегеля, чтобы иметь правильное понимание предмета: материал уже объединенный и связанный гораздо более пригоден для дальнейшей организующей деятельности, чем разрозненно-хаотичный». Поэтому А.А.Богданов называет систему Гегеля «истиной своего времени».

В отношении роли и значения философии Гегеля А.А.Богданов отмечает как факт создания самой крупной и замечательной школы XIX века, так и факт оживляющего влияния этого учения на научное и философское развитие эпохи, косвенным образом подготовила многие умы к усвоению эволюционных идей во всех отраслях науки. «Тяжелая, запутанно изложенная доктрина, — подчеркивает русский мыслитель, — с необыкновенной силой овладела умами, и толкала их вперед гораздо дальше, чем способен был пойти сам ее автор, умеренный немецкий профессор, почтенный прусский чиновник»²⁰. Однако, не смотря на определенную актуальность некоторых общих схем

Гегеля и для современной А.А.Богданову эпохи, он не склонен абсолютизировать не только саму систему Гегеля, но и его диалектический метод, поскольку «диалектика Гегеля была идеалистической, и не могла быть иной: моделью для нее послужили процессы обсуждения и размышления, принадлежавшие к сфере идеологии»²¹.

Основу системы Гегеля, по мнению А.А.Богданова, составляет диалектическое саморазвитие абсолютной идеи, духа или божества. Поскольку духовная деятельность есть мышление, совершающееся путем понятий, постольку «весь смысл истории мира заключается в том, что дух шаг за шагом раскрывает свое содержание, переходя от одного понятия к другому, и достигая все более совершенного самопознания». Причем, понятие у Гегеля означает «не просто символ известного ряда явлений, а самую совокупность этих явлений, действительность, которую символ охватывает», т.е. «понятие» «представляется взамен данной суммы явлений, как ее сущность, как нечто познавательное ей тождественное». Другими словами, «жизнь вселенной по существу своему есть смена понятий в мышлении мирового духа», причем смена эта происходит диалектическим путем, путем диалектической «триады»²², т.е. некоторого произвольного мысленного построения, распространенного на всю природу.

Тезис на первой ступени триады, выступая как первоначальное понятие, по мере своего определения и оформления «обнаруживает в своем содержании коренное противоречие, которое раскрываясь превращает это понятие в свою противоположность»: «бытие» как первое «самое общее понятие мировой логики», как «чистое бытие», мыслимое в чистом, законченном виде уже содержит в себе диалектическое противоречие, тенденцию к разложению, т.к. «бытие, в котором нет ничего иного кроме бытия, — никаких свойств и признаков», никакого содержания, с необходимостью содержит «нечто противоположное бытию, — “не-бытие”», поскольку «чтобы обладать только бытием, и ничем больше, нельзя быть чем бы то ни было конкретным»²³. Таким образом, на второй ступени триады мышление приходит «в противоречие с самим собой», поскольку оформившийся антитезис, «не-бытие», становится в противоречии с тезисом, «бытием». «Синтезис» как завершение триады, как результат диалектического движения, создания нового, высшего понятия, «которое объединяет и гармонически сливает содержание обоих предыдущих, устраняя тем самым их противоречие», в отношении «бытия» и «не-бытия» выступает как «становление», т.е. как «понятие о переходе чего-нибудь во что-нибудь иное». Другими словами, «“становление” включает в себе и “бытие”, и “не-бытие”, непосредственно связанные в каждый момент процесса: то, что есть в то же время перестает быть, сменяясь иным»²⁴. При этом, в дальнейшем конечная ступень триа-

ды может служить начальной нового диалектического движения. Так, например, природа как инобытие духа, также проходит в своем развитии, являясь частью развития мировой идеи, три ступени: тезис — материю, «которая сама по себе инертна»; «антитезис» — невесомые силы, т.е. «свет, теплота, электричество», представляющие «разные формы движения, но еще безжизненные и неспособные к самостоятельному, устойчивому существованию»; и наконец, «синтез» — «организм, совмещающий в себе материальность и самостоятельное существование с живым движением»²⁵.

Оценивая диалектику в философии Гегеля как формальный закон мирового развития А.А.Богданов полагал, что Гегель, как автор «Логики» — это «Гегель самых безнадежно-схоластических, самых мертвых рассуждений»²⁶. Поэтому полемизируя с И.Вайнштейном, А.А.Богданов пишет о некоторых рассуждениях Гегеля в «Науке логики» как об «антинаучной и реакционной схоластике, которая не только является таковой для нас, но и была антинаучная и реакционная даже для той эпохи»²⁷. И мы полагаем, что А.А.Богданов во многом прав в такой оценке диалектики Гегеля. И не совсем прав И.С.Нарский, защищая Гегеля от А.А.Богданова, говоря, что «лишь “по недосмотру” Гегеля в состав системы диалектических категорий не были включены понятия “система”, “структура”, которыми он пользовался чуть ли не на каждом шагу»²⁸.

В целом же А.А.Богданов оценивал Гегеля дотаточно высоко: «В большей мере прообразом, чем зародышем новой науки, является старая философия... Одно из философских построений стоит особенно близко к новой точке зрения. Это — диалектика Гегеля. Гегель хотел установить универсальный метод “развития” для вселенной в ее целом и в ее частях. Под “развитием” он, в сущности, понимал метод или путь *организации* всевозможных систем»²⁹. Этот универсализм Гегеля и до сих пор продолжает активно стимулировать стремление многих ученых умов глобально обобществить организационный опыт человечества. Однако, это в должной степени может сделать, по мнению А.А.Богданова, лишь сам растущий великий коллектив человечества. Именно он способен в полной мере поставить вопрос о человеческой практике в целом, о постижении законов, которые охватили бы все области опыта. И с этого момента возникает необходимость во всеобщей организационной науке, теории и практике организации людей, вещей и идей.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА Л.ФЕЙЕРБАХА

Антропологическая философия Л.Фейербаха является переходным моментом движения от идеалистических «холодных вершин саморазвивающейся идеи», «отвлеченной активности мышления» к социаль-

ной философии конкретной деятельности, и в качестве такого рода промежуточной основы и центра своих построений она берет реальное человеческое существо, стремясь «сделать философию “антропологией”, самосознанием человека»¹. Другими словами, это переход от умозрительной диалектики немецких идеалистов, диалектика которой «относилась только к развитию идей, а не самой действительности»², к материалистической диалектике Л.Фейербаха.

Дофеербаховская философия, по мысли А.А.Богданова, отличалась сугубо метафизическим подходом к пониманию человека, основывающимся на житейском и кабинетном личном опыте мыслителя, незаметно для себя делающего свой маленький мирок мерою для всего человечества, «не стараясь расширить и развить его действительное содержание»³. Эта философия рассматривала человека, с одной стороны, «как нечто неподвижное в своих основах, статически данное», а с другой, как существо полное «праздных размышлений чистого разума об истинном познании и безнадежных мечтаний разума практического о преодолении всех инстинктов»⁴, как «*отвлеченное, только мыслящее существо*». В отличие от нее философия Л.Фейербаха начинается с положения: «*я есть действительное, чувственное существо; мое тело относится к моей сущности; более того, — оно в своем целом и есть мое “я”*» [курсив А.Б.], эта самая сущность»⁵.

Однако, переходный статус философии Л.Фейербаха, по мысли русского философа, порождающий ее двойственность. Если, с одной стороны, она стремится «вывести диалектику за пределы индивидуализма», то с другой — использует для этой цели «осколок древних родовых коллективов» — семью, в которой центральную роль играет «*индивидуальное*» [курсив А.Б.] чувство, а не социальная связь». Эта двойственность обусловлена определенными социальными факторами.

Поскольку Л.Фейербах — «идейный представитель мелкой буржуазии, класса чрезвычайно раздробленного», положение которого характеризуется двоякого рода негативным воздействием извне, как со стороны капитала, так и со стороны отжившего государственного строя, постольку и идейные устремления представителей этого класса, одним из выразителей которых и является Л.Фейербах, противоречиво двойственны. С одной стороны, они направлены к созданию более эффективных отношений, чем базирующиеся на индивидуализме капиталистические и носят полусоциалистический, полуутопический характер. С другой, в качестве модели своих построений против феодальных порядков используется моногамная семья, в основе своей содержащая патриархальный способ человеческой организации. Дополнительным, социально-психологическим фактором

здесь, по мнению А.А.Богданова, является болезненное «бессилие отдельной личности среди стихийных сил общества»⁶.

Тем не менее, обращая внимание на оригинальность взглядов Фейербаха, А.А.Богданов подчеркивает, что «он понимал человека не как обособленного индивидуума, не как независимое “я”, хотя бы и телесное: он заметил и глубоко почувствовал жизненную неполноту отдельной, изолированной личности, и с большей силой указал на тот факт, что *только силою общения создается разумное, мыслящее существо* [курсив А.Б.]»⁷. При этом само общение Л.Фейербах понимает диалектически, поскольку был последователем Гегеля, «и даже остался им в том отношении, что сохранил способ развития мысли в диалектических схемах»⁸. Идеи возникают, по Фейербаху, «только через общение людей, только путем беседы одного человека с другим», поскольку свет разума зажигается «лишь при взгляде одного человека на другого». «Не в одиночку, а вдвоем с другим, — цитирует Фейербаха А.А.Богданов, — достигает человек понятий и вообще разума»⁹. Здесь, по его мнению, Л.Фейербах развивает мысль вполне правильно, хотя и не совсем полно, так как именно «из “беседы”, из речи зародилось мышление». Таким образом, Фейербах, по мнению А.А.Богданова, сумел выйти за пределы наивно-индивидуалистических доктрин, «для которых познающий субъект был каким-то вечным Робинзоном на островке своего опыта среди океана вселенной», однако еще не сумел понять, что и «сама речь произошла из общей работы, и не два человека, а трудовой коллектив был источником духовной жизни»¹⁰.

Будучи сам человеком горячего чувства, Л.Фейербах, говорит о взаимосвязи духовного и физического в человеке: «два человека необходимы для создания человека — духовного, как и физического». Ведущую роль в этом процессе играет чувство, любовь, поскольку «то, что связывает человека с человеком и вызывает общение между ними», «есть *чувство*, а именно, *любовь* [курсив А.Б.]»¹¹. Однако, как уже отмечалось, чувство это носит у Фейербаха глубоко индивидуалистичный характер. Этим, по существу идеализированным отношением к чувству, по мнению А.А.Богданова, обуславливается и та роль, которую он отводит любви как свидетельству существования предмета вне нашего сознания: «Нет, — говорит он, — никакого другого доказательства бытия, кроме любви и ощущения вообще; только то и существует, чье бытие дает тебе радость, и чье небытие вызывает страдание». При этом, в данном отношении у Фейербаха, можно наиболее явственно увидеть взаимоотношения духовного и телесного, мысленного и чувственного, внутреннего и внешнего в человеке. Используя высказывания Л.Фейербаха, А.А.Богданов так иллюстрирует эту мысль: «Мы ощущаем, — пишет он, — не только дерево и камни, не только мясо и кости; мы

ощущаем также чувства, когда пожимаем руки чувствующего существа или прикасаемся к его губам; мы воспринимаем слухом, не только шум воды и шуршание листьев, но также душевный голос любви и мудрости; мы видим не только зеркальные поверхности и цветочные образы, нашему человеку доступны и взгляды человека. Следовательно, предметом чувств является не одно внешнее, но и внутреннее, не одно тело, но и дух, не только вещи, но и наше я»¹².

Двойственность учения Л.Фейербаха, по мнению А.А.Богданова, заключается еще и в том, что свое собственное, «по существу анти-религиозное мировоззрение, он облачает в религиозную оболочку»¹³, поскольку для Фейербаха «человек с человеком — единство “я” и “ты” — есть Бог»¹⁴. Рассматривая религию как главный предмет своего исследования, Л.Фейербах «понимал, что в индивидууме искать основу религии невозможно», поэтому считал, что религия «выражает *родовые тенденции* человечества, “родовую сущность человека”», в которой «способность мышления, способность чувства бесконечны»: божество «есть образное представление о ней [родовой сущности человека — К.Л., В.Т.], которое фантазия отделила от самого человека и поместила вне его, над ним». Сводя сущность религии к сущности человека, Фейербах, по словам К.Маркса, приводимым А.А.Богдановым, «не видит, что “религиозное чувство” само является общественным продуктом»¹⁵.

ПРАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ К.МАРКСА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭМПИРИОМОНИЗМА И ТЕКТОЛОГИИ А.А.БОГДАНОВА

Философское наследие К.Маркса в нашем Отечестве в значительной мере не было востребовано. Интерпретация его тоже не отличалась адекватностью. Победила ленинская версия философии марксизма. И без того жестко политизированные ленинские оценки впоследствии были предельно абсолютизированы. Трагической оказалась судьба идей и людей из числа неортодоксальных философов-марксистов. К ним принадлежит и А.А.Богданов.

Применительно к условиям середины XIX в. А.А.Богданов относительно философии К.Маркса писал: «В учении Маркса философия впервые нашла самое себя, свое место в природе, в обществе, а не над ними и вне их»¹. В работе «Памяти великого учителя: Маркс и его дело (5 мая 1818 — 14 марта 1883)», оценивая вклад К.Маркса, мыслитель подчеркивал: «Он преобразовал политическую экономию, историю всю область общественных наук; он дал новую душу философии. Из богатства его мыслей и знаний черпают вновь и вновь и долго еще будут черпать не только его друзья, а даже враги. И во

всем этом лежит одна, всеобъединяющая, живая идея. Сама по себе она проста, но не всякому дано понять ее величие»².

Переворот, совершенный К.Марксом в общественном знании, А.А.Богданов сравнивает с переворотом, сделанным Коперником в астрономии, который как и К.Маркс также «преобразовал свою науку»³ на основе одной простой идеи. Разъясняя ее содержание, мыслитель обращает внимание на трудности объяснения феноменологического восприятия индивидом движения небесных тел. В частности он отмечает: «Древние астрономы добросовестно наблюдали небо, изучая движение светил, видели, что есть в них глубокая, стройная, непреложная закономерность, старались выразить и передать ее. Но тут получалась какая-то странная запутанность. Планеты идут среди звезд то быстрее, то медленнее; порой как будто останавливаются, поворачивают назад и опять переходят к прежнему направлению; а через определенное число месяцев и дней они снова на старом месте и начинают тот же путь. Приходилось придумывать сложные теории, отдельное небо для каждой планеты, предначертанные каждой круги, вращающиеся в свою очередь по другим кругам и т.д. Неясность не исчезала, расчеты были страшно трудны»⁴.

Аналогичным образом А.А.Богданов рисует трудности процесса исследования общества с точки зрения буржуазного мыслителя: «До Маркса жизнь общества исследовали буржуазные ученые и смотрели на нее, естественно, *с точки зрения своего собственного положения в обществе*, с точки зрения класса, который не производит, а подчиняет себе труд других людей и пользуется им. Но с того места не все видно, многое представляется в искаженном виде, и многие движения жизни запутываются так, что их нельзя понять»⁵. Такая точка зрения вызвала громадную массу противоречий. «Основное и всеобщее противоречие, — отмечает А.А.Богданов, — в котором все остальные резюмировались, как его частности и разветвления, было таково: люди привыкли думать, что их социальной жизнью и судьбою управляет *разум*, если не высший разум божества, то по крайней мере ограниченный, но прогрессирующий разум людей; этим представлением было насквозь проникнуто социальное миропонимание людей; а между тем вся переживаемая ими действительность резко и мучительно опровергала его»⁶. Поэтому основанная на буржуазно-индивидуалистической точке зрения старая философия «всегда заключала противоречие в самой своей основе и была насквозь проникнута своеобразным фетишизмом»⁷. Это основное противоречие, по мнению мыслителя, заключалось в том, что «имея своей задачей идеальное объединение всего сущего, философия была всегда построена на разрыве природы и познания», так как была оторвана «от области непосредственной борьбы человека с природою, от той

области социального бытия, где лежит исходная точка социального развития»⁸.

Проводя детальный анализ переворота, произведенного Коперником, А.А.Богданов продолжает: «У Коперника возникла мысль: не потому ли все это так сложно и запутанно, что мы смотрим с Земли? А что, если переменить точку зрения и попробовать — конечно лишь мысленно — посмотреть с Солнца? И когда он сделал так, то оказалось, что все стало просто и ясно: планеты, и Земля в числе их, движутся по круговым, а неизвилистым путям, и Солнце — их центр; но раньше этого не понимал и, потому что Землю считали неподвижной, и ее движение смешивалось с путями планет. Так родилась новая астрономия, которая объяснила людям жизнь неба⁹. Сходным образом давая характеристику социальному перевороту Маркса мыслитель подчеркивает: «Что сделал Маркс? Он *переменял точку зрения*. Он взглянул на общество с точки зрения тех, кто производит, — рабочего класса, и все оказалось иначе. Обнаружилось, что именно там центр жизни развития общества, то Солнце, от которого зависят пути и движение людей, групп, классов»¹⁰.

Таким образом, и у Коперника, и у К.Маркса совершилась, по мысли А.А.Богданова, перемена точки зрения, у первого естественно-научная, у другого социально-классовая:

«Маркс не был рабочим, но силою мысли он сумел вполне перенестись на позицию рабочего. И он нашел, что с этим переходом все тотчас меняет свои очертания и формы: раскрываются для глаз силы вещей и причины явлений, незаметных отсюда, со старой позиции; со старой позиции; действительность, истина, даже сама очевидность становятся иными, часто противоположными прежним.

Да и сама очевидность. Что может быть очевиднее для капиталиста, чем то, что он кормит рабочего? Разве не он дает рабочему занятие и заработок? Но для работников не менее очевидно то, что они своим трудом кормят капиталистов. И Маркс учением о прибавочной стоимости показал, что первая очевидность — иллюзия, видимость, подобная видимости ежедневного движения Солнца вокруг Земли, а вторая — истина.

Маркс нашел, что все мысли и чувства людей получают разное направление, складываются несходно, смотря по тому, к какому классу эти люди принадлежат, то есть какое положение в производстве или около производства они получают. Различны интересы, привычки, опыт различны и выводы из них. То что для одного класса разумно, для другого нелепо, и наоборот, что для одного справедливо, законно, нормально, для другого — несправедливость, злоупотребление силою; что кажется свободою тем — рабством кажется этим; идеал этих вызывает ужас и отвращение тех»¹¹.

К.Маркс, по словам А.А.Богданова, показал, что «общественным бытием людей определяется их сознание; или, другими словами: экономическим положением определяются мысли, стремления, идеалы»¹². На этой идее, по его мысли, основано «великое учение о классовой борьбе, через которую идет развитие общества»¹³. К.Маркс показал наивность и поверхностность взглядов, согласно которым история человеческого общества есть история царей (авторитарный фетишизм) или история идей (отвлеченный фетишизм). Эти взгляды не охватывают действительности целиком. История человечества, это прежде всего — развитие производственного процесса, борьбы между обществом и природой. В процессе производства вырабатываются и складываются экономические отношения людей, а в зависимости от них и идеи»¹⁴.

Эту идею развития, как подчеркивает А.А.Богданов, К.Маркс усвоил как результат другого великого открытия, открытия Дарвина «О происхождении видов живых существ»: «Маркс понял и оценил сразу все значение этого переворота»¹⁵. По мнению А.А.Богданова «Дарвин ввел принцип подбора в биологию, придавши ему несколько суженный характер: выживание более приспособленных среди конкуренции за средства существования»¹⁶. Таким сужением идеи подбора к конкуренции Дарвин обязан социально-экономической схеме Р.Мальтуса, идеализировавшего «капиталистическую рыночную конкуренцию, которую считал неизменным, от Бога установленным законом жизни и развития»¹⁷. Но К.Маркс, по мнению А.А.Богданова, благодаря познавательному активизму сумел выйти из узких рамок такого понимания и смог в деятельной позиции рабочего найти «точку опоры для своей мысли, точку зрения, которая позволила ему проникнуть в глубину действительности»¹⁸. «Не было отрасли знания, — отмечает А.А.Богданов, — чуждой для Маркса. Все изучал он, всем интересовался его неустанно работающий ум. И в этом он родной для пролетариата. Мало времени у рабочего, но все ему надо знать: природу, сопротивление которой он побеждает трудом своих рук, общество, в котором он борется, царство науки, у которой он ищет руководства на своем пути»¹⁹.

«Надо понять действительность как практику», — не раз цитировал Маркса в своих произведениях А.А.Богданов. Именно фаустовское «Дело» как лозунг, а не «Слово» или «Мысль» как символы религиозного и идеалистического мировоззрений, «впервые последовательно и систематично был проведен философией Маркса». В основе практики лежит *производство*, т.е. «борьба со стихийностью природы, процесс ее подчинения человеку», в котором постоянно увеличивающаяся энергия коллективного труда обуславливает становление и развитие производительных сил общества. Производство «ведется не индивидуальными, а коллективными силами», по-

этому «условия и способы производства заставляют людей становиться в определенные отношения между собою: простое сотрудничество, разделение труда, обмен и т.д.». Коллективный процесс воздействия на внешнюю природу, окружающую среду, т.е. применяющиеся на практике производственные технологии, оказывают обратное влияние на изменение обществом своей собственной природы, системы экономических отношений, строения общества²⁰. Рассматривая действительность в форме производственного процесса, т.е. «с точки зрения социальной практики в ее прямой, непосредственной форме» К.Маркс, по мнению А.А.Богданова, доказывает, что «технический прогресс общества обуславливает экономический», а в совокупности «технические условия производства, и взаимоотношения, возникающие в нем между людьми, образуют “общественное бытие”, или материальную сторону жизни»²¹. При этом, если учесть, что производство, по А.А.Богданову, «не есть неподвижное “бытие” в смысле старой метафизики: оно есть борьба, процесс, настоящее “становление”, становится понятным, почему «неизбежно развиваются и производственные отношения, вся экономика общества»²².

Богданов напоминает о том, что «Карл Маркс в своих тезисах о Фейербахе три четверти века тому назад наметил программу революционной философии»²³. Задача этой программы, по мнению А.А.Богданова, — «...коллективистически понять опыт — была ясно и решительно, в словах, не оставляющих никаких сомнений поставлена Карлом Марксом еще в 1845 году. В одиннадцати критических положениях о философии Фейербаха, — в этом «первоначальном документе, заключающем гениальный зародыш нового мировоззрения» — глубоко справедливая оценка, данная Энгельсом, — Маркс формулирует задачу: понять действительность, предметный мир — как человеческую деятельность, и субъекта этой деятельности, как социального субъекта»²⁴. В подтверждение своих слов А.А.Богданов в статье «Философия современного естествоиспытателя» приводит несколько сжатых формул в русском переводе Г.В.Плеханова (с собственными исправлениями тезиса 2). «Понять действительность как практику», практику живую, конкретную составляет, по А.А.Богданову, существо первой стороны задачи: «“Главный недостаток материализма, до Фейербаховского включительно, состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно ... (начало 1-го тезиса)” <...> “Недовольный отвлеченным мышлением Фейербах вызывает к впечатлениям, получаемым внешними чувствами; но мир конкретных явлений не представляется

ему в виде конкретной, практической человеческой деятельности” (5-й тезис)»²⁵. «Практика и есть объективный критерий истины (тезис 2-ой)»²⁶, — соглашается с К.Марксом А.А.Богданов и подкрепляет свои слова цитатой: «“Вопрос о том, способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности, — вовсе не теоретический, а практический вопрос. Практикой должен доказать человек силу и истину своего мышления, доказать его посюсторонность. Спор же о действительности, или недействительности мышления изолирующего от практики, есть чисто схоластический вопрос” (2-й тезис)»²⁷.

Богданов подчеркивает, что с точки зрения практики как критерия истины, по К.Марксу, философия «должна стать не простым объяснением, истолкованием мира, но средством активного изменения мира (тезис 11-ый). “Исторический материализм был выполнением этой программы в области социальной философии. Выполнение в общеполитическом масштабе является для рабочего класса также насущной задачей ...”»²⁸.

«Так, — отмечает А.А.Богданов, — намечал Маркс план работы нового мировоззрения. Жизнь не позволила ему самому выполнить общеполитическую часть задачи; а кроме него, при тогдашнем состоянии знаний, никто другой не мог сделать этого. Применив ту же коллективистическую точку зрения в экономической теории и во всем учении об обществе, он создал социальную науку, которая и стала основой идеологии пролетариата. Он объяснил, каким образом коллективная практика в борьбе с природой, называемая иначе процессом производства, порождает в своем развитии различные общественные формы и смену этих форм, он показал, в каком направлении, к достижению каких экономических форм стихийно ведет коллективная практика современного общества»²⁹.

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПРАКТИКИ И ИДЕОЛОГИИ

Итак, другой стороной задачи, поставленной К.Марксом в «Тезисах о Фейербахе», является, по А.А.Богданову, необходимость «понимая действительность субъективно, относить ее не к индивидуальному, а к социальному субъекту, как истинному субъекту человеческой практики»¹, т.е. рассматривать действительность «как социальную практику, потому что в своей деятельности человек есть существо социальное (тезисы 6-ой и 8-ой)»².

«“Сущность религии, — цитирует К.Маркса А.А.Богданов, — Фейербах объясняет сущностью человека, Но сущность человека — это вовсе не абстракт, свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность человеческих

отношений. Фейербах не доходит до критики этой сущности. Поэтому он оказывается вынужденным”.

“1. Абстрагироваться от хода исторического развития, рассматривать религиозное чувство, как нечто совершенно отдельное и ни с чем не связанное, и исходить из предположения об отвлеченном — изолированном — человеческом индивидуе”.

“2. Поэтому человеческая сущность могла представляться ему лишь, как “род”, т.е. как внутренняя, немая общность, устанавливающая лишь естественную связь между многими индивидами” (тезис 6-ой. Курсивы, кроме последнего, мои А.Б.).

“Общественная жизнь есть жизнь практическая по существу. Все таинственное, все то, что ведет теорию к мистицизму, находит рациональное решение в человеческой практике и в понимании этой практики” (тезис 8-ой).

“Созерцательный материализм, т.е. материализм, который не смотрит на мир конкретных явлений, как на практическую деятельность, возвышается лишь до созерцания отдельного лица в «гражданском обществе» (тезис 9-й).

“Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; новый материализм становится на точку зрения человеческого общества или человечества, живущего общественной жизнью» (тезис 10-ый, последний курсив мой. А.Б.)”³.

При этом А.А.Богданов отмечает, что, «Маркс рассматривает действительность с точки зрения социальной практики»⁴, и если «практическая природа человека есть природа *социальная* [курсив А.Б.]», то в именно в ней и «надо искать объяснений для всего развития человечества, его форм его жизни и мысли»⁵. Подчеркивая зависимость идеологии от производственной практики и социальных отношений А.А.Богданов писал, что К.Марксом «был решен основной вопрос идеологической науки, — вопрос об ее методе»⁶.

Итак, социальная природа человека воплощается в строении общества, складывающемся из совокупности экономических отношений, но отношения эти всецело определяются техническими условиями. «Условия и способы производства, — отмечает А.А.Богданов, — заставляют людей становится в определенные отношения между собою: простое сотрудничество, разделение труда, обмен и т.д.»⁷. Эти отношения в месте с техническими условиями производства «образуют “общественное бытие” или материальную сторону жизни; ею определяется «духовная сторона» или общественное сознание — идеологическая надстройка над системой производства»⁸. Вызванное техническими условиями развитие производственных отношений требует и новой идеологической надстройки. Но, поскольку «она возникает не сразу, и тем более не сразу приобретает господ-

ство, которое в течение некоторого периода продолжает принадлежать старым идеологическим формам», постольку «между экономической и идеологией общества развивается противоречие, которое стесняет и задерживает прогресс производительных сил», «переходит в реальную борьбу социальных сил и завершается революцией»⁹.

Борьба социальных сил проявляется в виде борьбы общественных классов. Подчеркивая этот момент в учении К.Маркса, А.А.Богданов отмечает: «Занимая различное положение в производстве, люди в зависимости от этого обладают различными интересами и усваивают различный склад мышления; таким образом происходит их группировка в социальные классы»¹⁰. Другими словами, классы — «это социальные группировки людей на основе их положения в производстве, положения от которого зависят их интересы, стремления, способы мышления», и поскольку тот или иной класс «отстаивает условия и средства своего преобладания в обществе», постольку «победа нового класса означает и переход к господству новой идеологии, низвергающей прежнюю»¹¹. Таким образом, в основе движения истории лежат антагонизм и борьба классов. Если позиция господствующего класса, стремящегося закрепить и удержать свое господство с помощью соответствующих форм идеологии, выражается в отстаивании и борьбе за них даже тогда, когда «они находятся в противоречии с производственными отношениями и задерживают прогресс общества», то «классы, заинтересованные, по своему положению, в развитии производства, неизбежно вырабатывают новую прогрессивную идеологию, и борются за ее господство, которое означает их собственное преобладание в обществе»¹².

Основной силой социального развития, по К.Марксу, как подчеркивает А.А.Богданов, является диалектическая борьба общества с природою, выступающая в форме производственного процесса, а «классовая борьба — производная, свойственная обществу, не организованному в его целом, особенно капиталистическому»¹³. При этом А.А.Богданов уточняет, что «борьбы классов не было в первобытно-родовом обществе, она возникла и прогрессивно развивалась в дальнейших общественных формациях, но необходимо будет устранена, вместе с самими классами, в обществе социалистическом»¹⁴.

«Научная философия, — подытоживает А.А.Богданов, — как одна из форм идеологии, представляет орудие борьбы прогрессивных классов» и должна быть классовой философией. По мнению мыслителя, она «должна выяснять законы и направление общественного развития, а тем самым придавать планомерность борьбе за высшие социальные формы и усиливать активность классов — носителей будущего»¹⁵.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Философия К.Маркса предстала перед А.А.Богдановым прежде всего в ее методологической функции: «Всякий частный вывод, сделанный Марксом, или кем другим, может быть исторически преходящим или прямо неверным, но именно метод «Капитала» — критический по существу — является в таких случаях лучшим орудием критики»¹.

А.А.Богданов называет себя «горячим сторонником» научного метода Маркса. Не будучи догматиком мыслитель при всех своих теоретических исканиях ориентировался до конца дней на К.Маркса. В ответ на упрек в том, что он всю жизнь ведет одну борозду, А.А.Богданов бросил реплику: «Да, одну и ту же борозду... но она проходит через сердце мира»².

Для прояснения проблемы «Маркс и диалектика» обратимся сперва к самооценкам К.Маркса. В письме к Ф.Энгельсу от 14 января 1858 г. он пишет: «Для метода обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по счастливой случайности вновь перелистал «Логiku» Гегеля, — Фрейлиграт нашел несколько томов Гегеля, принадлежавших прежде Бакунину, и прислал мне их в подарок»³. Итак, метод для обработки материала. Запомним.

Далее, К.Маркс пишет о том, что если найдется время, он с удовольствием изложит на 2—3 печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то рациональное, что есть в методе Гегеля, который Гегель открыл, но в то же время мистифицировал. О подобном намерении К.Маркс писал Дицгену спустя 10 лет («я напишу “Диалектику”»), а также Кугельману 6 марта 1868 г.: «Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь после освобождения ее от ее мистической формы»⁴.

Но что означает освобождение диалектики «от ее мистической формы»? От идеализма? Или также от ограничения основных ее законов тремя? Во всяком случае, А.А.Богданов прав, тут большой ясности нет. Еще меньше ясности в замечании о том, что диалектика Гегеля сгодилась как метод для обработки материала. Это замечание можно поставить в связь с известным высказыванием из послесловия ко второму изданию 1-го тома «Капитала» (1873): «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструк-

ция»⁵. Итак, известный метод обработки материала и способ изложения породили видимость априорной конструкции... Именно так и воспринимали «Капитал» Дюринг, Михайловский, ряд венгерских философов в 70-е годы нашего столетия.

Дело все в том, что К.Маркс, взяв логический остов гегелевского метода, и при обработке материала, и при его изложении, вращался в рамках восхождения от абстрактного к конкретному, способа, положенного Гегелем в основу всей системы. Для Гегеля, как идеалиста, диалектическое мышление и есть восхождение от абстрактного к конкретному, построение априорной конструкции, которой подчинено движение материала. Видимо, К.Маркс осознал опасность этого момента, а поэтому написал (рукописи 1857—1859 годов): «Необходимо будет впоследствии... исправить идеалистическую манеру изложения, которая может породить видимость, будто речь идет лишь об определениях понятий и о диалектике этих понятий»⁶.

Для А.А.Богданова философия К.Маркса является активным мировоззрением, поэтому и метод с помощью которого она построена в противоположность идеалистической диалектике Гегеля, «Маркс называл материалистической диалектикой»⁷. И хотя и К.Маркс, и Гегель рассматривали диалектику как *«развитие через противоречие [курсив А.Б.]»*, для Гегеля речь шла о «противоречиях внутреннего движения понятий, о борьбе разных сторон самоопределяющейся идеи; для Маркса же — о противоречиях реальной жизни, о борьбе реальных сил». Другими словами, в соответствии с пониманием К.Маркса с учетом с уточнений А.А.Богданова, диалектическим моментом истории, ее основным и постоянным двигателем, является борьба человечества с природою, борьба же классов внутри общества — временным и производным моментом, т.е. материальными, а не логическими процессами. Тем не менее «новая диалектика сохранила многие черты старой, особенно схему триады». Так, в «Капитале» при рассмотрении развития общества в целом в качестве «тезиса» предполагается «связь производителей со средствами труда на основе мелкого производства», «анти-тезиса» — «экспроприация производителей с переходом к производству крупному при капитализме», «синтезом» — «экспроприация экспроприаторов, восстановление связи производителей со средствами производства путем перехода этих последних в руки всего общества, социалистическая организация»⁸.

Другая схема «Логики» Гегеля, «превращение количества в качество (и обратно)» используется при интерпретации одного члена «триады» в другой. Напр. Стадия «органического развития» общества соответствует процессу постепенного накопления количественных изменений в борьбе двух социальных сил, «когда сила класса прогрессив-

ного возрастает, сила консервативного уменьшается». Общество при этом, до тех пор остается качественно все тем, пока «перевес, хотя бы небольшой, остается на стороне второй из них». Эпоха «переворота, резкого скачка в ходе развития» начинается с момента, когда «физиономия общества резко меняется; в нем получает господство другой класс, а с ним, — другие отношения, другие формы идеологии, вообще — новая организация»⁹. Другими словами, пока преобладание одной из двух борющихся сил «придает всему процессу определенный характер и направление» налицо сохранение и определенного качества, но «как только другая сила сравнивается с первой, этому качеству приходит конец, оно уничтожается или сменяется новым, просто иным или противоположным»¹⁰.

Итак, диалектика как учение, у Гегеля и К.Маркса не достигла полной ясности. По мнению А.А.Богданова недостаточно критичное применение К.Марксом и Ф.Энгельсом некоторых схем «Логик» Гегеля происходит от того, что не предприняты попытки «объяснить внутренний смысл этих схем, происхождение выражаемой ими закономерности»¹¹. Действительное происхождение диалектики в интерпретации А.А.Богданова таково: «моделью для нее послужил идеологический процесс обсуждения, которое возникает из встречи взаимно противоречащих мнений, а завершается устранением противоречия, его «примирением» на основе выводов самого спора, — новым шагом в организации обеих сторон». За пределами идеологии диалектика представляет собой «организационный процесс, идущий через борьбу противоположностей», противоположных тенденций или сил. Причем, неорганическая природа представляет из себя в этом отношении область «низших типов и ступеней организации», а диалектика, понятая таким образом «позволяет установить всеобщую непрерывность в мировом процессе и тем облегчить его познавательную систематизацию»¹².

С этих позиций А.А.Богданов предпринимает попытки критического анализа понимания диалектики К.Марксом как развития через противоречие. Сам термин «развитие» отличается «неопределенностью», предполагающей и процесс «усиления, усложнения каких-нибудь комплексов, реальных или отвлеченных», и выражающий просто «непрерывный ряд изменений, вытекающий одно из другого»¹³. Например, Энгельс, характеризуя противоречие простого перемещения и указывая при этом на то, что тело находится и не находится там-то, неправильно противопоставляет эти два слова, употребляя слово «находиться» в смысле отсутствия движения, наличия состояния неподвижности, что «явно неприменимо к движущемуся телу, ибо соответствует вовсе не тем фактам опыта, которые обозначаются термином “движение”»¹⁴, тем самым делая невозможным наличие

противоречия. Правильное употребление слова «находиться» в значении «перемещения» вновь не порождает противоречия, которое возможно лишь при употреблении слова «находиться» сначала в значении «находиться в каком-либо определенном месте», затем в значении «перемещения». Таким образом, это разбираемое Ф.Энгельсом противоречие, является идеальным противоречием познания, а не характеристикой борьбы реальных сил, двух противоположно направленных активностей.

Не удовлетворяет А.А.Богданова и то, что написал Ф.Энгельс по поводу закона отрицания отрицания. Поскольку, по мнению А.А.Богданова, «понятие “отрицания” заимствовано из области речи и мышления», и поэтому «“отрицать” — значит говорить или думать нечто противоположное тому, что кем-нибудь утверждается»¹⁵, то корректное использование понятия «отрицание» допустимо лишь в идеалистическом смысле, в смысле диалектики Гегеля, которая подставляет понятия под живую действительность. Использование же материалистической подстановки в сочетании со схемой «отрицания» можно квалифицировать, по А.А.Богданову, как «наивный социоморфизм». Если же исходить из понимания диалектики как организационного процесса, идущего путем борьбы противоположных сил, то вместо триады «тезис», «антитезис», «синтез», в которой «антитезис» играет роль первого отрицания, а «синтез» — роль «отрицания отрицания», необходимо использовать схему «от равновесия через нарушающую его борьбу двух сил к новому равновесию»¹⁶.

Традиционная диалектика — частная концепция организационных процессов, которые могут идти и другим путем. Таковы идеи, изложенные в «Философии живого опыта». Нам думается, что эти идеи тоже не абсолютно безупречны. Но то рациональное, что есть у А.А.Богданова в критике диалектики Гегеля и К.Маркса, видимо, связано с переоценкой ими развития и недооценкой равновесия как двух сторон единого процесса изменения, движения. Равновесие существует в объекте до борьбы противоположных активностей, оно появляется и по мере затухания этой борьбы.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Мы подчеркнем еще раз: А.А.Богданов понимает социальный материализм Маркса в качестве философии практики, практически действующего человека. Он полагал: «Сам Маркс и был тем мыслителем, который впервые сумел понять и исследовать социальную сущность человека»¹.

Философско-антропологический мотив действительно проходит через все творчество К.Маркса: «Рабочий класс завоевал природу;

теперь он должен завоевать человека»². Это из письма Рабочему парламенту 1854 г. Далее К.Маркс пишет: «Для успешного завершения этого дела у него достаточно сил, но требуется организация всех этих сил, организация рабочего класса в национальном масштабе — такова, я полагаю, — великая и славная цель, поставленная перед собой Рабочим парламентом»³.

Общие контуры эмпириомонизма А.А.Богданова базируются на подобных идеях К.Маркса. Прав В.Садовский: «Адекватное понимание философского развития А.А.Богданова можно дать только с учетом органической включенности философских взглядов А.А.Богданова в историю марксистской философии»⁴. Русский марксизм берет за исходный пункт своей версии философии марксизма «человека практики», который «принимает вещи как вещи, а не как психические факты»⁵.

Известно, расширявая классический тезис о сущности человека как совокупности всех общественных отношений, К.Маркс в первом варианте «Капитала» (неизвестный А.А.Богданову) писал: производительные силы и общественные отношения — и те, и другие являются различными сторонами развития общественного индивида»⁶. Поэтому К.Маркс далее замечает: «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях результата»⁷.

Философия К.Маркса — диалектическая антропология, философия практики — строго монистична (основа монизма — признание общественной жизни в качестве практической по существу). Это философия человеческого бытия, взятого как деяние, она есть вопрошание бытия человека и раскрытие его именно в качестве деяния. Онтологический аспект философской антропологии К.Маркса — интерпретация действительности, данной человеку практически. Это — не космизм в духе позднего Ф.Энгельса. Это онтология незавершенного человеческого мира и самого человека в нем. Исток этой онтологии в человеке, в его практике. Поэтому философия К.Маркса и теоретична, и аксиологична, она замыкается на экзистенциальных проблемах. В этом смысле и принцип материальности, и принцип развития антропологичны, ибо выводятся из анализа взаимодействия субъекта и объекта целепологающей и целереализующей деятельности. таким образом, А.А.Богданов, в сущности, понял то, что К.Маркс в качестве философа осмысливает положение человека в мире — человека как практически действующего существа и как отчужденного от мира («раздробленного»). Преодоление отчуждения, «собрание человека» — человеческое творчество, связанное с созданием коллективистских отношений.

Английский ученый Д. Уайт, автор оригинальной статьи о А.А. Богданове, пишет: «Богдановское истолкование работ Маркса всегда ясно и убедительно, поскольку у них общий источник вдохновения. Оба мыслителя принадлежали единой интеллектуальной традиции. Это, возможно, объясняет почти сверхъестественное предвосхищение Богдановым характерных черт тех работ Маркса, которые оставались неопубликованными в начале XX в., особенно “Экономически-философских рукописей 1844 г.”, “Немецкой идеологии” и “Наброска”. Эти работы подтверждают, что Маркс также мыслил о социализме как о создании объединенного человеческого общества, где будет покончено с расколом человеческой души, вызванным разделением труда и специализацией»⁸. А.А. Богданов, как и К. Маркс, полагал, что человеческая история восходит от первобытного коммунизма к разъединенному (гражданскому) обществу, а далее — к воссоединенному человечеству. Гарант этого для А.А. Богданова, замечает Уайт, то, что люди будут знать, как организоваться на основе научных принципов.

ТВОРЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ А.А. БОГДАНОВА К К. МАРКСУ

Итак, А.А. Богданов постигает философию К. Маркса прежде всего сквозь призму «Тезисов о Фейербахе». Не зная «Рукописей 1844 г.» и «Немецкой идеологии», А.А. Богданов из «Тезисов о Фейербахе» и ряда экономических произведений К. Маркса извлек содержание, которое, думается, позволило ему понять философию К. Маркса как философию практики, «социальный материализм».

Обращаем внимание читателя, во-первых, на тот факт, что, по мнению А.А. Богданова, марксизм является «единственным в наше время по существу философским течением»¹. Во-вторых, на установку А.А. Богданова пересмотреть все общеполитические вопросы «с точки зрения социальной философии Маркса»². Речь идет о выработке мировоззрения, которое связало бы в одно стройное целое методы естественных наук и социальный материализм Маркса, являющийся по существу продолжением этих методов в сфере социально-исторического познания»³.

Чуждый всякой авторитарности, религиозного благоговения перед К. Марксом, А.А. Богданов читает его творчески, делает замечания, направленные на развитие философии практики. Понимая учение К. Маркса как философию, в основе которой лежат принципы развития и социальной практики, мыслитель рассматривает в качестве их антиподов авторитет, как выражение консервативной тенденции, и индивидуализм. В противовес позиции некоторых сторонников К. Маркса, усматривающих в его учении некую абсолютную истину, пре-

вращающих слова К.Маркса в верховную инструкцию решения всех вопросов и обожествляющих самый образ К.Маркса, А.А.Богданов свое отношение к марксизму в метафорической форме изображает так: «Жили среди человечества два могучих кузнеца и искали, где применить свою могучую силу. Увидали они, что поднимается новая армия, которой предстоят гигантские битвы и невиданные победы. И стали они в ряды этой армии, чтобы ковать для нее оружие. Ковали они мощно и неустанно, как никто никогда на земле. Разлетались ослепительные искры из-под тяжелых молотов, дробилось все, что негодно и непрочно, и выходила из рук оружейников сверкающая и режущая, надежная сталь. Не все успели они выковать, что армии надо; закону времени подчинены были и они, пришлось и им в свой черед сойти в могилу. Но, умирая, не боялись они за свое дело, знали, что продолжат его другие; и если не будет, как они, то заменят личную силу коллективной работой. И был завет двух оружейников товарищам: не жалеете о нас и не считайте себя слабее без нас; но идите вперед, и вы выполните то, чего мы не успели. Не бойтесь за будущее, верьте в свое дело, и не смущайтесь ошибками, которые неизбежны. Все будет тогда сделано в свое время; лишь бы кипела борьба и работа, не было бы в ней ни остановки, ни примирения, и разгоралось бы в ней ярче и ярче великое пламя общей любви и общей ненависти пролетариата»⁴. И на вопрос к А.А.Богданову: «Как можно, считать себя марксистом, «когда заведомо не во всем согласен со взглядами Маркса и Энгельса»?»⁵, заданный группой молодежи на встрече, которая возможно могла состояться во время его выступления в Парижском клубе большевиков с докладом на тему: «Итоги философской борьбы в русском марксизме» А.А.Богданов «ответил, что только в религиозных сектах обязательно согласие во всем со взглядами основоположников; а в научно-философских школах, и тем более в учении классовом, единство основывается на общих *методы и точке зрения* [Курсив А.Б.]»⁶. В этом смысле и В.Зомбарт как-то заметил, что критика системы Маркса должна заключаться не в ее опровержении, этим пусть займутся политические карьеристы, — а лишь в дальнейшем ее развитии. А.А.Богданов следовал именно этому принципу. И в отличие от многих большевиков политическим карьеризмом не страдал.

Богданов, во-первых, полагал, что развитие философии К.Маркса пойдет за счет обобщения данных естественных наук (вплоть до перевода философского содержания на естественнонаучный язык). Вот почему он так интересовался работами философствующего физика Э.Маха.

Во-вторых, по мнению А.А.Богданова, философия К.Маркса в качестве социального материализма, направлена на преодоление «специа-

лизации» рабочего класса, на «собрание человека» как основного элемента будущего «коллективистического строя», ибо социальная природа рабочего класса «универсальна», общечеловечна.

Философия К.Маркса посредством практического преодоления специализации воплощается в жизнь, преходящей оказывается и ее богдановская версия — эмпириомонизм. Универсальному человеку будущего станет соответствовать универсальная организационная наука — тектология.

Глава 2

ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО МОНИЗМА К ТЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ ЕДИНСТВУ МИРА

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА К.МАРКСА

Став в 90-е годы XIX в. сторонником марксизма, А.А.Богданов воспринимал философию Маркса в качестве концепции «монизма опыта», т.е. единства технической, общественно-трудовой и идеологической сторон опыта. Это понимание философии К.Маркса, как философской практики, он провел через все свое философское творчество, полагая, что именно из этой философии непосредственно и вырастает тектология. Применительно к экономической теории А.А.Богданов справедливо полагал, что марксова теория стоимости вполне соответствует его (К.Маркса) «общей историко-материалистической концепции» и прямо из нее вытекает. Исток такого понимания — в первой книге А.А.Богданова «Краткий курс экономической науки» (1897), пропагандистское значение которого, по мнению историка М.Н.Покровского, «невозможно переоценить и трудно с чем-нибудь сравнить»¹.

«Своеобразна» и тенденциозна в этом отношении характеристика В.И.Лениным первой трети творческого пути А.А.Богданова, данная им в 1908 г. в «Материализме и эмпириокритицизме»: «За девять лет, с 1899 по 1908 год, Богданов прошел четыре стадии своего философского блуждания. Он был сначала «естественно-историческим» (т.е. наполовину бессознательным и стихийно-верным духу естествознания) материалистом. «Основные элементы исторического взгляда на природу» носят на себе явные следы этой стадии. Вторая ступень — модная в конце 90-х годов прошлого века «энергетика» Оствальда, т.е. путанный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм. От Оствальда (на обложке «Лекций по натурфилософии» Оствальда стоит: «посвящается Маху») Богданов перешел к Маху, т.е. перенял основные посылки субъективного идеализма, непоследовательного и сбивчивого, как вся философия Маха. Четвертая стадия: попытки убрать некоторые противоречия махизма, создать подобие объективного идеализма»².

Владимир Ильич очень сильно лукавил. Первое, опубликованное А.А.Богдановым произведение, как раз отмеченное сразу В.И.Лениным, содержащее и философские идеи, которое принесло автору необычайную популярность — уже упомянутый «Краткий курс экономической науки». Это 1897 г., а не 1899 г., когда были опубликованы «Основные элементы исторического взгляда на природу». Рецензию В.И.Ленин начинает так: «Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе... Мы намерены, поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения... Главное достоинство «курса» господина Богданова — полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги»³.

Сам А.А.Богданов уже в 1924 г., разъясняя свой историзм в способе изложения политической экономии, в письме в редакцию Вестника Коммунистической академии «Об основном историзме политической экономии» приводит некоторые места из данной рецензии В.И.Ленина, напечатанной в журнале «Мир божий» в 1898 г.:

«Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии (3), и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии... (стр. 98).

Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторических укладах общественного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «Курсе» г-на Богданова. Изложив в начале краткие «общие понятия» о науке (стр. 1—19.), а в конце «краткую историю экономических воззрений» (стр. 235—290), автор излагает содержание науки в отделе В. «Процесс экономического развития», излагает не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов, и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию. Возразят, пожалуй, что таким образом автору неизбежно приходится дробить один и тот же теоретический отдел (напр. о деньгах) между разными периодами и впадать в повторения. Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения»⁴.

ОБОСНОВАНИЕ ДИНАМИЧЕСКОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

Итак, развитие историко-материалистической концепции К.Маркса А.А.Богданов начинает с политической экономии. Много позже, обо-

сновывая исторический способ изложения политической экономии, А.А.Богданов в 1 главе 4 выпуска II тома «Курса политической экономии», написанной совместно с И.Степановым, противопоставляет свой подход классическим воззрениям в политэкономии. Так, характеризуя соотносительные понятия «производительный труд» и «потребности производственной системы» и отмечая, что «*производительным трудом мы должны называть всякий труд, направленный к удовлетворению потребностей производственной системы* [выделено А.Б.]»¹, мыслитель подчеркивает, что под понятие «производительный труд» подпадает не только физический труд рабочих, а также труд организаторский, педагогический, транспортный, научный, литературный и т.д., поскольку все они соотносительны определенным потребностям производства»². Согласно же классическому определению производительным является только такой труд, который непосредственно воплощается в материальных продуктах. Методологическая ошибка такого взгляда, по мнению А.А.Богданова, «состоит в том, что социально-научному [выделено А.Б.] исследованию он навязывает чуждую ему точку зрения “материальности” и “духовности” явлений», разбедняющей труд производительный, материальный, физический и труд непроизводительный, интеллектуальный, организаторский. Хотя, по глубокому убеждению философа, любой трудовой процесс «есть психофизиологический акт, и вне «материальных» жизненных процессов вообще немислим; а стать социально-полезным он в особенности никоим образом не может, не реализовавшись в материальных изменениях»³.

А.А.Богданов отмечает, что хотя К.Маркс и не подверг должной критике воззрения старой политэкономии, тем не менее по поводу капитализма, существенно суживающего понятие производительного труда, он настаивал на строго историческом понимании этого вопроса: «Капиталистическое производство есть не только производство товара, но по самому существу своему есть производство прибавочной стоимости. Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производитель, который производит для капиталиста прибавочную стоимость, или способствует самовозрастанию стоимости капитала. Так, напр., школьный учитель, — если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, когда он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения капиталиста»⁴. Разрешение сложной познавательной ситуации, возникающей при анализе определенных экономических функций данной производственной системы, по мнению А.А.Богданова, может быть успешно произведено только на основе исторического подхода: «Если

мы стоим на исторической [выделено А.Б.] точке зрения, то нам нельзя определять производительный или непроизводительный характер труда с точки зрения какой-либо иной, а не этой самой организации; иначе открывается простор произволу в исследовании. Нельзя даже с уверенностью предвидеть, какие элементы нынешней организации станут ненужными на следующих ступенях развития, какие сохраняться в преобразованных формах. Жизненная необходимость в разные эпохи создает или уничтожает целые отрасли производства; пока они существуют мы не можем рассматривать их как «непроизводительные», раз общество теперь в них нуждается»⁵. Итак, «всякий труд, удовлетворяющий общественную потребность, и следовательно — объективно-нужный для данной экономической системы, должен быть признан производительным», а противопоставлять ему необходимо «общественный паразитизм и антисоциальную активность». Необходимо при этом сообразовываться «с исторической изменчивостью социальных условий и потребностей, благодаря которой то, что было производительным трудом в одной фазе развития, может превратиться в его противоположность для другой фазы». Другими словами необходимо принимать «капиталистическую систему, как единое целое, с определенной суммой производственных потребностей и соотносительною ей суммой производительного труда»⁶.

Опираясь на открытую К.Марксом социальную закономерность становления и развития исторического метода познания и пытаясь выяснить, каким образом типы и методы мышления зависят от форм общественного труда, А.А.Богданов в другой своей работе этого периода (1900) «Познание с исторической точки зрения» выделяет из всего разнообразия видов труда два основных направления или типа человеческого труда — «консервативное» и «изменяющее». Такая классификация обусловлена, по мнению мыслителя, тем, что содержание труда как «сознательно-целесообразной деятельности» определяется «теми с о з н а в а е м ы м и ц е л я м и [выделено А.Б.], к которым она направлена», другими словами теми направлениями труда, которые применяет человечество⁷.

Если в так называемых застойных обществах: первобытных, патриархально-родовых, феодальных, основу которых составляет первичное натуральное хозяйство, «труд стремится сохранять, поддерживать, воспроизводить то, что существовало раньше, и в том виде, в каком оно существовало раньше», т.е. «цели для труда непосредственно ставятся прошлым», то в этом случае в соответствии со взглядами А.А.Богданова можно говорить о «консервативном направлении труда». Такой мир «целей» «слагается для человека из представлений п р и в ы ч н ы х, вполне соответствующим восприятиям, раньше пережитым и пережитым много раз» и «сознание во время трудового процесса постоянно фик-

сировано на том привычном, неизменяющемся [выделено А.Б.], которое является целью»⁸. Поскольку воссоздавая прежние внешние условия своего существования, человек одновременно воссоздает и внутренние условия сохранения и упрочения привычных реакций в своей психике, постольку в этом случае «в психической жизни громадный перевес получают привычные реакции». Это происходит потому, что, во-первых, «при выполнении труда сознание постоянно фиксируется на привычном представлении (цели)», во-вторых, «самый процесс труда в наибольшей степени слагается из привычных действий», в-третьих, «по завершении труда, в его результате получают условия, действующие на психику в смысле поддержания, укрепления, фиксирования целого ряда сложившихся привычных реакций»⁹.

«Привычные реакции, — подчеркивает А.А.Богданов, — отличаются по сравнению с пластичными, прежде всего высокой прочностью, консервативностью, а в зависимости от этого — слабой степенью различения условий и затем — значительной определенностью и самостоятельностью [выделено А.Б.]»¹⁰. Исходя из содержания этих реакций познание приспособляется к консервативному направлению труда путем создания монистической тенденции к абсолютному, в своих предельных обобщениях стремящейся представить все факты познания как нечто «вполне неизменное, вполне самостоятельное, иначе говоря абсолютное [выделено А.Б.]». Мышление и метод познания, основывающиеся на такой монистической тенденции, мыслитель называет статическими. В работе «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899), автор отмечает, что в основе статического взгляда на природу лежит «идея о неподвижном, неизменном, абсолютном [выделено А.Б.] в природе»¹¹. Статический взгляд есть метафизический взгляд на мир: «Статика приписывает “вещам” следующие особенности: абсолютную отдельность, абсолютное единство, наличность неизменной сущности и отсутствие необходимой истории»¹². Природа через призму такого мышления представляется совокупностью «бесконечного числа совершенно отдельных и неизменных в себе, неподвижных сущностей»¹³ «вещей» или «предметов», отдельных и совершенно устойчивых в своем существовании, а также таких же неизменных «сил», порождающих в природе движение и выступающих в роли причин, производящих в предметах изменения. На примере обычного камня А.А.Богданов пытается проследить ход мысли статически мыслящего исследователя. Во-первых, в отличие от земли, окружающего воздуха и сознания, его изучающего, камень представляет собой, «совершенно особый “предмет”, нечто совершенно отдельное [выделено А.Б.] от других окружающих его предметов», т.е. его отдельность представляется, с одной стороны, в виде резкой границы, некоторой повер-

хности отделяющей «камень» от «не-камня», с другой, — проявляется в том, что «он существует сам по себе»; если бы уничтожился весь мир вне его, он все-таки остался бы. Во-вторых, камень обладает абсолютным единством существования, т.е. «совершенно неподвижным сочетанием материальных элементов — атомов», сочетания которых чаще всего совершенно неизменны и лишь под воздействием внешних сил могут быть изменены. В-третьих, «сущность [выделено А.Б.] камня составляет не это сочетание, а самые элементы — атомы; а так как они абсолютно постоянны, то камень в различные моменты своего существования представляет абсолютно одно и то же [выделено А.Б.]», поэтому и свойства камня при обычных условиях неизменны и постоянны: «его объем имеет такую-то величину, не больше и не меньше; его форма такая-то, вес, химический состав, твердость, температура такие-то». И наконец, в-четвертых, «статическое мышление не признает за вещью никакой необходимой истории возникновения и изменения», т.е. «камень, или его атомы, возникли моментально, в творческом акте, стоящем выше познания»¹⁴.

Таким образом, если «дело идет об изменениях [выделено А.Б.] вещей, даже там статическое мышление не отступает: оно создает неизменную и самостоятельную сущность — “силу”, самостоятельное и неизменное содержание которой заключается в том, что она производит изменение вещей»¹⁵. Другими словами, «силы» — это другой ряд сущностей, параллельный ряду вещей, это «те причины, которые порождают в природе движение, которые производят в предметах изменения», причем если силы естественные, физические подчинены в своем действии строгой необходимости, определенным законам, то силы более высокого порядка, которые создает статика, и от которых зависит «происхождение вещей, происхождение сил и управляющих ими законов», стоят над законами и необходимостью. К числу последних принадлежат и «свободная воля людей», которая может «сама служить первой причиной движения, независимо от всяких иных сил», и «жизненная сила организмов». А.А.Богданов подчеркивает, что «“силы” статического мировоззрения обладают точно такими же основными особенностями, как и его “предметы”, с той лишь разницей, «что сущности “вещей” не порождают движения, а сущности “сил” порождают его», при этом, «сущность сил также неизменна, как сущность вещей»¹⁶.

Совсем другую тенденцию демонстрируют более динамично развивающиеся общества, в которых важную роль играет меновая система хозяйства: от систем рабства, крепостного хозяйства и ремесленно-городского строя до торгового, промышленного и финансового капитализма. При изменяющемся типе труда в отличие от консервативного цель не прямо дана прошлым, а является результатом стремления человека «создать то, чего не было еще в его непосредственных восприятиях,

изменить то, что в них имеется, сделать иным, чем оно было и есть», другими словами «представляемая цель труда не совпадает ни с чем, имеющимся в прямых воспоминаниях, не есть что-либо обычное, много раз переживавшееся раньше». Другими словами, хотя первоначально «представление цели п л а с т и ч е с к и [выделено А.Б.] сложилось из прежних восприятий», но в процессе труда оно перестает соответствовать ни одному из них в точности и становится «новой комбинацией, составленной из этих элементов»¹⁷. При изменяющем типе труда, человек создает себе изменчивую психику, поскольку по мере осуществления цели изменяется и само представление о ней, сам трудовой процесс слагается из действий, все менее привычных, и наконец, «в результате получают новые, не пережитые раньше условия, т.е. условия, при которых становятся недостаточны или даже непригодны прежние, привычные приспособления»¹⁸. Другими словами, пластичные реакции в отличие от консервативных «повторяются всегда с более или менее значительными изменениями», в значительной степени варьируются, всегда сопровождаясь привычными представлениями, элементы которых послужили для них представлениями. Поэтому и монистическое направление познания в этом случае, характеризуется связностью, изменяемостью, и непрерывностью, улавливающей переходы между явлениями и оттенками, а также историческим взглядом на вещи¹⁹. Для обозначения такого типа познания вместо гегелевских категорий «диалектика», «диалектическое воззрение» А.А.Богданов использует термин «историческое понимание», как более ясно выражающий суть дела, поскольку, по его мнению, слово «диалектика» не имеет всеобщего характера применения, так как «намекает на факты развития», характерные только для живой природы и «указывает именно на “развитие в противоречиях”»²⁰. Природа в историческом мышлении рассматривается как «бесконечный процесс, слагающийся из неизмеримого числа процессов конечных, сливающихся между собою и не имеющих вполне отдельного, самостоятельного существования»²¹.

Возвращаясь к примеру того же камня, А.А.Богданов последовательно освобождается от сковывающих познание установок статического мышления и приходит к следующим выводам. Во-первых, «предметы не обладают *полной* [курсив А.Б.] отдельностью от окружающей их среды», а «сливаются с нею в бесконечном ряде процессов обмена и взаимодействия», и лишь из-за свойств органов восприятия в «человеческих впечатлениях и восприятиях они нередко выступают резко отдельными друг от друга»²². Во-вторых, химические частицы веществ, из которых состоит камень, представляются целой системой движения атомов и «находятся во взаимодействии, обмениваются атомами, т.е. взаимно изменяют свой состав и характер внутреннего движения»²³. В-третьих, поскольку гипотеза о полной неизменности атомов, из которых состоят

тела, с одной стороны, «абсолютно не способна объяснить такое крупное явление, как периодичность химических элементов», т.е. изменчивость свойств элементов в зависимости от их атомного веса, с другой, — «находится в противоречии с общим направлением развивающегося познания»²⁴, постольку «не надо быть пророком, чтобы предсказать, что и атомы не избегнут общей участи всех явлений природы: из неизменных сущностей превратиться в процессы изменения». В четвертых, если «предмет в каждый последующий момент неизбежно является не вполне тем, чем он был в предыдущий, если его существование есть непрерывный процесс его изменения, то предмет необходимо имеет свою собственную историю»²⁵, а само познание требует «исследования предмета не только в его настоящем, но и в прошлом, и даже в будущем»²⁶. При этом, А.А.Богданов выделяет внешнюю и внутреннюю историю формы процесса, понимая под формой процесса «единство его существования и отдельность от других процессов», что означает «отрицание абсолютного характера происходящих в природе изменений, признание их относительности»²⁷. Так, говоря о «консервативности» или «равновесии» форм, мыслитель постоянно подчеркивает ограниченный, условный смысл этих слов и предлагает использовать термин «равновесие» только в смысле сочетания слов «подвижное равновесие», т.е. относительно продолжительное преобладание или периодическая смена преобладания противоположных процессов: либо ассимиляции, означающей включение в себя формой данного процесса элементов внешних процессов, либо дезассимиляции, или утраты, передачи внешней среде некоторых элементов собственного процесса²⁸. Если «внешней историей формы», «внешней историей» А.А.Богданов называет «отношения изучаемой формы к процессам окружающей среды», к ее «среде», то «внутренняя история формы», «внутренняя история» [выделено А.Б.] есть «совокупность частных процессов в их определенном взаимодействии», т.е. «совокупность форм элементарных в их взаимном отношении»²⁹. «Внешняя история формы», согласно взглядам автора, свидетельствует о неполном применении в познании исторической точки зрения, поскольку в качестве объекта исследования имеет формы «простые», которые оно не может анализировать глубже, «для которых оно не нашло их внутренней истории»³⁰. Лишь когда познание начинает исследовать форму и в целом, и разлагать ее на элементы, т.е. познавать процесс как «сложную форму движения», другими словами, к изучению «внешней истории» добавлять изучение «внутренней истории формы», лишь тогда, по мнению мыслителя, можно говорить о научном познании в современном смысле слова. В этом случае перед наукой встает задача «дать общие, основные положения, выражающие причинную связь между этими двумя сторонами истории форм»³¹.

Об актуальности для познания установления постоянной причинной связи между явлениями, или, другими словами, важности «закона причинности», зародившегося в древние времена и постепенно развившегося до высшей своей формы — «закона энергии», который является «наиболее совершенным выражением постоянной связи всех познаваемых явлений»³². А.А.Богданов неустанно упоминает на протяжении всего своего творчества, а в «Основных элементах» пытается придать законам механического движения Исаака Ньютона всеобщий характер, т.е. рассмотреть их с исторической точки зрения как различные стадии познания причинности. Статическая формулировка первой стадии познания причинности — «закона инерции»: «Всякое тело остается в одном и том же состоянии — покоя или равномерного прямолинейного движения, — пока внешние силы не подействуют на тело и не заставят его выйти из прежнего состояния»³³. естественно не удовлетворяет А.А.Богданова. В его формулировке понятие об «инерции» приобретает такой вид: «Если при данной системе влияний форма процесса не изменяется, то необходимо новое внешнее влияние, чтобы изменить ее [выделено А.Б.]»³⁴. На этой стадии познание из-за грубости и несовершенства органов чувств, для которых изменения известных форм часто просто недоступны либо в силу кратковременности процесса, либо, наоборот, в силу слишком большой его длительности, лишь неточно и приблизительно обнаруживает непрерывное изменение форм движений. И если «ни для какой формы движения изменяющие влияния не бывают вполне уравновешены», а «инерция» есть лишь идеальный случай «такого процесса, который подвержен вполне уравновешенному [выделено А.Б.] влиянию внешней среды»³⁵, то познание, применяя этот закон, лишь в очень неопределенной степени схватывает существо этих процессов, лишь констатирует наличие причин, вызывающих изменения. Тогда, с точки зрения «закона инерции» причинная связь между внешними и внутренними отношениями формы предполагает, что «и изменения внутренних отношений вызываются изменениями внешних», и поскольку «первые необходимо запаздывают по сравнению со вторыми»³⁶, то даже случай, когда внутренние отношения формы изменяются при отсутствии внешних изменений таких отношений, свидетельствует о том, что «это — процесс, вызванный предыдущими переменами во внешних отношениях, и запаздавший сравнительно с ними [выделено А.Б.]»³⁷.

Вторую стадию познания причинности представляет «закон определенного действия», или в статической формулировке — «закон действия сил»: «Изменение движения пропорционально действующей силе и по направлению совпадает с нею» (так что действие силы не зависит от точки ее приложения, а только от ее величины и направле-

ния)»³⁸. Устранение статической формулировки «закон определенного действия» приводит его к формуле: «Одинаковые формы процессов под одинаковыми влияниями подвергаются одинаковым изменениям [выделено А.Б.]»³⁹. Этот закон означает, что «познание становится уже на путь точного исследования», и в совокупности причин, т.е. во всей системе условий изменения, слагающейся из самого внешнего влияния и формы, подвергающейся этому влиянию, обнаруживает и соответствующие следствия⁴⁰. Поэтому, согласно взглядам А.А.Богданова, выяснение характера зависимости между внешними и внутренними отношениями формы в соответствие с «законом определенного действия» предусматривает определение характера самого внешнего влияния и выявление строения самой формы: «Изменения во внутренних отношениях форм вызываются изменениями внешних отношений и следуют за ними во времени; характер же внутренних изменений вполне определяется, во-первых, характером внешних изменений, и во вторых, уже существующими, сложившимися внутренними отношениями формы [выделено А.Б.]»⁴¹.

Наконец, «закон энергии», в механической формулировке звучащий как «закон взаимодействия», гласит: «“Всякому действию соответствует другое одновременное действие, равное ему по величине и противоположное по направлению» (т.е. действие силы всегда происходит между двумя телами и имеет характер взаимности)»⁴². Динамическая формулировка этого закона, по мнению А.А.Богданова, распространяется на все явления природы вообще: «Всякое изменение формы процесса сопровождается равными и противоположными изменениями в его внешней среде [выделено А.Б.]. По мысли философа, это и есть «закон сохранения энергии», предполагающий, что энергия не возникает из ничего и не уничтожается. Другими словами, поскольку «изменения, совершающиеся в природе, воспринимаются сознанием в различных формах», что является результатом влияния внешнего процесса на процесс познающий, «это не мешает им быть количественно соизмеримыми между собою», когда «определенное количество изменений одного рода превращается в определенное количество изменений другого рода», постольку изменения, сведенные к одной мере, «рассматриваются современной наукой как определенные величины движения вообще как определенные количества энергии [выделено А.Б.]». Поэтому с энергетической точки зрения «всякое изменение формы есть продолжение другого, ему вполне равного», оно продолжается непрерывно и «остается неизменно одним и тем же по качеству и по количеству». При таком подходе «изменение-причина и изменение-следствие являются лишь

двумя моментами одного и того же процесса, различаются в пространстве и времени, а в остальном — тождественны»⁴³. Если брать процесс взаимосвязи внутренней и внешней истории формы в целом, с момента возникновения формы до ее уничтожения, то с точки зрения «закона энергии» общий закон можно выразить так: «Внутренние отношения формы в ее изменении вполне определяются внешними; или короче: в истории формы ее строение определяется средой [выделено А.Б.]»⁴⁴.

Рассматривая форму как сложное целое, А.А.Богданов выделяет в ее строении элементы «пограничные» и элементы «средние», придавая им однако не грубо пространственный смысл. Пограничные элементы непосредственно подвергаются изменяющим внешним влияниям и могут передавать их действие прочим элементам. Поскольку эти элементы тесно связаны с элементами среды, они не вполне принадлежат самой форме, поэтому и средой для них являются не только соприкасающиеся с ними внешние процессы, но и процессы внутренние. Таким образом, «строение пограничных элементов в процессе их изменения определяется и внешнею средою, и внутренними отношениями целого». Поскольку изменение сложной формы начинается с пограничных элементов, «изменения в строении этих элементов могут предшествовать изменениям в строении целого». Другой ряд элементов автор «Элементов» называет «средними». Эти элементы являются наиболее типическими элементами формы и «не находятся под непосредственным изменяющим действием внешних влияний; оно передается только через посредство других элементов; для этих средних элементов «средою» служит сама сложная форма; по отношению к ним целое играет такую же роль, как среда по отношению к целому»⁴⁵. При этом мыслитель обращает внимание на то, что в действительности все процессы сливаются между собой, «и в этом выражается непрерывность мирового движения»⁴⁶, поэтому выделение в истории формы любого процесса состояния кризиса формы (в терминологии статического мышления — ее возникновения и уничтожения) и состояния подвижного равновесия (ее сохранения — в статической терминологии) характерно только для отвлеченного мышления. Если кризисы формы представляют ситуацию, когда при наличии «двух противоположных процессов, двух потоков энергии, «борющихся между собой» налицо имеется «преобладание одного из процессов», что влечет возрастание изменчивости формы, и сама форма в этом случае есть результат преобладания одного из процессов (это преобладание есть одно из необходимых условий ее сохранения), то случай подвижного равновесия, характеризуется приблизительным равенством энергии противоположных процессов. Процесс познания кризиса форм в рамках статического мышления характеризуется понятиями «возникновения», когда познание начинает

признавать форму существующей, и «уничтожения», т.е. ситуации, в которой «люди, напротив, перестают узнавать изменившуюся форму, находить в ней то, чем она была прежде»⁴⁷. С исторической точки зрения, понятие «возникновения» и «уничтожения» сводятся к процессу изменения [выделено К.Н. и В.Т.] формы. Другими словами, «чем более человеческий ум проникается понятием непрерывности, единства и взаимной связи всего существующего, тем более понятие уничтожения принимает условный характер, постепенно сливаясь с понятием изменения вообще»⁴⁸. При этом, разбираясь во взаимоотношениях типов познания в их связи с типами труда в реальной жизни, следует напомнить замечание А.А.Богданова о том, что «консервативный и изменяющийся типы труда, а вместе с тем — привычный и пластичный типы психической жизни, — постоянно смешиваются, существуют одновременно во всякой общественной формации», однако «преобладает обыкновенно один из них, и при известных условиях такое преобладание бывает очень значительно»⁴⁹. В «Кратком курсе экономической науки» мыслитель подробно анализирует эти соотношения, на чем еще мы остановимся, но пока продолжим разбор применяемых им методов исследования.

По мнению А.А.Богданова, любая наука представляет из себя «с систематизированное познание явлений определенной области человеческого опыта [выделено А.Б.]»⁵⁰, которые очень часто в своей совокупности, особенно в случае изучения капиталистического общества, представляют из себя довольно сложную картину объективной действительности, поэтому, как подчеркивает ученый, «только один из известных нам методов исследования способен дать прочную и надежную опору для понимания данной совокупности явлений: метод абстрактно-аналитический, высший тип индуктивного познания, постоянно завершающий собою применение низших его видов, эмпирически-описательного и статистического»⁵¹. Слово «абстрактный», по мысли А.А.Богданова, означает необходимость мысленного или практического отвлечения, устранения из них всех побочных тенденций, связанных с частными, непостоянными условиями, а «аналитический» — познавательного разложения явлений, разделения их общих и частных условий. Именно этот метод дает возможность объяснения фактов, поскольку его сущность «заключается в упрощении фактов путем их разложения (анализа) [выделено А.Б.]» и последующего выделения и устранения из них различных усложняющих условий, «так, чтобы обнаружилась сама основа явления»⁵², т.е. основная и постоянная тенденция данной группы явлений. Если обобщающее описание «дает общую, приблизительную картину [выделено А.Б.] экономических явлений, статистическая индукция «вносит в эту картину точность [выделено А.Б.]», то абстрактно-

аналитический метод или метод упрощения «к точности прибавляет ясность»⁵³ [выделено А.Б.], позволяет понять явления в целом, в их связи»⁵³, получить экономические законы. Другими словами, «точно описывая явления, определяя их количественно и устанавливая их основные закономерности» индуктивные методы дают фактам «объяснение»⁵⁴.

Помимо индуктивных методов «наведения», идущих от частного общему, А.А.Богданов выделяет метод «наведения» — дедукцию, т.е. «метод, применяющий обобщения» [выделено А.Б.], делающий выводы от общего к частному»⁵⁵. Поскольку метод дедукции «состоит в том, что обобщения и законы, добытые индукцией, прилагаются к частным случаям, и таким образом выводится их объяснение и относящиеся к ним предсказания»⁵⁶, для него «требуется точность и надежность тех общих положений, из которых делаются выводы»⁵⁷. А.А.Богданов разделяет дедукцию на простую и сложную. В случае простой дедукции применяется только одно индуктивно добытое положение, в случае сложной — несколько. Таким образом, резюмирует ученый, когда «установлены абстрактные законы явлений, т.е. выделены главные их тенденции и дана связь последних с определенными условиями, то достаточно знать основные из этих условий, чтобы в существенных чертах предвидеть ход соответствующих событий»⁵⁸. «В этом, — подчеркивает мыслитель, — вся сила науки вообще и экономической в частности»⁵⁹. Именно такая методология и позволила А.А.Богданову, опираясь на учение К.Маркса, выделить и тщательно проанализировать две формы общественного развития — первичное натуральное и меновое хозяйство и в основных чертах предвосхитить социально-организованное.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВА

Воспринятый от К.Маркса историзм А.А.Богданова определяет собой и его подход к изучению общества, предпринятый в «Кратком курсе экономической науки». Определяя предмет политической экономии как «область общественно-трудовых отношений между людьми» [выделено А.Б.]»¹. Мыслитель подчеркивает, что общественные отношения «не представляют чего-либо постоянного, неизменного; они непрерывно изменяются, как все в природе»². При этом, необходимо обратить внимание читателя на ту важную особенность творчества ученого, которую отмечает заместитель директора Международного института Александра Богданова, доктор экономических наук В.Д.Мехряков: А.А.Богданов «одним из первых выступил против ограничительной версии предмета политической экономии, которая господствовала в 20-х годах», подчеркивая, что «политическая

экономика не может не принимать во внимание техническую и идеологическую сторону производства». Отмечая «непреходящее методологическое значение для современной дискуссии о предмете так называемой экономической теории», В.Д.Мехряков предлагает «рассматривать предмет политической экономии (или как сегодня принято называть «экономической теории») шире не сводя его к функциональным рыночным связям, не игнорируя технические, организационные и социальные отношения»³.

В «Кратком курсе» А.А.Богданов выделяет два основных периода, входящих «в состав “цивилизованного” человечества наших времен», имеющих как частные специфические черты протекания в различных странах, так и сходство в существенных своих проявлениях. В качестве первой фазы он выделяет «первичное натуральное хозяйство». Отличительными особенностями этого типа общества являются: «слабость общественного человека в борьбе с природой, узость отдельных общественных организаций, несложность общественных отношений, отсутствие или ничтожное развитие обмена, крайняя медленность протекания изменений в общественных формах». Вторая фаза общественного развития — «меновое хозяйство» характеризуется мыслителем не только возрастанием размеров и скорости развития общественного производства, идущего путем борьбы интересов и социальных интересов, но и увеличением разнородности его элементов, представляющих собой отдельные хозяйства, «которые лишь в относительно малой или в ничтожной степени удовлетворяют свои потребности собственными продуктами, в наибольшей же части — продуктами других хозяйств, именно при посредстве обмена»⁴.

В качестве третьей, еще не достигнутой ступени общественного развития, уже в последующих изданиях А.А.Богданов рассматривает «социально-организованное хозяйство», в котором хотя и продолжают непрерывно возрастать размеры и сложность общественного производства, а «процесс развития все более ускоряется», но «разнородность его элементов переходит на орудия и методы труда, сами же члены общества развиваются в сторону однородности». При этом «производство и распределение планомерно организованы самим обществом в единую целостную систему, чуждую дробления, противоречий, анархии»⁵.

Первобытный родовой коммунизм вместе с авторитарной родовой общиной и более разветвленным феодальным обществом составляют, по А.А.Богданову, основные разновидности натурального хозяйства.. Общественные отношения «доисторической эпохи» характеризуются тем фактом, что «первый период жизни человечества есть период угнетения, рабства человека», причем в связи с неразвитостью техники «угнетателем и господином является не другой человек, а природа»⁶. Уже

тогда связи между людьми воплощались в общественные союзы в форме родового союза или рода, размеры которых «достигали тогда самое большее нескольких десятков человек». Основным производственным отношением родовой группы является «простое сотрудничество», при котором «каждый умеет делать все, что умеют другие», и все выполняют «приблизительно сходные работы». Распределение труда в этих условиях носило коллективный характер, т.е. «труд был организован общою волею родовой группы сообразно с ее общими интересами». Оно первоначально основывалось на «физиологических различиях пола и возраста»: охотой занимались взрослые мужчины, собирание плодов было делом женщин и детей. «В своем первоначальном виде, — предполагает философ, — родовая группа состояла, вероятно, из женщины — матери и ее детей, которым в раннем возрасте необходима ее помощь»⁷. Размеры родовых групп ограничивались пределами развития техники, Распределение продукта труда в родовой группе, по мысли ученого, также носило коллективный характер и соответствовало принципу «каждому по его потребности», поскольку «давать кому-нибудь из членов меньше необходимого было для нее невозможно, потому что такой образ действий приводил бы к гибели членов рода и к ослаблению самой группы; а уделять кому-нибудь больше необходимого было возможно разве только в очень редких случаях, вообще же этого не допускало ничтожное развитие производства и отсутствие прибавочного труда (т.е. труда, производящего излишки сверх необходимых средств к жизни)»⁸.

В качестве источника развития в этот период выступало «абсолютное перенаселение», т.е. превышение плотности населения на определенной территории допустимого уровня, при котором возникает недостаток в обеспечении населения жизненными средствами. Абсолютное перенаселение вызывало массу страданий для первобытного человека — «голод, болезни, усиленную смертность», и в качестве следствия приводило к взаимной борьбе родовых обществ и переселению целых племен в новые страны. Сила страдания способствовала поиску «новых способов борьбы за жизнь», как вновь открывающихся, так и тех, «которые уже раньше были известны, но не находили общего применения»⁹, побеждала консерватизм обычая и создавала условия для прогресса техники. А поскольку господство обычая в то время было так велико, а «личное самосознание так слабо, что отдельный человек просто не мог стать в противоречие с обычаем, нарушить его, не мог даже представить себе этого», постольку поиск нового осуществлялся «бессознательно, стихийно, с такою медленностью, которую современный человек с трудом может себе представить»¹⁰.

Новым шагом в общественном развитии, в основе которого лежало повышение производительности труда, стало отделение орга-

низаторского труда от труда исполнительского. Так, появление земледелия, возникшего вероятно, «как результат целого ряда “случайных” фактов, которые необходимо должны были от времени до времени повторяться»¹¹, «делало возможным значительное возрастание родовой группы; а скотоводство, в частности, создавая более совершенные способы передвижения (езда на оленях, лошадях, верблюдах), допуская следовательно, поддержание общественных связей на более значительных чем прежде, пространствах, еще более содействовало расширению границ рода». В этих условиях, по мнению А.А.Богданова, совмещение организаторской и исполнительской деятельности «в каждой отдельной личности становится невозможным — оно далеко превосходит среднюю меру умственной силы тогдашних людей; организаторская деятельность становится специальностью наиболее опытных, наиболее знающих лиц», и в каждой общине «сосредоточивается в руках одного человека, обыкновенно старшего в роде — патриарха»¹². В отличие от исполнительского, в своей основе простого труда, организаторский труд, по словам мыслителя, «требует особенной опытности, отчасти, быть может, и не вполне обычных способностей», «представляет повышенную затрату энергии, равносильна умноженному простому труду [выделено А.Б.]»¹³, т.е. труду сложному. Это обстоятельство с развитием производства «делало невозможным для одного человека выполнение всей организаторской работы в целом; часть ее, по необходимости, переходила мало-помалу к другим членам группы, людям обыкновенно пожилым и опытным», являвшихся в свою очередь главами семей. «Таким образом, — констатирует ученый, — в пределах рода начали понемногу обособляться семьи [выделено А.Б.], группировавшиеся вокруг частных организаторов, во главе которых стоял патриарх». Однако единство патриархальной группы «преобладало над отдельностью ее частей». При этом, возрастала лишь роль семьи патриарха, поскольку сам патриарх стремился заранее готовить своих ближайших родственников к организаторской роли, и постепенно «стал фактически сам назначать себе преемника: организаторская роль стала наследственной в одной семье»¹⁴.

Одновременно развивались и межродовые связи, принимавшие форму неорганизованного общественного разделения труда, Здесь А.А.Богданов высказывает предположение об источниках возникновения первоначального обмена, который в эпоху патриархально-родовых отношений не играет еще большой роли в жизни отдельных общин, поскольку «наибольшую часть необходимых продуктов каждое родовое хозяйство производит для себя самостоятельно»¹⁵. «Так как прибавочный труд становится довольно обычным, а при соединении земледелия со скотоводством — даже постоянным явлением,

— рассуждает ученый, — то возникают излишки производства, запасы. Благодаря различным природным условиям, в которых живут отдельные группы, или благодаря случайным обстоятельствам, запасы эти оказываются у различных групп различными. Быть может, из обычая взаимно родственных групп уступать друг другу подобные излишки возникает первоначальный обмен»¹⁶.

Характеризуя формы распределения произведенного продукта в этот период, А.А.Богданов констатирует уменьшение власти природы над людьми и возникновение власти одного человека, в частности патриарха, над другими. Право патриарха распоряжаться прибавочным продуктом становилось все более безусловным, и поэтому создавались зародыши эксплуатации, поскольку «по мере того, как возрастала общая сумма прибавочного труда, все более значительной оказывалась та доля продукта, которую организатор употреблял на свое личное пользование»¹⁷ и хотя равенство в распределении начинало утрачиваться, «неравенство не имеет еще резкого характера»¹⁸ и каждый член группы продолжает в основном получать необходимые средства для поддержания жизни. Постепенно организатор начинал ощущать себя действительным владельцем всего имущества своей общины, и при решении вопросов обмена продуктами с другими подобными организаторами «привыкал смотреть на этого последнего, а затем и на себя самого, как на собственника [выделено А.Б.] тех товаров, которые идут в обмен»¹⁹. Так, от понятия о «родовой частной собственности» через посредство принципа наследования роли организатора, скрывающего «следы происхождения его власти из общей родовой воли», постепенно родилась идея «личной частной собственности» патриарха.

В качестве силы развития в этот период к стихии абсолютного перенаселения добавляется прогресс общественного разделения труда, выражающегося в обмене продуктами, а также появление рабства благодаря возникновению прибавочного продукта, что в совокупности «представляло из себя нарушение старой системы сотрудничества, основанной исключительно на кровном родстве и вытекающем из него громадном психическом сходстве особей». Все это приводило к столкновению различных обычаев, поскольку «исполнение обычаев одной группы нередко оказывается нарушением обычаев другой», а в конечном счете к частым нарушениям обычая. Создавались условия для возникновения новых форм общественной жизни — нравственности и обычного права, «сущность которого заключается в защите обычая против нарушений»²⁰. Постепенно складывается представление о законном-справедливом, символизирующем «поступки, согласные с обычаем», и незаконном-несправедли-

вом, — означающем несогласие с ним, Причем, по мнению А.А.Богданова, «борьба общества против уклоняющейся личности по существу не отличается от всякой другой формы борьбы с внешней природой», поскольку преступление есть сила вне-общественная, враждебная жизни общества»²¹.

Высшая форма натурального хозяйства — феодальное общество характеризуется дальнейшим развитием новых способов производства, выражающимся в преобладающем значении «земледелия, при котором подчиненную роль играет скотоводство» и установлении вполне оседлой жизни «при ограниченном земельном просторе»²². Развитие земледелия происходит от «переложной» к «трехпольной». Если в случае «переложной» системы земледелия «часть земли, которая истощена, забрасывается и отдыхает, пока засеивается другая часть, находящаяся в распоряжении общины» и при истощении последней — возвращаются к первой, то при «трехпольной» системе «пахотная земля делится на три приблизительно равные части, из которых две отводятся под посевы — одна под озимый, другая под яровой хлеб, а третья остается «под паром». «Набирая новые силы для следующего года, — обращает внимание А.А.Богданов, — паровое поле служит в то же время и пастбищем для скота»²³.

Экономическое строение феодального общества характеризуется созданием земледельческих общин, небольших, но довольно сплоченных натурально-хозяйственных организаций. «В тех областях общинного производства, — подчеркивает автор «Краткого курса», — где существовала потребность в единой организующей воле, выдвинулась власть феодалов, которые с частичной организаторской деятельностью в производстве соединяли такую же роль в распределении». Если возникновение организации сюзеренитета, основанной на ограниченном подчинении одних феодалов другим удовлетворяло «потребность в более широкой военной кооперации», то всеобщая организаторская деятельность жречества восполняла «целый ряд иных общественных потребностей, которым военно-феодальная организация не могла удовлетворять по своему специально-военному характеру и слабой сплоченности» как в сфере производства, так и в сфере распределения. Одновременно «незаметную, но необходимую роль в общественной жизни» стали играть меновые связи, «большей частью в зародышевой форме соседского обмена, но отчасти и в виде обмена между различными, даже различными странами»²⁴, поскольку феодальное общество сравнительно с авторитарной родовой общиной было менее сплоченным и организованным и охватывало уже целые сотни тысяч, даже миллионы людей.

Помимо абсолютного перенаселения, которое выразилось в бесчисленных войнах феодального мира, превративших свободные зем-

ледельческие общины в феодальные группы, военные и другие контакты способствовали техническому прогрессу, поскольку непосредственно расширялся круг меновых сношений, заимствовались некоторые технические приемы и усовершенствования (так, «у арабов были заимствованы многие улучшения в сфере земледельческой техники: в садоводстве, в огородничестве, в искусственном орошении поле и пр.», а также «многое в сфере инженерного искусства, некоторые важные сведения по технической химии» и др.) Таким образом, благодаря усилению специализации производства, постепенному отделению ремесла от земледелия, которому способствовали усиление процессов обмена, «натуральное хозяйство феодального мира постепенно переходило в меновое»²⁵.

Далее А.А.Богданов выделяет в «Курсе экономической науки» системы рабства, крепостное хозяйство, ремесленно-городской строй, а также торговый, промышленный и финансовый капитализм. В предкапиталистическую эпоху в отличие от натурально-хозяйственной организации, производившей все необходимое для удовлетворения своих потребностей и будучи экономически замкнутой и обособленной от остального мира, меновое хозяйство благодаря широкому распространению общественного разделения труда «состоит из огромного числа формально-независимых друг от друга предприятий, которые заняты производством одного какого-нибудь продукта», и «связаны между собой обменом, [выделено А.Б.], и без него существовать совершенно не могут»²⁶. Обмен, по А.А.Богданову в своем историческом развитии проходит три фазы (формы): 1) простую (случайную), при которой предмет обмена помимо своей потребительной ценности, как орудия, предназначенного для непосредственного потребления, случайно приобретает и «меновую ценность», «меновую стоимость», т.е. спонтанно на время обмена становится товаром; 2) полную или развернутую, более широкую форму обмена, где отдельные товары (янтарь и др.) начинают приобретать «меновую ценность» на более постоянной основе и становится возможной случайная эксплуатация через обмен; и наконец 3) развитую или денежную форму обмена, при которой отдельный товар начинает использоваться в качестве всеобщего или денежного товара, т.е. «становится постоянным и обязательным промежуточным звеном — орудием обмена или средством обращения товаров, и «становится мерилom ценности [выделено А.Б.]»²⁷. В основе стоимости как свойстве товара обмениваться на другие товары лежит, по мнению мыслителя, «количество трудовой энергии, которое необходимо обществу для производства определенного продукта». Для политэкономии принципиальное значение имеет общественная

или нормальная стоимость в отличие от индивидуальной или случайной, т.е. затраты трудовой энергии потраченной в частном конкретном случае. Отсюда естественно и заключение ученого: «Общественная стоимость представляет то количество трудовой энергии, которое нормально необходимо для производства продукта при обычных в данном обществе условиях труда [выделено А.Б.]»²⁸.

В качестве двух возможных направлений развития феодализма через усиление обмена А.А.Богданов останавливается на системах рабства и крепостническом строе. Если в системах рабства (восточные деспотии, античный мир) рабы были полностью лишены личной свободы, раб не только не имел хозяйства, но даже не владел своей рабочей силой, то крепостной хотя и был также лишен свободы, но тем не менее являлся мелким хозяином и вместе с семьей обрабатывал свой надел или занимался ремеслом в своем хозяйстве, «выполняя для владельца барщину или оброк»²⁹. «Пока хозяйства были не велики, — отмечает ученый, — господин мог лично руководить производством; он лично распределял труд и продукт своего хозяйства, и в этом смысле был организатором производства. Но, когда хозяйство увеличивается и численность рабочих достигает значительных размеров, то рабовладелец вынужден выбирать себе сотрудников и переносить на них часть своих функций. Наряду с господином появляются, таким образом, рабы-организаторы: надсмотрщики, приказчики, управляющие и т.д. на долю господина при этих условиях остается лишь высший контроль над хозяйством, но и то ненадолго. Отрываясь все более от процесса производства, он мало-помалу и эту функцию передавал техническому персоналу из среды рабов. Рабовладелец обращался при этом в чистейшего паразита, «деятельность» которого сводится к самым утонченным наслаждениям жизни»³⁰. В связи с этим, рассматривая идеологические отношения периода рабства, А.А.Богданов выделяет две стадии развития классического мира. В частности он подчеркивает, что на первой стадии, «пока крупный рабовладелец оставался фактически крупным организатором производства своей группы, а рядом с ним сохранялся еще свободный крестьянин и ремесленник, до тех пор общественное мышление неизбежно направлялось в сторону приобретения практических знаний»³¹. Так к концу истории античного мира была «накоплена масса практических сведений в области строительного и инженерного дела, в кораблестроении, в обработке металлов и ткацком производстве, которое достигло высокой степени совершенства»; торговля «способствовала развитию географии и астрономии», изучению атмосферных явлений; «крупные успехи были сделаны в области элементарной геометрии»; в земледельческой технике был введен севооборот, осуществлялся целесообраз-

ный выбор растений, улучшались орудия. Однако на следующей стадии в связи с быстрым уменьшением роли организатора в производстве и обращении крестьянского и ремесленного класса в паразитический пролетариат направление умственной жизни господствующего класса изменяется в сторону отрыва «от интересов непосредственной борьбы с природой, от области производства, и переходит в “высшие сферы”», «все более сводится к утонченному самоуслаждению»³². В этот период развивались преимущественно «наиболее отвлеченные из естественных наук» — математика, логика, астрономия, геометрия. Также и философия в этот период носила умозрительный характер, стала преобладать «оторванность философии от обыденной жизни», ощущался «недостаток стремления положить ее в основу изучения действительности»³³. Единственной сферой, которая в этот период еще сохраняла связь с производственной деятельностью, по мнению мыслителя, была область права, поскольку нормальное развитие меновых отношений «требует наличности строго определенных организационных правил — правовых норм»³⁴.

Развитие обмена «создавало прочные экономические связи на протяжении обширных территорий феодального мира», расширялось разнообразие товаров, углублялось разделение труда, «денежная форма приобретала господство» и тем самым готовилась другая линия развития — крепостное хозяйство³⁵. Отношение феодалов к подвластному населению все более приобретало характер эксплуатации, и «феодал, прежде являвшийся патриархально-заботливым властителем крестьян, переходил все более ко взгляду на них исключительно, как на источник дохода, к точке зрения помещика [выделено А.Б.] крепостной эпохи»³⁶. Усиление политических связей, создание централизованного государства, формирование общегосударственной армии постепенно уничтожали самостоятельность феодалов, превращало их «из маленьких государей в простых помещиков, поскольку функции организатора военной защиты он постепенно утрачивал. Экономические функции помещик выполнял крайне неэффективно, не заботился о развитии техники, так как паразитировал на крепостном труде. А крепостной крестьянин не имел ни желания, ни возможности, ни средств для улучшения техники. Поэтому крушение крепостного хозяйства, по мнению А.А.Богданова, не произошло только «потому, что рядом с ними рос и своими экономическими связями преобразовывал его иной, городской мир, с совершенно отличными от него, высоко-прогрессивными отношениями»³⁷.

Обособление города от деревни в связи с развитием обмена и углублением специализации приводило к постепенному становлению ремесленно-городского строя. Наряду с увеличением производительности и количества труда, появляется и развивается новая отрасль

производства, занимающаяся перемещением товаров. «Сама техника перемещения продуктов и вообще сношений между людьми, — отмечает А.А.Богданов, — понемногу улучшалась: проводились дороги, строились мосты на реках, делались более обширные и прочные корабли, пригодные для дальних плаваний, применялась военная сила для охраны путешественников и складочных мест перевозочной промышленности, и т.д.». Выделяется и новый класс, занятый «исключительно перемещением продуктов и их распределением между хозяйствами, — класс торговцев»³⁸.

Широкая специализация в развитии промышленной техники «вызвала приспособление прежних универсальных инструментов к определенным дробным операциям, что, конечно, способствовало росту производительности труда»³⁹, а в конечном счете и ослаблению власти природы над человеком. «Материальная среда общественной жизни людей, — констатирует ученый, — переставала всецело зависеть от узких природных условий данной местности; если природа одной страны не давала человеку достаточных средств для победы над собою, то их могла дать ему при посредстве других людей природа другой страны, и наоборот»⁴⁰. Возникновение цехов, основная задача которых заключалась в устранении чрезмерной конкуренции между ремесленниками, их союз с королями способствовал созданию обширных абсолютно-монархических организаций, ослаблению власти феодалов и католической церкви, развитию техники, а в конечном счете обеспечению дальнейшего развития жизни менового общества.

Торгово-капиталистическое хозяйство, по А.А.Богданову, основано на капитале, т.е. средствах производства, ставших средством эксплуатации «благодаря тому, что они находятся в частной собственности»⁴¹, и характеризуется общим возрастанием производства и наиболее быстрым развитием области, связанной с перемещением продуктов, поскольку «расширяющееся производство не ограничивается ближайшими рынками и шаг за шагом вступает связь с рынками более отдаленными»⁴². Погоня за рынками способствовала усовершенствованию техники мореплавания, строительству приспособленных для океанических плаваний более крупных и прочных кораблей, прогрессу в астрономии и применению компаса. Производство писчей бумаги и книгопечатания ускоряли распространение разнообразных знаний. «Вообще, именно с эпохой торгового капитала, — отмечает А.А.Богданов, — совпадает тот период, который историки часто обозначают, как «период великих изобретений и открытий»⁴³. Торгово-капиталистическое производство является, по мнению А.А.Богданова, крупным производством для рынка, в котором «скупщик является если не формальным, то фактическим орга-

низатором мелких хозяйств», доставляя товаропроизводителям материалы для работы⁴⁴. Специальной формой, или второй стадией развития торгового капитализма, является домашняя система капиталистического производства, в которой часто при определенных условиях кустари превращаются в наемных рабочих торгового капитала. Постепенно «сила торгового капитала преобразует внутренние отношения мелко-буржуазных хозяйств, внося в них дух эксплуатации: глава семьи поневоле выступает как эксплуататор остальных ее членов, мастер — как эксплуататор своих наемных рабочих»⁴⁵, поэтому подмастерья начинают организовываться в союзы для борьбы против мастеров и для защиты своих интересов путем стачек и бойкота. Одновременно укреплялась абсолютная монархия, создававшая благоприятные условия для развития торгового капитала, путем политических и военных акций содействовавшая превращению феодалов в помещиков, вначале организующая подавление крестьянских восстаний, а затем способствовавшая превращению их из подневольных и зависимых в свободных арендаторов.

«Промышленный капитализм, формулирует А.А.Богданов, — есть организация крупного производства, основанная на наемном [выделено А.Б.] труде»⁴⁶. Мануфактура воплощает в себе первую форму такого производства, в которой подчиненные капиталисту «производители объединяются в одной принадлежащей ему мастерской; там они работают над средствами производства, составляющими его собственность, работают в качестве простых исполнителей, всецело подчиняясь его организаторской власти»⁴⁷. На ранней ступени развития мануфактуры «все работники капиталиста являются по-прежнему настоящими ремесленниками: каждый выполняет целиком ту же работу, какую раньше выполнял самостоятельный мелкий производитель»⁴⁸. В дальнейшем происходит разделение как исполнительского, так и организаторского труда. В случае разделения исполнительского труда возможны два варианта: либо, «мануфактурное разделение труда выступает как продолжение общественного разделения труда, как дальнейшее раздробление тех работ, которые раньше были разделены в обществе между отдельными ремесленниками» (напр. иголочная мануфактура), либо «капиталист переносит в свою мануфактуру готовое общественное разделение труда, объединяя в одной мастерской его разрозненные элементы; при этом сфера деятельности каждого работника суживается: слесарь, кузнец, столяр, принуждены ограничиваться теми операциями своего ремесла, которые имеют отношение к каретному делу, и отказаться от других ремесленных работ, которыми занимались прежде»⁴⁹. С развитием мануфактурного дела и «организатор-

ский труд подобно исполнительскому, оказывается чем дальше, тем в большей степени, технически разделенным в мануфактуре», поскольку постепенно капиталист вынужден переносить свою организаторскую деятельность на особых наемных работников, т.е. «надзирателей за работами, конторщиков, бухгалтеров, директоров и т.д.»⁵⁰. Поскольку мануфактура довела развитие ручного труда до крайних пределов механической, машинообразной деятельности, постольку именно «благодаря механичности, несложности трудовых операций отдельного работника», когда потребовалось дальнейшее развитие производства, оказалось сравнительно легким делом передавать выполнение этих операций машине. «Главная особенность машинного производства, — подчеркивает А.А.Богданов, — заключается в том, что непосредственно исполнительские операции производства выполняются не силами человека, а силами природы; роль же работника все более ограничивается управлением и надзором за машиной, становясь по своему типу во многом аналогичной прежнему организаторскому труду [выделено А.Б.]»⁵¹. Крупное машинное производство, состоящее из системы машин строится по такому же принципу, что и сотрудничество и разделение труда между работниками в мануфактуре. Причем, если мануфактура завершает разделение организаторского и исполнительского труда, начатое в незначительной мере в ремесленном производстве, «доводя его до крайности, до такого абсурда как превращение человека в машину», то машина «примиряет эти противоположности, придавая исполнительскому труду характер организаторского, требуя от работника не только грубой силы и механической привычки, но также разума и воли»⁵².

После анализа производственного процесса машинного периода с технической точки зрения, А.А.Богданов разбирает само понятие наемного труда. Главной особенностью капиталистического хозяйства, по мнению ученого, является наемный труд, т.е., с одной стороны, возможность работника продать свою рабочую силу, с другой — необходимость ее продавать, поскольку работник ««свободен» и от средств производства»⁵³. Если рабочая сила — это товар, то цена этого товара определяется его стоимостью, которая «есть то количество общественно-трудовой энергии, которая необходимо для производства рабочей силы», т.е. для удовлетворения не только его основных, «естественных потребностей»⁵⁴, но и таких «искусственных потребностей, которые стали для него привычными». Особенность использования рабочей силы как товара, по мысли философа, заключается в том, что «ее потребление создает более значительную стоимость, чем ее собственная», и поэтому «вся цель и весь смысл

производства для капиталиста заключается в том, чтобы, прилагая затраты рабочей силы нанятых работников к данной, принадлежащей ему стоимости, воплощенной в средствах производства, производить в свою пользу прибавочную стоимость, которая при продаже продуктов принимает денежную форму прибыли»⁵⁵. Другими словами, «только переменный капитал, на который приобретается рабочая сила, создает в действительности прибавочную стоимость», нормой которой или «нормой эксплуатации» является «отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, или что то же — отношение прибавочного рабочего времени к необходимому»⁵⁶. А если принять во внимание, что «норма прибыли показывает число процентов прибавочной стоимости на весь — постоянный и переменный капитал», то норма прибыли во столько раз меньше нормы прибавочной стоимости, во сколько раз переменный капитал меньше всего капитала». Поэтому «при введении машин и вообще при развитии техники производства, переменный капитал относительно уменьшается», и при неизменной норме прибавочной стоимости «норма прибыли должна понизиться»⁵⁷.

Не случайно, поэтому, что капиталист в стремлении к безграничному накоплению, этому психологическому результату конкуренции, являющейся в свою очередь основной движущей силой развития хозяйства в этот период, старается, с одной стороны увеличить размеры прибавочной стоимости, создаваемой каждым работником, с другой, — увеличить сумму прибавочной стоимости всего предприятия. Первую задачу он решает не только путем прямого увеличения рабочего дня, но и использует возможность замаскированного его увеличения, «пока нет настоящей потребности в повышении интенсивности труда»⁵⁸. А поскольку при конкуренции между предприятиями «каждое из них стремится отбить рынок у прочих» в борьбе путем «понижения цен и повышения качества товаров», не удивительно, что «крупные предприятия с большими капиталами имеют решительное преимущество перед мелкими»⁵⁹. Поэтому вторую задачу капиталист выполняет путем концентрации и централизации капиталов. Под «концентрацией капиталов», А.А.Богданов понимает «их сосредоточение во все меньшем и меньшем числе предприятий», что выражается «в росте крупных предприятий, в сосредоточении все возрастающей доли производства на крупных фабриках и заводах и, наконец, в гибели мелких предприятий»⁶⁰. Эти процессы сопровождаются возрастанием численности пролетариата, сосредоточением многих тысяч рабочих на одном предприятии, «связанных своим общим положением и общностью интересов», другими словами «централизацией рабочих»⁶¹. Таким образом, по мнению ученого, концентрация капиталов «способствует организации

рабочих и проясняет их классовое самосознание, разоблачая антагонистический (противоречивый) характер капиталистического строя, при котором производство принимает все более общественный характер, а присвоение остается частным, индивидуальным»⁶².

Противоречивость капиталистического производства, проявляясь в столкновении тенденций, с одной стороны, роста машинного производства, с другой — создания условий «относительного сужения основной части рынка, именно рынка потребительского», и выражается в промышленных кризисах, или кризисах перепроизводства. «Промышленный кризис, — отмечает А.А.Богданов, — представляет собою глубокое и обширное потрясение всей системы общественного хозяйства, сложный комплекс разнообразных явлений, поразительных и угрожающих по своему характеру: резкое падение цен, разорение множества предприятий, массовая безработица и т.д.»⁶³. Благодаря высокой связности и сложному цепному строению капиталистической организации, скрытому характеру нарастания условий кризиса, а также стихийной неорганизованности капиталистического производства явления перепроизводства, по мнению мыслителя, обнаруживаются не постепенно, а достаточно быстро. Причем, если расширение капиталистической системы, общественное разделение труда, увеличение специализации и усложнение связи «между отраслями, вырабатывающими предметы непосредственного потребления и теми, которые доставляют для них необходимые материалы и орудия», замедляют возникновение и развитие кризиса, то усовершенствование техники сообщений и интеграция предприятий — ускоряют. В отличие от общих частные кризисы в качестве своих причин имеют войны, революции, неурожаи, биржевые спекуляции, т.е. причины более частного характера, а также сравнительно меньший размер распространения. В целом же, оценивая значение кризисов для капиталистической системы, ученый обращает внимание на их двойственную природу, поскольку, с одной стороны, «кризисы представляют из себя некоторую деградацию общественного хозяйства, временное понижение производительных сил общества»⁶⁴, с другой, ускоряют технический прогресс благодаря обострению конкуренции, стремлению капиталистов изыскать новые средства обогащения и усовершенствовать технику производства до уровня, гарантирующего независимость его предприятия от понижения цен. Причем, поскольку «кризисы зависят от основных особенностей капитализма», постольку, по мнению философа, они «могут исчезнуть только вместе с ним»⁶⁵.

Процесс централизации и концентрации капиталов приводит к монополизации целых отраслей промышленности, созданию высоко организованных капиталистических объединений, в которых

банки начинают выступать «в качестве организационных центров всей современной промышленности»⁶⁶, тем самым создаются условия для развития финансового капитализма, когда банковский капитал, «существовавший некогда раздельно от торгово-промышленного капитала, сливается, сращивается с ним воедино [выделено А.Б.]»⁶⁷. Причем тенденция эта носит двусторонний характер: «заправили промышленности входят в правление банков, а представители банков входят в руководящие органы акционерных обществ, синдикатов, трестов»⁶⁸. Отсюда, с одной стороны, налицо «стремление со стороны банков к согласованию интересов отдельных, подпавших под их влияние предприятий»⁶⁹, которое достигается либо ограничением конкуренции между предприятиями одной отрасли, либо путем образований вертикальных комбинаций в разнородных отраслях промышленности, с другой — централизация самих банков. В конечном счете, «развитие финансового капитализма ведет к объединению национальной промышленности, которое совершается в вертикальном и горизонтальном направлении»⁷⁰ и созданию системы мирового капитализма, в которой национальные государственные тресты противостоят друг другу на мировом рынке.

Сущность финансового капитализма проявляется в стремлении «расширить таможенные перегородки, увеличить территории тех вотчин, где безраздельно царствуют национальные капиталистические монополии»⁷¹, рынки сырья и сбыта готовых товаров, экспорте капитала. Все это в конечном счете «рождает столкновения между национально-государственными трестами, — столкновения, которые выливаются в империалистические войны»⁷². Преодоление такого рода противоречий, по мнению А.А.Богданова, становится невозможным в рамках системы менового общества. С одной стороны, тенденция к созданию картелей, синдикатов и трестов ведет к сокращению конкуренции и приостановке развития производительных сил и переходу общества в застойную форму, а также перерождению самой фигуры капиталиста, перестающего быть активным фактором хозяйственной жизни. С другой стороны, до предела увеличивая эксплуатацию пролетариата и уменьшая его реальную заработную плату, финансовый капитализм порождает мировой милитаризм и мировые войны, что способствует «прояснению классового сознания пролетариата», превращению «диктатуры магнатов капитала» в «диктатуру пролетариата»⁷³.

Социально-организованное хозяйство А.А.Богданов рассматривает в качестве высшей ступени общественного развития. В этом, еще только прогнозируемом обществе размеры и сложность общественного производства будут непрерывно возрастать, а процесс

развития все более ускоряться. Однако поскольку разнородность его элементов будет переходить на орудия и методы труда, сами члены общества будут развиваться в сторону однородности. При этом производство и распределение будут представлять собой планомерно организованную, единую целостную систему. Другими словами, философ прогнозирует три основные характеристики социалистического общества: во-первых, «действительная власть общества над природою, беспредельно развивающаяся на основе научно-организованной техники [выделено А.Б.]»⁷⁴; во-вторых, «стройная организованность всей производственной системы, при величайшей подвижности ее элементов и их группировок и при высокой психической однородности трудящихся, как всесторонне развитых сознательных работников [выделено А.Б.]»⁷⁵; в-третьих, «общественно-организованное товарищеское распределение на основе общественной собственности на все средства производства [выделено А.Б.]»⁷⁶.

Итак, в соответствии с историческим методом К.Маркса, основу экономических форм А.А.Богданов видит в отношениях общества к природе, где лежит базис экономического развития, его движущая сила, а формы идеологические, которые носят производный характер, тем не менее являются для общества организующими приспособлениями. Следуя строгому единству исторического метода ученый стремится исследовать социальные формы как в целом, так и разлагать их на элементы, т.е. познавать процесс социально-исторического развития как сложную форму движения, имеющую свою внешнюю и внутреннюю историю. Поскольку технические формы непосредственно подвергаются изменяющим внешним влияниям, изменения в строении этих социальных элементов могут предшествовать изменениям в строении общественного целого. Однако, средой для них являются не только соприкасающиеся с ними природные процессы, но и процессы социально-экономические. В конечном счете они испытывают на себе помимо внешнего и влияние элементов внутренней среды общества, т.е. экономических и идеологических процессов, для которых средою служит социальное целое. Но, поскольку в действительности все социальные процессы слиты между собой, сам способ их познания с исторической точки зрения представляет собой изучение непрерывного изменения общественных форм, перманентной смены их кризисов и состояний подвижного равновесия. В дальнейшем, в «Тектологиях» А.А.Богданов подробно проанализирует механизмы осуществления этих процессов.

МОНИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ОПЫТА

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ «ЭМПИРИОМОНИЗМА»

В трактате «Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник» А.А.Богданов, раскрывая содержание введенного им в философию термина «эмпириомонизм», отмечает: «В переводе с греческого, смысл его: *единство опыта*. Это — великая цель для человеческой мысли. Бесконечное богатство и разнообразие вселенной — ее вещей, событий, образов, идей — свести к единству: представить с одной точки зрения, в одной непрерывной цепи, — по одному принципу, как выражаются философы.

Я искал такой точки зрения, и нашел, что разрешить задачу может только одна: *организационная* [курсив А.Б.]»¹.

По существу этим положением мыслитель фиксирует тот факт, что К.Маркс открыл значение практики как основы познания и подвел методологически под научные понятия и философские категории практический фундамент. Возникшие на основе анализа практического взаимодействия субъекта и объекта понятия экстраполировались на объяснение природы. Например, у Ф.Энгельса читаем: существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является изменение природы человеком, «благодаря деятельности человека и обосновывается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого»².

А.А.Богданов справедливо полагает, что исходное начало философии К.Маркса — практика, материальная целенаправленная деятельность субъекта по отношению к объекту. Ни в объективном, ни в субъективном смысле мир, «среда» не даны человеку вне деятельности, сам раскол мира на «я» и «среду» — порождение трудового опыта. По мнению мыслителя, все понятия, характеризующие взаимодействие естественных процессов, взяты из человеческого опыта — сила, причины... Эти понятия, характеризующие наше волевое напряжение в труде и встречаемое сопротивление вещей, мы и «представляем», трактуя взаимодействие вещей. В принципе А.А.Богданов, безусловно, прав: он по-своему расшифровывает хрестоматийный для марксиста тезис относительно практики как основы познания. И рассматривая вслед за Р.Авенариусом и Махом познание как приспособление к среде (естественной и социальной), исследует структуру и динамику познавательного процесса. Традиционное для материализма понятие «чувственное данное» А.А.Богданов обозначает термином «элемент». Можно считать неудачными рассуждения философа о «нейтральности» элементов опыта, но нет оснований упрекать его в идеализме. Ибо он пытался отмежеваться от идущей из XVIII в. дихотомии в трактовке термина «чувственные дан-

ные» — Как обозначение того, что дано чувственно, и того, что есть в человеческих чувствах.

А.А.Богданов полагал, что картина мира и положение человека в мире определяется практическим отношением человека к этому миру, т.е. способом производства. Существующее разделение труда и частнособственнические отношения порождают фетишистское, символическое восприятие мира, ибо человек попал в зависимость от созданных им сил и вещей. Будущие коллективистские социалистические отношения позволят создать адекватную картину взаимоотношения субъекта и объекта, подлинно монистический взгляд на действительность. Нынешние формы знания, включая философию, «частичные» в своей сущности, уступят место науке. Ибо опыт монистичен. Эмпириомонизм переходная форма от философии к науке, к тектологии. Такова гносеологическая позиция А.А.Богданова, спорная, в том числе и по поводу отрицания элементов абсолютно-го знания, эта позиция далека от той карикатуры, которая была создана на этот счет В.И.Лениным.

Мир дан нам в формах предметно-практической деятельности, в «опыте». А.А.Богданов, думая, мог бы без колебаний согласиться с К.Марксом: «Ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана *человеческому* существу адекватным образом»³. Революция в физике и других науках (конец XIX — начало XX веков) философски связана с отказом от онтологизма предшествующего времени, когда ориентировались на достижение объекта «самого по себе», субъект казался дистанцированным от постигаемых объектов. Как замечал В.С.Степин, теперь осмысливаются корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода: «В противовес идеалу единственно истинной теории, “фотографирующей” исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждой из них может содержаться момент объективно истинного знания... На этой основе вырастало новое понимание категорий истины, объективности, факта, теории, объяснения т.п.»⁴. Именно эти обстоятельства по-своему и были зафиксированы Махом, далее А.А.Богдановым. В.И.Ленин, как и Г.В.Плеханов, прошел мимо данного аспекта, хотя и наметил достаточно глубокий гносеологический подход к анализу революции в физике.

Если отвлечься от устаревшей терминологии и оценить точку зрения А.А.Богданова в исторической перспективе, можно сказать: вслед за Махом он по-своему понял изменение гносеологической ситуации в связи с революцией в физике. Конечно, А.А.Богданов допустил ошибки. Но они связаны с движением вперед, тогда как

В.И. Ленин явно двигался вспять, к позиции Дидро. Мы не будем вдаваться в проблемы психологии познания, волновавшие А.А. Богданова и ныне ушедшие в историю, сошлемся на обобщающий вывод М.Э. Омельяновского: «В классической физике наблюдаемые явления позволяли получить информацию (во всяком случае, в принципе) о поведении объектов независимо от взаимодействия их со средствами наблюдения (измерительными приборами). В квантовой физике наблюдаемые явления информируют также и об условиях эксперимента, от которых нельзя уже отвлечься в принципе, то есть квантовые явления характеризуют не свойства объекта самого по себе, а всю экспериментальную ситуацию в целом. Образно говоря, с точки зрения квантовой физики экспериментирующий физик оказался не просто зрителем, но и актером в драме познания. Отсюда и возникли соответствующие вопросы о физической реальности⁵. Одним словом, отношение субъекта и объекта познания приобрело такое качество, которое классической науке было чуждо.

А.А. Богданов предпринял весьма неудачную попытку синтезировать философию К.Маркса и эмпириокритицизм. В итоге появился эмпириомонизм как развитие марксовской философии, связанное с пересмотром ряда ее моментов⁶.

Поскольку Э.Мах называет взаимосвязь элементов опытом, поскольку он был близок к социал-демократии, исповедовал атеизм, некоторые русские философы из социал-демократов усмотрели в гносеологии Э.Маха своеобразное дополнение к социальной философии К.Маркса. Например, Н.Валентинов ставил вопрос: «Вокруг имени венского философа Э.Маха у нас возникла полемика. Соединимы ли марксизм и философия Э.Маха? Соединимы ли принципы научной социологии, называемой материалистическим пониманием истории, с философскими принципами критического реализма, в той его форме, в какой он выдвинут со стороны психологов — Р.Авенариусом, а со стороны физиков — Э.Махом?»⁷. И отвечал: да, ибо дух и направление марксизма «до поразительности» совпадают с критическим эмпиризмом Э.Маха и Р.Авенариуса. Причем, Валентинов упрекал А.А.Богданова, который претендовал на подлинное объединение К.Маркса и Э.Маха гносеологически в рамках эмпириомонизма, в идеализме: «Его “Эмпириомонизм”... если уже и высветил истину, то — помимо своей воли — только старую истину дряхлого идеализма и метафизики»⁸. Между тем, А.А.Богданов сам чувствует, что где-то релятивистски переходит разумная граница и дело пахнет субъективным идеализмом. Он пишет: «Значит ли это, что тело и восприятие тела одно и то же? Нет. Элементы тождественны, но связь их различна»⁹. По поводу трактовки набивших оскомину «элементов» А.А.Богданов упрекает Э.Маха (и вообще эмпири-

окритиков), во-первых, в созерцательности, элементы в его трактовке отличаются статичностью. Между тем в живом опыте они образуют активный поток. Во-вторых, по мнению А.А.Богданова, Э.Мах в старом духе ориентируется на опыт отдельного индивида, отдавая дань эмпиризму, тогда как надо ориентироваться на опыт коллектива. «Материя — это сопротивление активности; идея — организующая форма активности; то и другое относится первоначально к активности именно человеческой, коллективно-трудо-вой»¹⁰. Познание истинно постольку, постольку оно дает практическую пригодную ориентировку.

Эмпириомонизм (единство опыта) — философия, охватывающая вселенную как единый ряд событий, как всеобщий организационный процесс. В трактовке этого процесса А.А.Богданов опирается на известное определение труда, данное в «Капитале»: «Труд человека, один и тот же по существу, преодолевает и силу природы, и ее тайну: организует ее элементы, в интересах людей, *физически*, и располагает их в стройный порядок опыта духовно»^{11 11} *Неизвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995. С.33.* Мы цитировали относительно недавно впервые опубликованную книгу «Десятилетие отлучения от марксизма» (М., 1995). Однако, А.А.Богданов (и здесь правы Г.В.Плеханов и В.И.Ленин) существенно ошибался: из единства целеполагающей и целереализующей деятельности в труде он выводит их тождество, утверждая, что материальные и духовные элементы опыта одни и те же, различны лишь способы организации материального и духовного. Мыслитель пишет в «Десятилетии...»: «Я дал еще иное доказательство того, что в мире нет особых элементов материальных и духовных. Наше усилие управляет нашим материальным телом, и называется тогда «*физическим усилием*»; но другое усилие управляет ходом наших представлений, и называется «*умственным*» или «*духовным*»¹². Надо сказать, что никакого доказательства данному тезису А.А.Богданов дать не смог, его рассуждения насчет заблуждений «мудрости веков» по поводу различия материи и духа оказались чисто декларативными.

Другое дело (чего не хотели замечать Г.В.Плеханов и В.И.Ленин), что при анализе конкретных процессов, как последователь К.Маркса (и это главное для А.А.Богданова), А.А.Богданов придерживается противоположной позиции. Он пишет: «Философия того или иного общественного класса есть одна из его высших идеологий. Поэтому согласно учению Маркса она должна отражать и выражать практическую жизнь класса: его роль в производстве, его организацию, его жизненные интересы и стремления...

Пролетарий в производстве имеет дело с материальными вещами. Он выполняет в них перемещения, разделения, новые соедине-

ния, перегруппировки частей, — всё это в интересах общества. Это — деятельность, по существу, организационная: пролетариат своими физическими усилиями *организует внешние вещи для людей*.

Вместе с тем, он организуется и сам, в сотрудничестве и в борьбе, шире и глубже, чем какой-либо класс, выступавший на арену истории. *Организация людей* — вторая его характерная черта.

Он вырабатывает свое сознание, стремясь к тому, чтобы сделать его единым, стройным и привести его в научную гармонию со всей практикой и жизненными интересами класса. А это значит — *организовать идеи* во всеобъемлющем для класса масштабе.

Организация вещей, организация людей, организация идей — вот жизнь рабочего класса в ее целом¹³.

А.А.Богданов не мог знать «Немецкой идеологии». Но то, что он пишет здесь, конгениально содержанию «Немецкой идеологии», пониманию К.Марксом практики как «обработки природы людьми» и «обработки людей людьми», пониманию им производства идей. Далее в духе «Рукописей 1857—1859 гг.», которые А.А.Богданов тоже не мог знать, он рассуждает о том, что сами по себе люди не пролетарии и не буржуа, а становятся таковыми в зависимости от общественно-организационных связей, в которых находятся и в которых решающую роль играют отношения присвоения. Одним словом, у А.А.Богданова действительно есть путаница в трактовке чувственного познания на психологическом уровне (в сущности «Эмпириомонизм» — работа психологическая). Когда же он выступает как философ, эта путаница исчезает (чего, повторяем, по политическим причинам не хотели заметить Г.В.Плеханов и В.И.Ленин). Читаем: «Для пролетария материя есть объект его труда, живое, осязаемое явление, а не вещь, спрятанная “в себе”, как черепаха в своей коробке»¹⁴. А.А.Богданов полагает, что через эмпириомонизм он пришел к преодолению философии, к основанию всеобщей организационной науки.

Содержание понятия «опыт» приобретает специфическую окраску, когда А.А.Богданов идет за Махом и вообще подменяет гносеологическую позицию психологической (и в плане индивидуальной, и в плане социальной психологии). Тут возникает и путанная концепция тождества элементов физического и психического опытов, односторонний эмпиризм с выводом: вещи таковы, как их человек чувственно воспринимает, это не «тайна», открытая «в себе», под оболочкой явлений. Элементы указанных опытов коррелятивны, но не тождественны. Г.В.Плеханов и В.И.Ленин, далекие от понимания эмпириомонизма в целом, многие слабости А.А.Богданова ухватили точно и ловко использовали их в политических целях. Это касается и обещания А.А.Богданова устранить понятия материи и духа в каче-

стве «неточных», «запутывающих анализ». К чести философа надо отнести то, что он не застрял на эмпириомонистической позиции, а использовал ее для разработки тектологии.

«Философия живого опыта», работа, завершающая «предтектологический» период эволюции взглядов А.А.Богданова, содержит такие выводы: «Философия доживает последние дни. Эмпириомонизм — уже не вполне философия, а переходная форма»¹⁵. Материализм и идеализм не могли быть философией живого опыта, ибо они отрывали «материю» — это сопротивление активности субъекта — от «идеи» — организующей формы активности. Хотя материализм был ближе к живому опыту, но ни материализм, ни идеализм не соотносили «материю» и «дух» с человеческой активностью, с практикой. И А.А.Богданов прав, если иметь в виду анализ формирования категорий материи и духа. Однако, он отождествляет определенные односторонние трактовки материи и духа с их действительным существованием и соотношением.

Философия оказалась неспособной объединить раздробленный социальный опыт, человеческую практику. Поэтому она должна уступить место тектологии, универсальной науке об организации. Тектология окончательно формируется тогда, когда общечеловеческий опыт станет единым, универсальным, когда отношения людей станут коллективистическими, а производительные силы — автоматически регулирующимися механизмами.

Итак, то, что было рационального в философии вообще, должно войти в тектологию. Философии К.Маркса здесь отводится особая роль. Обогащенная последующими идеями, в особенности идеями Маха, концепция К.Маркса в эмпириомонистическом варианте оказалась, по А.А.Богданову, философской основой тектологии. Принятие за отправной пункт опыта человеческой практики позволило понять Вселенную как бесконечный поток организующих активностей. Хаотическая масса в неорганической материи содержит организацию элементов в примитивных формах; разрушаемая внешними силами, она не восстанавливается собственной активностью. Иное дело жизнь — ступени организации от простейшей клетки до человеческого организма. «Высшим пределом лестницы является для нас *человеческий коллектив*, в наше время уже многомиллионная система, составленная из индивидуумов. В труде и познании вырабатывает человечество свою “действительность”, свой объективный опыт с его строгой закономерностью, с его стройной организацией. Практика великого социального организма есть не что иное, как *миростроительство*... Этот построенный и дальше развивающийся мир, область побежденных работой и мыслью стихии, царство социально-организованных элементов Вселенной, есть наибо-

лее грандиозное и совершенное, какое мы знаем, воплощение жизни в природе... Такова наша картина мира: непрерывный ряд форм организаций элементов, форм, развивающихся в борьбе и взаимодействии, без начала в прошлом, без конца в будущем»¹⁶. Но прежде, чем переходить к анализу тектологических взглядов А.А.Богданова, сопоставим эмпириомонизм и некоторые другие российские версии марксизма.

«ЭМПИРИОМОНИЗМ» И РОССИЙСКИЕ ВЕРСИИ МАРКСИЗМА

В большевистский период своей политической деятельности А.А.Богданов, в отличие от В.И.Ленина, не принимал ту версию философии марксизма, которую создал Г.В.Плеханов. Поэтому первыми «отлучателями» А.А.Богданова от марксизма оказались ученики Г.В.Плеханова. Как только А.А.Богданов «сошелся» с В.И.Лениным, плехановцы ринулись в бой. В 1904 г. в меньшевистской «Искре» (№ 77) появилась статья ученицы Г.В.Плеханова Л.И.Аксельрод-Ортодокс «(Новая разновидность ревизионизма». Статья была написана в уныло академической манере и заканчивалась выводом: А.А.Богданов «встал на почву субъективного идеализма», по мнению Ортодокса, «субъективный идеализм в философии с железной необходимостью должен вести к социальному консерватизму»¹. Особую неприязнь у Ортодокса вызывал тот факт, что А.А.Богданов осмелился отметить известную незавершенность материалистического понимания истории. При этом обращаем внимание на одно интересное обстоятельство. Аксельрод (Ортодокс) пишет: «Приблизительно года полтора тому назад Ленин обратился ко мне с предложением выступить против новой «критики» марксовской теории, выразившейся в сочинениях т.Богданова...»².

На 3-ю книгу «Эмпириомонизма» откликнулся заметкой другой ученик Г.В.Плеханова А.М.Деборин (журнал «Современная жизнь», 1907)³, который четко обрисовал слабые места и противоречия позиции А.А.Богданова, но не выявил гносеологических корней этой позиции. Как и Г.В.Плеханов, А.М.Деборин не постиг философию К.Маркса в качестве философии практики. Как и Г.В.Плеханов, он был убежден: «Диалектический материализм примыкает к французскому и представляет дальнейшее развитие последнег⁴. Эта точка зрения восходит к Г.В.Плеханову, который явно отдавая дань созерцательности, писал в предисловии к цитируемой книге А.М.Деборина: «Кто отправляется от объекта, у того создается... одна из разновидностей *материалистического мирозерцания*. Кому точкой отправления служит субъект, тот оказывается... *идеалистом*

того или другого оттенка»⁵. В действительности это далеко не так. Фома Аквинат, например, отправлялся от объекта, Шеллинг и Гегель — от тождества объекта и субъекта, но они были последовательными идеалистами. Фейербах, напротив, отправлялся от субъекта — и создал оригинальное материалистическое учение. Надо сказать, что при всех своих противоречиях в рамках эмпириомонизма А.А.Богданов избавился от созерцательности домарковского материализма.

В 1908 г. Г.В.Плеханов публикует два из трех писем к А.А.Богданову (третье было напечатано в 1910 г.) — «Materialismus militants» — остроумные пассажи, свидетельствующие о том, что их автор ни в коей мере не хотел вдуматься в теоретическую позицию А.А.Богданова. В письме к Мартынову от 5 октября 1908 г. Г.В.Плеханов сообщает: «Я берусь за перо, уничтожаю эту бестию... Богданов должен умереть сейчас и без разговоров»⁶. Большевик А.А.Богданов был враждебен Г.В.Плеханову по чисто политическим мотивам. Л.Аксельрод, А.М.Деборин, Г.В.Плеханов принадлежат, говоря словами самого А.А.Богданова, к числу первых «отлучателей» его от марксизма. Процесс отлучения завершил В.И.Ленин своим «Материализмом и эмпириокритицизмом» (1909). Подобные мотивы звучат и у Г.В.Плеханова: «Диалектический материализм есть высшее развитие материалистического понимания истории»⁷.

Поскольку Г.В.Плеханов, а затем и В.И.Ленин постигали философию К.Маркса сквозь призму «Анти-Дюринга» и «Людвига Фейербаха», А.А.Богданов полагает, что отталкивались они в конечном счете от точки зрения домарковского материализма, лишь дополненного диалектикой. В частности, у Г.В.Плеханова А.А.Богданов обнаруживает известное упрощение и вульгаризацию материалистического метода, в произведениях которого «основные идеи отживающего мира, как “бог”, “бессмертие души”, “свобода воли” рассматриваются, прежде всего и главным образом, как воплощение определенных классовых *интересов*, именно буржуазных. Между тем это прежде всего и главным образом *формы мышления*, возникающие из определенных производственных отношений, и их связь с классовыми интересами является уже производною: как всякие идеологические формы, они имеют тенденцию поддерживать создавшие их общественные отношения, а через них это оказывается выгодным для одних, невыгодным для других общественных классов, притом в изменяющейся мере и далеко не всегда одинаковым путем»⁸.

Надо отметить, что большевизм с самого своего возникновения не был таким монолитом, каким его изображала сталинская историография. А.А.Богданов, человек огромной обществоведческой и ес-

тественнонаучной эрудиции, выдающихся организаторских способностей сразу заставил В.И.Ленина предпринять косвенные и прямые упреждающие удары, дабы утвердиться в качестве единственного вождя большевиков. И этому способствовали некоторые черты характера В.И.Ленина. В качестве некоторых из них А.А.Богданов отмечает ленинское стремление к авторитаризму, грубую власть, феодализм мысли. В записных книжках А.А.Богданов обращает внимание на стремление В.И.Ленина к единоличной диктатуре, превращающей людей в стадо. Эта характеристика во многом, даже лексически, напоминает ту, что В.И.Ленин давал Сталину в известном «Завещании». Тот факт, что после 1917 г. появились профессора, с благоговением цитирующие ленинскую «детскую книгу», свидетельствует о появлении стада и его «умственном рабстве»⁹. А.А.Богданов вспоминает высказывание кадета Маклакова насчет того, что для политических партий нет этики, хотя, по мнению А.А.Богданова, для великого класса, носителя высоких идеалов, такие установки культурно недопустимы. Ориентация В.И.Ленина на абсолютную истину объективно позволяет искать того лидера, который и будет определять, что истинно, а что нет.

Поэтому, когда большевизм раскололся, В.И.Ленин постарался сделать все, чтобы уничтожить А.А.Богданова и теоретически, и политически. Работу В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» можно, в сущности, назвать «Анти-Богданов». Канонизация книги В.И.Ленина началась с момента ее появления. А.А.Богданов это прекрасно понимал и по поводу этой книги В.И.Ленина писал: «Она была, в сущности, политическим действием, и практики — я в том числе — были, может быть, не правы, прилагая к ней научно-философскую мерку. Просто надо было пожертвовать старыми друзьями, чтобы закрепить связь с новыми»¹⁰. Как замечает А.А.Богданов, Ильин оказался «человеком грубых шаблонов». Конфликт с В.И.Лениным, Зиновьевым, Каменевым нарастал, А.А.Богданова лишили возможности печататься в «Правде». И А.А.Богданов, и Юшкевич писали о религиозном, авторитарном мышлении «истинно русских» марксистов, о догматизме, порождающем «пап» и «антипап», которые «проклинают и отлучают». П.С.Юшкевич, поддерживая А.А.Богданова, советовал: «Надо разрушить китайскую стену предрассудков, открыть доступ чужим идеями, усвоить все завоевания культуры, признать свободу мнений. Надо марксистскую теократию преобразовать в европейское государство, надо провести, так сказать, отделение церкви от государства: политику отделить от теории, программу от системы, партию от идеологии... ввести две параллельные и независимые друг от друга линии: политическую,

покоящуюся на принципе строгой дисциплины, и теоретическую, исходящую из начала полной свободы мнений. В теории лучше переохватить в сторону свободы, чем недохватить до нее, лучше свобода ошибки, чем рабство перед истиной»¹¹.

Однако В.И.Ленин не хотел, да и не мог как политик, признать какую-то правоту А.А.Богданова. Поэтому, политическую расправу с А.А.Богдановым В.И.Ленин учинил на почве философии. Когда в 1909 г. вышла знаменитая книга Вл.Ильина «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии», книгу заметили, появились рецензии разных авторов, от Ив.Ильина до Л.Аксельрод (Ортодокс). Естественно, что самый развернутый ответ Вл.Ильину дал сам А.А.Богданов, написав большую статью «Вера и наука (О книге Вл.Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»)». Статья была помещена в книге, опубликованной в 1910 г. вместе с работой «Падение великого фетишизма». Сам автор сказал в статье следующее: «Это скромный памфлет, посвященный одному из эпизодов борьбы веры и науки»¹². Этим очерчены содержательные рамки ответа А.А.Богданова В.И.Ленину. И надо сказать, что слабых мест у В.И.Ленина А.А.Богданов обнаружил не меньше, чем В.И.Ленин у него.

Например, А.А.Богданов, обращает внимание на известную онтологизацию истины В.И.Лениным, утверждавшим, что исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но «безусловно существование этой истины». Другими словами, В.И.Ленин, излагая гносеологическую позицию К.Маркса и Ф.Энгельса, стремится раскрыть диалектику познания и справедливо критикуя А.А.Богданова за релятивизм, сам изъясняется так (видимо ввиду торопливости), что впадает в противоположную крайность — абсолютизацию абсолютного в познании. Вместо того, чтобы говорить о единстве абсолютного и относительного в истине, в человеческом познании вообще, В.И.Ленин толкует об абсолютных и относительных истинах, причем утверждает, что абсолютная истина складывается из суммы относительных истин. Этот тезис отдает явной метафизичностью. Такая позиция, связанная, на наш взгляд, с неряшливостью стиля, объективно отдает гегелевским панлогизмом. Более того, получается некая онтологизация, на манер Гегеля, абсолютной истины. А.А.Богданов цитирует: «С точки зрения современного материализма, то есть марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»¹³. Спрашивается, где эта абсолютная истина как таковая? В царстве идей Платона, в Абсолютной идее Гегеля, в божественном разуме? Одним словом,

как замечает А.А.Богданов, допускается существование абсолютной истины вне человека, которая соответствует абсолютной природе¹⁴. Хотя пафос В.И.Ленина понятен: показать диалектику абсолютного и относительного моментов в процессе познания, в процессе достижения объективной истины. А.А.Богданов, как и В.И.Ленин, говорит не о соотношении абсолютного и относительного в знании, а об абсолютных и относительных истинах. Отсюда и вывод: «Безусловной, абсолютной истины никакое познания не может дать. Истина познания всегда относительна, т.е. ограничена, имеет силу только в пределах известных условий. Может быть, это и грустно — но это несомненно... В познании, если что и может быть абсолютным, так только отрицание абсолютного, если что может быть постоянно, так только изменчивость»¹⁵.

Но дело не в гносеологических сюжетах. А.А.Богданову важно доказать, что для В.И.Ленина — объективно — «источник такого знания возможен лишь один, а именно — вера, и вера слепая»¹⁶. Не остается А.А.Богданов в долгу и идеологически: он связывает позицию В.И.Ленина с идеалистической традицией, вспоминает «уходивших в идеализм» легальных марксистов с их призывами «назад к Канту», «назад к Фихте», «назад к Лассалю», назад «вообще, куда угодно», которые подменяют великий классовый идеал социальной демократии жалкими буржуазно-этическими идеалами¹⁷. В частности Н.Бердяев, покидая почву марксизма, стал понимать прогрессивное общественное развитие как приближение к абсолютным идеалам: абсолютной истине, абсолютному добру, абсолютной красоте. В.И.Ленин, полагает А.А.Богданов, «принимает только треть того триединого идеала, который у наших идеалистов является формулой божества»¹⁸. А.А.Богданов использует тот же, что и В.И.Ленин прием, обнаруживает истоки подобного воззрения у «идеалистов западных», например у Лейбница. Комментируя известные положения Ф.Энгельса из «Анти-Дюринга», на которые ссылается В.И.Ленин, А.А.Богданов справедливо пишет, что для Ф.Энгельса мышление абсолютно «по своей тенденции», оно в этом качестве осуществляется через бесчисленное число поколений, что это «идеально-математическая, то есть чисто символическая возможность»¹⁹. Таким образом, А.А.Богданов упрекает В.И.Ленина в религиозном отношении к марксизму. В.И.Ленин запрещает выходить за пределы метода К.Маркса, никогда другие методы, по его мнению, «ни к чему, кроме путаницы и лжи, привести не могут»²⁰.

По мнению А.А.Богданова, основа мировоззрения В.И.Ленина — вера и признание абсолютных ценностей. Это «два критерия религиозного мышления». Отсюда вытекает третий критерий: «Раз есть вера, должен существовать и авторитет, от которого она исходит,

авторитет, которому должны верить. Абсолютное — одно из имен этого авторитета. В данном случае «абсолютное воплощается в идеях, когда-либо и где-либо высказанных Марксом и Энгельсом. Это пророки абсолютной истины. И совершенно, что, как пророки, они не должны, не могут говорить чего-либо неверного: либо они способны ошибаться, — но тогда они такие люди, как мы, и кому же в таком случае устанавливать абсолютную истину?»²¹. А.А.Богданов полемически несколько перегибает палку — В.И.Ленин говорит об ошибках К.Маркса и Ф.Энгельса, но об ошибках частного свойства. Однако А.А.Богданов, в сущности прав: оценочное отношение В.И.Ленина к основоположникам марксизма преобладает над содержательным. И уж если сам В.И.Ленин разрешает себе некоторые критические замечания в их адрес, то абсолютно нетерпим к замечаниям других, ибо, полагает А.А.Богданов, «авторитарный тип мышления наиболее в себе замкнут, наиболее неспособен понять и допустить возможность иных типов»²².

Мы согласны с Ю.Г.Коргунюком, автором статьи, предваряющей недавнюю публикацию работы А.А.Богданова «Вера и наука»: «В ленинской критике эмпириокритицизма и особенно богдановского эмпириомонизма содержались, конечно, и верные моменты. Вполне правомерна, например, была критика богдановского релятивизма и субъективизма»²³. Так, трактуя объективность истины, А.А.Богданов с одной стороны, отмечает: «Объективность» буквально значит «предметность» (объект = предмет, вещь). «Объективность» для нас то, что действительно, как те предметы, которые мы видим и с которыми на практике имеем дело»²⁴. С другой — читаем: «Философы слово «объективность» и переводят чаще всего как «общеобязательность» или еще «общезначимость» (то, что для всех имеет значение)»²⁵. И совершенно всуе он ссылается при этом на К.Маркса, цитируя известное место из «Капитала» по поводу объективных мыслительных форм. В полемическом задоре сам А.А.Богданов не только не устранил явно релятивистские ошибки, но дал повод для новых упреков. Например, по поводу трактовки повторяемого навязчиво суждения «Наполеон умер 5 мая 1821 года». А.А.Богданов, дабы доказать относительность и этого суждения, выделяет три аспекта: личность Наполеона, физиологический процесс — смерть, историческая дата смерти. А.А.Богданов пишет, например: «Принимается, — что умер тот же человек, та же “личность”, то же самое “я”, которое фигурировало в таких-то предыдущих событиях, связанных с именем “Наполеона”. Физиологически “тело” умирающего Наполеона до последней молекулы было уже *иное*, чем “тело” Наполеона, который командовал при Аустерлице»²⁶. И так далее, и тому подобное, вплоть до напоминания о том, что одно дело дата

смерти по григорианскому календарю, иное — по юлианскому. В общем, А.А.Богданов полагает, что если и есть нечто «вечное», то не истина, а заблуждение.

Однако, тем не менее, общий вывод В.И.Ленина о философском идеализме А.А.Богданова «внизу» и реакционности его воззрений глубоко несправедлив и ошибочен. Что идеалистического в таком обобщающем выводе? «Таким образом, эмпириомонизм рассматривает вселенную как бесконечно разветвляющийся мир элементов, организующихся в комплексы все большей сложности и стройности, от группировок, отражающихся в человеческом опыте как “неорганическая природа”, к сочетаниям ассоциативным, воспринимаемым нами, как “одаренные психикой существа”, к человеческой организации опыта, индивидуальной и социальной, и может быть, в дальнейшем, еще более совершенным формам и типам. Трудовую деятельность вообще и познание, в частности, эмпириомонизм, соответственно своей общей картине мира, понимает как борьбу, направленную к организации низших и стихийных комплексов среды в формы, принадлежащие социальному бытию или его поддерживающие. При этом идеология оказывается организующей формой социального бытия, и специально всякая “истина” — организующей формой опыта»²⁷.

Тезис об организующей роли идеологии, истины или заблуждения вызвал у В.И.Ленина немалый гнев. На наш взгляд, А.А.Богданов мог гневаться на В.И.Ленина с не меньшим основанием: оба они были неправы. В позиции В.И.Ленина истинным было то, что он определял человеческое познание с содержательной стороны. И в этом смысле был прав. А.А.Богданов определяет познание с ценностной стороны. И в этом смысле прав. Но оба они абсолютизируют свой аспект. Назвать человеческое познание организующей силой — значит, во-первых, высказать совершенно верный взгляд, а во-вторых, вполне марксистский и достаточно тривиальный. И то, что В.И.Ленин недооценивал теоретически ценностный аспект философии К.Маркса, оставаясь в пределах сциентистской ориентации Ф.Энгельса, хотя неоднократно говорил об оценке роли эмоций в познании, — так это очевидный факт. А.А.Богданов же, обнаружив ценностную сторону практического освоения мира (как она раскрывается в антропологической философии К.Маркса), в противоречии со своей общей сциентистской установкой стал понимать всякое познание как единство содержательного и оценочного аспектов. И в этом его, как и Луначарского, большая заслуга. Хотя его односторонность, отмеченную В.И.Лениным, оправдать никак нельзя. Скажем, он пишет: «Католицизм был истиной в ту эпоху, когда он связно и стройно объединил наибольшую сумму челове-

ческих переживаний — в феодальную эпоху»²⁸. Очевидно, что речь должна идти не об истинности католической религии в гносеологическом смысле, а об ее ценностно-организующей роли. И об этом у А.А.Богданова сказано достаточно ясно: «Относительно же католицизма любой марксистский историк может объяснить, что эта система идей “в течение веков” была не только “безвредной”, но и полезной, и необходимой, как общественно-организующая сила»²⁹. Известная проблема: ложь во спасение. Культ Сталина в годы Великой Отечественной войны сыграл огромную мобилизующую и организующую роль. Но при чем здесь истинность религиозной (светски) идеологии культа личности? Расхождение содержательного и оценочного моментов в познании, индивидуальном и общественном сознании сопутствует всей истории человечества и, судя по всему, нет признаков его исчезновения. Но это не значит, что теоретически мы должны смазывать различия между содержательным и оценочным знанием, отождествлять как делал А.А.Богданов, объективное и социально-значимое.

Книга В.И.Ленина, полагает А.А.Богданов, всем своим построением учит верить в профессиональную ученость специалистов и в учение Маркса. Первая вера вредна и смешна, вторая вредна и позорна: «Резкий, антирелигиозный тон, приписыванье враждебной стороне стремлений к “поповщине”, — и глубоко религиозное мышление, с культом “абсолютного”. Это последнее противоречие, конечно, основа всех остальных. ... Может быть, Вы слышали, читатель, историю про одного алкоголика, который, в ответ на грустные упреки друзей, — “Что, брат, допился-таки до чертиков?” — гордо отвечал: «нет, я-то еще не допился, а вот он (больной указывал на фельдшера), он действительно допился: так по нем и прыгают, так и прыгают: Я сам видел”.

В.Ильин тоже отнюдь не находится в религиозном опьянении от своей “абсолютной истины”. Нет, но он сам видел, как прыгают клерикальные чертики по разным “махистам”»³⁰.

В отношении реформирования А.А.Богдановым философского языка, его стремления изложить философское содержание в терминах науки необходимо подчеркнуть, что в целом такая тенденция мешает адекватному пониманию философского творчества А.А.Богданова. Можно оспаривать такое стремление (и мы полагаем, что эта попытка ничего позитивного философии не дала). По мнению Ю.Г.Кургунюка ленинская критика «попыток А.А.Богданова переложить основные постулаты исторического материализма на язык энергетической и биологической терминологий» была весьма меткой: «Ленин вполне резонно отмечал, что в подобном переодевании нет ни грана настоящего исследования (это, кстати, был один из

немногих упреков, на которые А.А.Богданову фактически нечего было возразить)...»³¹. Н.Бердяев по этому поводу справедливо писал: «Г.Богданов претендует дать учение о познании с точки зрения материалистического понимания истории... Та биологическая и вообще натуралистическая интерпретация исторического материализма, которую предлагает г.Богданов, совершенно чужда классическому марксизму... Трудные — философские проблемы нельзя решать по ту сторону философии; они могут решаться только философами и только в пределах философии — вот центральная мысль, на которую наводит чтение книги г.Богданова»³². Однако, надо учесть и то, что А.А.Богданов был прав, указывая на недостатки языка гегелевской и иной предшествующей философии. Например, А.А.Богданов убежден в том, что принцип социального детерминизма можно выразить количественно, довести до измерения. В связи с этим он при анализе общественных явлений оперирует понятием «энергия», «закон сохранения энергии», «закон подбора» и т.п. Видеть за этим какой-то идеализм нелепо. Взгляд на мир как процесс, по А.А.Богданову, точнее можно передать понятием «историческое», чем понятием «диалектическое»; вместо термина «метафизический» он рекомендует употреблять термин «статический». История философии и науки — свидетельство победы «исторического» взгляда над «статическим»³³. «Историческая точка зрения» позднее именуется концепцией «подвижного равновесия», «организационной диалектикой», которые характеризуют любой процесс подлинно всесторонне, а именно — в единстве устойчивости и изменчивости. С учетом подобного видения мира только и можно понять высказывания такого рода: «Равновесие есть идеал статический, развитие — исторический»³⁴. В этом смысле, подчеркивая отличие эмпириомонизма от эмпириокритицизма, А.А.Богданов выделяет два момента: эмпириокритики рассматривают элементы опыта статически, а эмпириомонисты — динамически; школа Э.Маха и Р.Авенариуса видит в связи элементов опыта простое соединение, а эмпириомонизм — организацию элементов.

Созданная В.И.Лениным теоретическая карикатура на А.А.Богданова включает «богостроительский» фрагмент. Оценивая богдановское понятие «подстановки», В.И.Ленин решил, что оно дает основание для отнесения А.А.Богданова к богостроителям. Хотим особо подчеркнуть, что большевистские теоретики — приверженцы светской религии — обнаруживают, и в данном случае достойное восхищения совпадение взглядов с религиозными философами так называемого серебряного века. В «Истории русской философии» Н.Лосского (глава XXV «Влияние Э.Маха и Р.Авенариуса на марксистов» уместается на 2,5 стр. текста) о А.А.Богданове сказано,

что «заяввшись философией, он подпал под влияние Маха и Авенариуса и разработал теорию, названную им эмпириомонизмом»³⁵. Не много для книги, которую авторы аннотации представляют как «получившую мировую известность». Несколько более серьезно анализирует философские воззрения А.А.Богданова В.Зеньковский³⁶. «История русской философии» этого автора в аннотации названа «фундаментальным научным исследованием». Между тем, в ней немало элементарных фактических неточностей, в том числе и по поводу концепции А.А.Богданова. В частности, Зеньковский называет «первой» книгой А.А.Богданова «Основные элементы...», — видимо, «Краткий курс экономической науки» ему был неизвестен. А это принципиально. Знай Зеньковский «Краткий курс», не возникло бы утверждение, что А.А.Богданов не очень подчеркивал свой марксизм. Рассуждения же Зеньковского о «мизерности» теоретических результатов «Тектологии» не соответствуют действительности. Как видно, названным авторам до объективности столь же далеко, как и В.И.Ленину — и причина этого общая: политическая предвзятость.

Ленинская оценка вошла прочно в сталинизированную философию. Даже в материалах «Богдановских чтений» пишут: «Если богостроитель Бердяев порывает с марксизмом, то богостроитель Богданов пытается расширить поле марксистской философии за счет дополнения ее религией»³⁷. Однако, относить А.А.Богданова к приверженцам идеи, названной Горьким «богостроительством» (повесть «Исповедь») совершенно нелепо. Не кто иной, как Богданов, хорошо понимая суть дела, советовал Луначарскому отказаться от религиозной терминологии, ибо «слово — не простая одежда идей, которую можно на них надевать или с них снимать. Слово — организационный центр, вокруг которого собираются наши представления, наши воспоминания, образуя *понятия*»³⁸. Как видно, мышление А.А.Богданова строго цельно, системно. Отсюда, наверное, и многие упрощения в понимании философии, ее сути и судьбы.

Богданов никогда не разделял богостроительских увлечений, например, Луначарского. Говоря о том, что А.В.Луначарский и он — приверженцы коллективизма, А.А.Богданов пишет: «Коллективизм в нашем понимании есть целое *мироотношение*. Не мирозерцание, а мироотношение, и практическое, и теоретическое отношение к миру; практический *идеал* и теоретическая *идея*.

Идеал коллективизма — объединенная, гармонически стройная, *товарищеская* организация производства и всей, творческой работы людей. Идея коллективизма состоит в том, что истинным деятелем труда и познания, истинным строителем жизни, борцом со стихиями и тайнами природы является *коллектив*. Личность же есть эле-

мент живой ткани коллектива, а в своей деятельности — частичное воплощение его сил.

Мы признаем не только коллективизм *труда и общественной борьбы* — это признают и наши отлучители, — но также коллективизм *познания, мышления*, который они отвергают. Для нас наука и искусство, это собранный, приведенный в порядок, организованный *коллективный опыт*³⁹.

Таким образом, устранив А.А.Богданова из политической жизни страны, после оформления нового строя В.И.Ленин решает устранить А.А.Богданова из жизни идеологической, используя факт переиздания книги в 1920 году тиражом в 30 тысяч экземпляров. В.И.Ленин, видимо, не следил за работами А.А.Богданова, появившимися после 1909 года, и поручил В.И.Невскому, ректору Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова, написать к этому изданию статью дабы показать, что «под видом “пролетарской культуры” проводятся А.А.Богдановым буржуазные и реакционные воззрения»⁴⁰. Как говорится еще не слушали, а уже постановили. Вождь дал команду, Невский ее выполнил. «Буржуазность и реакционность» одного из создателей партии, выдающегося мыслителя и ученого, подлинного сторонника социализма была доказана в очередной раз.

По существу Невский выступает против марксовской философии практики, того варианта онтологии, которая предоставлена К.Марксом и которую, при всем несовершенстве терминологии и незнании основополагающих работ К.Маркса, А.А.Богданов ухватил теоретически. Как и против того решения основного вопроса философии, которое было характерно для социального материализма К.Маркса и связано с преодолением гносеологической и социологической робинзоны в понимании субъекта, которое оставалось присуще и плехановскому, и ленинскому его пониманию. В основе онтологии К.Маркса — тот социальный коллективный опыт, о котором пишет А.А.Богданов. Мир дан в формах этого опыта, общественно-исторической практики и тех объективно-мыслительных формах, о которых К.Маркс говорит в 1-м томе «Капитала» (Богданов цитирует это место).

Фактически А.А.Богданов философски интерпретируя научные открытия, например в астрономии, показывает, что факты, выступающие перед ученым, как факты наблюдения и опыта, — это не «вещи сами по себе», а втянутые в «социально-организованный опыт человечества «предметы» как фрагменты объекта, втянутые в мир геометрии, механики, астрономии, физики и т.д. С позиций Г.В.Плеханова и ленинской «теории отражения», только идеалистически следует оценить вопрос А.А.Богданова: «Можно ли принять этот

мир, эту схему опыта независимо от человечества? Можно ли сказать, что она существовала раньше его»⁴¹. И особенно возмущала Невского претензия А.А.Богданова на развитие идей К.Маркса. Видимо, уже в то время в партии и стране складывалось мнение, что главный вождь — он же и главный, а далее — единственный теоретик, которому дозволено совершенствовать «священное писание». К концу 20-х годов это стало «законом» применительно к Сталину.

Невский высмеивает тектологию, всеобщую организационную науку, которая, в сущности, предвосхитила системно-кибернетический подход. Невский видит в тектологии «все тех же старых знакомых богдановской философии: комплексы и элементы»⁴². Завершает Невский свою статью в традициях ленинской политизации: в последних работах А.А.Богданова «ни слова не говорится о производстве и системах управления им в эпоху диктатуры пролетариата. Впрочем, мало ли о чем умалчивает т.А.Богданов в своих трудах, вышедших в эпоху диктатуры пролетариата. Зато он много говорит о “философии живого опыта”, вернее — о философии мертвой реакции»⁴³.

В дальнейшем Сталин и его клеветы изобрели ленинский этап развития философии марксизма. Вот одна из вех канонизации ленинской книги и утверждения ленинского этапа в философии — монография, подготовленная Институтом философии Коммунистической академии, — «25 лет “Материализма и эмпириокритицизма”». Многочисленные авторы от В.Адоратского до В.Познера славят т.Сталина и толкуют о «борьбе с», «борьбе за», «борьбе внутри» и т.д. П.Досев (Т.Павлов) нашел развитие диалектического материализма в ленинском русле «во всех без исключения работах т.Сталина» (... в решениях и деятельности ВКП(б) и Коминтерна)»⁴⁴. И.Луппол, будущая жертва сталинских репрессий, пребывая в одной камере с Н.Вавиловым), пишет: «История есть политика, обращенная в прошлое. Это определение, относимое нами с учетом специфики материала и к истории философии, прекрасно соотносится с принципом партийности в философии. Именно этими установками и должна быть пронизана вся работа по истории философии»⁴⁵.

Конечно, «мировая общественность» давала и иные оценки ленинскому произведению. Скажем, Конрад Шмидт в известном «Словаре государственных наук» резонно издевался над «уголовным преследованием за образ мыслей» Р.Авенариуса, Э.Маха и даже И.Канта. Им приписывается «тайное стремление держать эксплуатируемых и угнетенных в ярме буржуазии». К.Шмидт справедливо пишет о том, что в книге Ленина мысль Маркса о внутренней связи между философским мышлением и социальными отношениями «насилственно упрощена и доведена до абсурда»⁴⁶. Тем не менее в нашем

Отечестве А.А.Богданов должен был умереть... «После казни Н.Бухарина и публикации «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938) долгое время и речи не могло быть о каком-то позитивном упоминании идей А.А.Богданова. Например, все издания «Краткого философского словаря» под редакцией М.Розенталя и П.Юдина, начиная с первого (1938), содержат непоколебимо жесткую оценку А.А.Богданова как «врага марксизма».

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ «ЭМПИРИОМОНИЗМА»

Итак, А.А.Богданову пришлось отойти от активной политической и идеологической работы. Тем не менее, оценивая его вклад в сфере социалистической мысли, Ю.Г.Кургунюк отмечает: «Так же как в политике А.А.Богданов выступал за свободу существования в РСДРП и большевистской фракции самых разнообразных оттенков, так и в области теории, и в философии в первую очередь, он боролся за право свободного поиска, за необходимость самокритичного отношения к собственному направлению и терпимого отношения к оппонентам. Марксизм должен отвергать абсолютное значение за любой системой идей, в том числе и за собственной — таков лейтмотив философской и мировоззренческой позиции Богданова»¹.

«Вера и наука» заканчивается гуманистическим призывом: «Перед нашим классом и нами — великая работа: создание новой культуры, для которой все прошлое и настоящее — только материал, для которого формы лишь смутно намечаются. Вместишь бесконечно развивающееся коллективное содержание в бесконечно-гибкие и пластичные рамки — такова задача этой культуры: гармоничное сотрудничество коллектива — ее орудие! На этом пути мы поймем трудовую связь поколений, и наш идеал выступит перед нами, как непреклонный вывод из прошлого и настоящего всего человечества»².

Выполнить эту грандиозную задачу, по мнению А.А.Богданова, не просто. Разделение труда, «дробление человека», специализация подорвали взаимное понимание людей, интересы личности отделились от интересов коллектива, возникла борьба всех против всех. Каждая наука «организует» какую-либо отдельную часть опыта и поэтому является специальностью. Философия тоже стала цеховой специальностью. Нужна новая философия, способная охватить опыт и познание человечества в целом, способная выразить монистическую потребность человеческого мышления. Оценивая в этом отношении эмпириомонистическую концепцию А.А.Богданова, приходится отметить ее определенную противоречивость и незавершенность. А много ли найдется «завершенных» философских учений?

Из «одного куска стали»? Мы думаем, что протестовавший против «стального» подхода к философии, науке А.А.Богданов был прав, во всяком случае в своем протесте. Другое дело, что сам А.А.Богданов, когда он интерпретирует Маха, остается в пределах психологии познания, с явными уступками субъективному идеализму. Когда же он интерпретирует К.Маркса, он развивает марксову социологию познания. К.Маркс менее всего традиционный гносеолог. Это понимал в известном смысле и В.И.Ленин — отсюда все его рассуждения о диалектике как теории познания Гегеля и К.Маркса. Однако А.А.Богданов стремится вывести свой эмпириомонизм за рамки философии и ставит своей целью создать тектологию, всеобщую организационную науку.

Как далеко и глубоко смотрел (теоретически) А.А.Богданов, можно подтвердить метким обобщением выдающегося современного ученого академика Н.Моисеева. Он комментирует известный тезис Гейзенберга, который в свое время (как и эмпириомонизм А.А.Богданова) многих поверг в шок, тезис, согласно которому нельзя отделить исследователя от объекта исследований: «Выделение любого элемента всегда условно. Он всегда лишь часть целого — часть другой, более сложной системы, из которой его выделить иногда нельзя ни при каких обстоятельствах. Вот почему говорить о нем можно тоже только в сослагательном наклонении. Сам по себе электрон, электрон как таковой, не существует. (Впрочем, как и человек, что понял еще великий Сеченов: человек существует только в единстве плоти, души и окружающей природы, как он говорил).

Произнося слово «электрон», мы имеем в виду лишь вполне определенную интерпретацию некоего явления, это есть лишь словесное обозначение наблюдаемого явления, и раскрытие смысла термина «электрон» и есть задача науки! И она будет зависеть от наблюдателя. Электрон плюс наблюдатель, вооруженный камерой Вильсона, где мы видим след «электрона», как и всякой материальной частицы, — это одна система, а электрон и дифракционная решетка, где он ведет себя как волновой пакет, некая другая система. И разделить, то есть выделить электрон, как таковой, невозможно. А человек, наблюдая — всего лишь наблюдая происходящее, уже одним этим вмешивается в протекающие процессы, меняет их ход, пусть в ничтожной степени, но меняет! И не поняв этого, человек не может проникнуть к тем силам природы, которые скрыты в недрах атома.

Все это, о чем говорилось, показывает, что основные парадигмы рационализма, и прежде всего принцип стороннего наблюдателя, должны быть подвергнуты ревизии. Физика это подтвердила экспериментом. Без квантовой механики не было бы атомной бомбы. Значит, все мы должны изучать «изнутри», с позиций участника собы-

тий, с учетом нашего воздействия и нашей ограниченности, рожденной «законами», саморазвития Универсума. И этот отказ от рационализма XVIII века (вернее переход к новому) вовсе не означает потерю научности. Надо просто по-другому понимать смысл науки. Один из величайших мыслителей XX века Нильс Бор говорил о том, что никакое по-настоящему сложное явление нельзя описать с помощью языка. Необходима множественность ракурсов рассмотрения одного и того же явления. Мне эту мысль хочется выразить несколько по-другому. Для того, чтобы человек имел нужное понимание (понимание, а не знание, что совсем не одно и то же), ему необходим некий голографический портрет явления. А его могут дать различные интерпретации. В построении таких интерпретаций на основе эмпирических данных (а значит — не согласных с ними) и состоит основная задача современной науки (и не только квантовой физики). А вовсе не приближение к мифической «абсолютной истине», как полагал Гегель, и вслед за ним, теоретики диалектического материализма.

Но то, на что нам указывала физика XX века, имеет место и в гуманитарных науках. Новые знания, усвоенная догма — все это меняет сознание, а следовательно, действия людей. Что, в свою очередь, означает и изменение хода исторического процесса. Человек, изучающий историю, делающий какие-то выводы, неизбежно, вмешивается в саму историю. Этот факт нельзя игнорировать. Фраза Гейзенберга превращается в принцип — принцип неразделимости исследователя и объекта исследования. И надо учиться жить в этом странном относительно мире и извлекать из него ту информацию, которая помогает людям в нем существовать. Без которой они просто не смогут выжить. Вот таким образом я и начал однажды относиться к науке»³.

ТЕКТОЛОГИЯ: ВСЕОБЩАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ НАУКА

Начавшаяся в отечественной литературе с 60-х годов «реабилитация» тектологии пока не распространилась на оценку философских воззрений мыслителя. Как полагает В.Садовский, до сих пор не сказано «самое существенное, а именно то, что, несмотря на достаточно радикальную эволюцию своих философских воззрений, А.А.Богданов всегда оставался, начиная с конца XIX в. и до конца своей жизни, убежденным марксистом в философии. Его собственные заявления на этот счет имеются во всех его философских работах, начиная с ранних, появившихся в конце XIX — начале XX вв., и включая «Эмпириомонизм» (1904—1906), «Философию живого

опыта» (1-е изд. — 1913, 3-е изд. — 1923) и другие его сочинения. Г.В.Плеханов и В.И.Ленин игнорировали это и создали совершенно ложное представление об эволюции философских воззрений А.А.Богданова»¹.

Итак, то, что было рационального в философии вообще, должно войти в тектологию. Философии К.Маркса здесь отводится особая роль. Обогащенная последующими идеями, в особенности идеями Маха, концепция К.Маркса в эмпириомонистическом варианте оказалась, по А.А.Богданову, философской основой тектологии.

Принятие за отправной пункт опыта человеческой практики позволило понять Вселенную как бесконечный поток организующих активностей. Хаотическая масса в неорганической материи содержит организацию элементов в примитивных формах; разрушаемая внешними силами, она не восстанавливается собственной активностью. Иное дело жизнь — ступени организации от простейшей клетки до человеческого организма. «Высшим пределом лестницы является для нас *человеческий коллектив*, в наше время уже многомиллионная система, составленная из индивидуумов.

В труде и познании вырабатывает человечество свою «действительность», свой объективный опыт с его строгой закономерностью, с его стройной организацией. Практика великого социального организма есть не что иное, как *миростроительство*... Этот построенный и дальше развивающийся мир, область побежденных работой и мыслью стихии, царство социально-организованных элементов Вселенной, есть наиболее грандиозное и совершенное, какое мы знаем, воплощение жизни в природе... Такова наша картина мира: непрерывный ряд форм организаций элементов, форм, развивающихся в борьбе и взаимодействии, без начала в прошлом, без конца в будущем². Уже в статье «Новое средневековье» (1903), обращенной против Бердяева, А.А.Богданов доказывает, что мораль, право, политика — совокупность принудительных норм — отомрут. Наука превратится в единственную форму общественного и индивидуального сознания и средство организации жизненного опыта. Ни в природе человека, ни в природе общества нет условий, препятствующих замене норм принуждения нормами научной целесообразности.

Философия объясняла мир. И не более. «Даже материалистическая диалектика — в общем и целом — остается на той же позиции, по существу объяснительной; лишь для социальной борьбы она у Маркса приняла в известной мере и директивно-практический характер: для ускорения хода развития надо поддерживать, усиливать выступающие в ней реальные противоречия, осознавая их и распространяя это знание на классовый коллектив, оформляя их организационно в коллективе. Однако, и здесь диалектика объективного разви-

тия не играет роли, подобной, например, математике, роли орудия для планомерного исследования и решения задач; в лучшем случае, достигнув решения обычными, частными методами, его затем подводят под диалектическую схему»³, — писал А.А.Богданов в предисловии к немецкому изданию «Тектологии» (1923). Универсально-обобщенное и вместе с тем прикладное значение будет иметь новая организационная наука, охватывающая реальные и возможные задачи, познавательные и практические. Надо, однако, сказать, А.А.Богданов не совсем адекватно излагает позицию К.Маркса. К.Маркс отмежевывался от такого понимания методологической роли диалектики, о котором говорит А.А.Богданов. Так в письме Ф.Энгельсу от 9 декабря 1861 г. К.Маркс напоминает, что уже «Гегель никогда не называл диалектикой подведение массы “случаев” под общий принцип»⁴ И.С.Нарский не без оснований именует тектологию «формальной онтологией», в теоретических устремлениях А.А.Богданова видит «апофеоз монизма», достигнутого искусственно⁵. Ф.Энгельс неоднократно объяснял, что все миропонимание К.Маркса концентрируется в диалектико-материалистическом методе, который дает не готовые догмы, а отправные пункты исследования. Этот метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при исследовании, а готовым шаблоном⁶. Одним словом, функции науки и философии различны. Философия тоже дает прогноз, но он носит сугубо вероятностный, качественный характер. Можно еще раз напомнить о том, что А.А.Богданов изначально (как и Г.В.Плеханов, и В.И.Ленин в 90-е годы) и до конца был убежден в скором исчезновении философии, в поглощении ее «рационального зерна» всеобщей организационной наукой. Диалектика превращается в тектологию, философия в науку.

Вслед за К.Марксом А.А.Богданов принимает за исходный пункт организационной науки действующего человека, или человеческую деятельность. Между тем: *«Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значит: всякую человеческую деятельность — техническую, общественную, познавательную, художественную — можно рассматривать как некоторый материал организационного опыта и исследовать с организационной точки зрения»*⁷. Старый учитель научного метода Ф.Энгельс, замечает А.А.Богданов, выразил все это формулой: производство людей, производство вещей, производство идей. В термине «производство» скрыто понятие организующего действия. А поэтому формулу Ф.Энгельса можно сделать точнее: организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта. Иногда А.А.Богданов допускает явные перехлесты: «Что же

оказалось? У человека нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных.

Итак, все интересы человечества — организационные. А отсюда следует: не может и не должно быть иной точки зрения на жизнь и мир, кроме организационной»⁸. Думаем, что подобная жесткость сродни политической жесткости В.И.Ленина. У того только политика, у А.А.Богданова только организация. Но — отдадим должное — оба, бывшие друзья, были неоднозначны. В Предисловии к 1-му изданию II части «Тектологии» А.А.Богданов пишет: «Тектология — наука, и, как всякая наука, идет в своих обобщениях и в исследовании шаг за шагом, расширяя свое поле и свои выводы. Такие схемы, как “подбор”, “ингрессия”, правда, — универсальны, но лишь в том же смысле, как, положим, закон сохранения энергии: они относятся ко всякому явлению, но касаются только одной определенной его стороны, а отнюдь не исчерпывают его»⁹.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕХАНИЗМЫ

Итак, тектология представляет собой перемену точки зрения на мир человеческого опыта, ибо, полагает А.А.Богданов, науки различаются не предметом (для всех предмет один и тот же — мир опыта), а по «точке зрения», по центру координат исследования. Тектология¹ есть наука с произвольно переменным центром координат, то есть несет всеобщую точку зрения. Разрабатывая основы этой всеобщей организационной науки, А.А.Богданов в первую очередь определяет ключевое для тектологии понятие «организованность». Он последовательно отказывается от использования для этой цели идеи *целесообразности* (как просто аналогии, метафоры, фетиша) и идеи гармонии (как синонима, тавтологии) ввиду их явной недостаточности для этой цели. И в качестве отправного пункта А.А.Богданов берет биологическое определение организма: «Биологи уже давно характеризовали организм, как “целое, которое больше суммы своих частей”». Хотя, употребляя эту формулу, они сами вряд ли смотрели на нее, как на точное определение, особенно в виду ее внешней парадоксальности, — но в ней есть черты, заслуживающие особого внимания. Она, не включает фетиша — ставящего цели субъекта, и не сводится к тавтологии, к повторению того же другими словами»². При этом, поскольку А.А.Богданов отталкивается от приоритета практики, то вносит в это определение существенное дополнение с помощью выражения «...практически больше суммы своих частей»³.

Последовательно расширяя и уточняя это определение, А.А.Богданов переходит к анализу понятия «активности», вкладывая в него

энергетический смысл, причем очень тесно связанный с человеческим существованием, с его практикой. «Понятие “активности вообще” или “энергии”, — пишет А.А.Богданов, — генетически имеет своей основой именно активность человека; она впервые стала объектом мышления: слова первобытного человека, а значит, и первичные понятия были выражением трудовых действий»⁴. Именно трудовые действия породили первичный тектологический прием — речь, а вместе с ней возникла и тектологическая тенденция. Приближение этой тенденции к научным формам выразилось в возникновении философии. Философия стремилась связать в одну систему человеческий опыт, разорванный специализацией. Но со времени Локка, Юма, Канта философия стала превращаться в гносеологию, нечто односторонне специализированное. Гегель пытался создать универсальную методологию. Универсально-эволюционные схемы Г. Спенсера и особенно материалистическая диалектика были следующими приближениями к нынешней постановке вопроса. Развивая и совершенствуя эту тенденцию, А.А.Богданов, создает и всеобщую организационную науку.

Специально подчеркивая активно-преобразующий характер человеческой деятельности как оппозицию «пассивно-созерцательному», А.А.Богданов пишет: «Эту точку зрения Маркс противопоставлял старой материалистической философии, до Фейербаха включительно, у которой он находил преимущественно «созерцательное» или «пассивное» понимание действительности. Эти материалисты, как напр., французские просветители — Гольбах и другие. — рассматривали действительность, как совокупность вещей, действующих на человека и своим действием порождающих его опыт [выделено — А.Б.]. Против такого способа понимания действительности Маркс определенно и решительно протестовал...»⁵. Тенденцию к проявлению активной точки зрения на действительность А.А.Богданов обнаруживает и в современной ему естественно-научной философии, в т.ч. например, у автора книги «Вопрос о границах познания», вышедшей в 1909 г. в России с предисловием А.А.Богданова, М.Ферворна, профессора физиологии, директора физиологического института Геттингенского университета, а также других представителей этого течения, рассматривающих «вещи» не в отрыве от человеческой практики, а как «практические группировки» данных опыта, результат объединения разграничения этих данных, выполняемого человеком в его стремлении практически овладеть миром опыта»⁶.

Однако, активность человека, по А.А.Богданову, одновременно является и сопротивлением воздействию на него окружающей среды. Разъясняя этот момент, А.А.Богданов пишет: «... понятие «со-

противления» не является чем-либо особым и самостоятельным. Это та же *активность*, но взятая с иной точки зрения — как противопоставленная другой активности. Когда два человека борются, активность одного есть сопротивление для другого, и наоборот. Также если две армии, два класса борются между собою, то активности каждой стороны являются сопротивлениями для другой, дело лишь в точке зрения того, кто обозначает. С точки зрения охотника или наблюдателя, который берет его за центр наблюдаемых фактов, усилия этого охотника представляют активности, а усилия всех животных, на которых он охотится, — сопротивления; но если в центре описания поставить борющееся за свою жизнь животное, то его усилия воплощают активности его организма»⁷.

Принимая во внимание такого рода соотносительность и обратимость терминов «активность» и «сопротивление», а также ограниченные возможности «...нашей символики — речи, которая не позволяет в одном слове воплотить весь смысл живого факта»⁸. А.А.Богданов использует составной термин «активность-сопротивление» и подчеркивает: «всякая активность есть сопротивление для других активностей, которым она противостоит, а также и наоборот»; «элементы всякой организации, всякого комплекса, изучаемого с организационной точки зрения, сводятся к *активностям-сопротивлениям*»⁹. Отвергая существовавшую ранее концепцию абсолютно пассивного сопротивления или «инерции» в связи с тем, что «инерция материи, воплощающаяся в ее “массе”, оказалась проявлением концентрированной в ней энергии, а именно электрической»¹⁰, А.А.Богданов подчеркивает, что термин «активность-сопротивление», одновременно включает в себя как активность, направленную на комбинирование или разложение определенных комплексов, так и сопротивление, неизбежно встречающееся со стороны этих комплексов»¹¹.

Данный ход рассуждений А.А.Богданова естественным образом подводит читателя к необходимости осмысления принципа двойственности¹², являющего, как подчеркивает директор Международного института Александра Богданова В.В.Попков, своего рода «нитью Ариадны», «...которая позволяет не только лучше следовать за логикой содержания организационного учения Богданова, но по существу, оказывается главным организационным принципом построения “Тектологии”»¹³. По мнению В.В.Попкова, в основе рассмотрения мира под универсально-организационным углом зрения, лежат два «всеобщих элемента бытия», «попарно связанных» «двойственными отношениями», последовательно превращающихся вначале в четверку элементов («ветвей») «два из которых относятся к структуре, а два к функции или процессу», затем к большему числу

элементов, организующихся во все более сложные формы, «где структуры и функции переплетены»¹⁴. Структурная двойственность, по мнению В.В.Попкова, предполагает одновременное разграниченное, но взаимосвязанное существование в действительности «вещи» и «не-вещи» (Постулаты 1,2), причем «...структурные ветви двойственности (вещь и не-вещь) наблюдаемы (чувственно воспринимаемы)» (Следствие 2) и наряду с динамически ветвями не существуют в отдельности один от другого (Следствие 1)¹⁵. Динамическая (функциональная, процессуальная) двойственность, характеризуется взаимодействием этих разграниченных, но взаимосвязанных отдельных как с точки зрения пересечения границы в одном направлении «отсюда туда», так и в обратном — «оттуда сюда» (Постулат 3). При этом первая динамическая ветвь («посюсторонняя») наблюдаема и выразима «на языке чувственного восприятия исследователя» (Постулат 4), а вторая — нет, но сопряжена с первой и «может соответствовать комплексу более высокого структурного уровня» (Следствие 3, 4)¹⁶.

Таким образом, аксиоматическая теория двойственности В.В.Попкова дает инструмент понимания «логики двоецентриа» (термин В.В.Попкова)¹⁷. А.А.Богданова, в соответствии с которой двойственный термин «активность-сопротивление» является двойственным вдвойне. Во-первых, он с двух противоположных сторон описывает динамическую сторону действительности: как активность-сопротивление и как сопротивление-активность. Поясняя это положение, А.А.Богданов отмечает: «Когда какая бы то ни было активность, разлагающая или комбинирующая, направляется на определенные комплексы, она неизбежно встречает в них *сопротивление* [курсив — А.Б.], более значительное или слабое. <...> Но понятие «сопротивления» не является чем-либо особым и самостоятельным. Это та же *активность* [курсив — А.Б.], но взятая с иной точки зрения — как противопоставленная иной активности. <...> Таким образом, категории «активность» — «сопротивление» не только вполне соотносительны, но и обратимы: всякая активность есть сопротивление для других активностей, которым она противостоит, а также и наоборот»¹⁸.

Во-вторых, по А.А.Богданову «активность-сопротивление» обозначает структурный аспект мирового целого, т.е. характеристику совокупности разного рода комплексов. Активность (или сопротивление внешнему или внутреннему воздействию) любого из этих комплексов, как отмечает А.А.Богданов, «зависит от их *состава* [курсив — А.Б.], т.е. элементов, из которых они образованы, и от *строения* [курсив — А.Б.], т.е. взаимоотношений между этими элементами»¹⁹. Другими словами, при установлении связей между элемента-

ми присутствует и сопротивление их формированию: либо в виде «активности» субъекта, выполняющей функцию «сопротивления» влияниям внешней среды и способствующей обособлению его от нее, либо в виде «сопротивления» объекта изменениям, вызываемым «активностью» субъекта, что также ослабляет связи, ограничивает один элемент от другого. Такое доминирование «сопротивления» в отношениях между элементами в рамках комплекса приводит к формированию неорганизованного комплекса, т.е. такого целого, которое «практически меньше суммы своих частей»²⁰. А.А.Богданов отмечал по этому поводу: «Всякое разложение на элементы, реально выполняемое или только мыслимое, есть, разумеется, дезорганизация. Оно для того ведь и делается, чтобы уменьшить сопротивление вещей нашим усилиям, посредством которых мы затем организуем элементы в новые, желательные для нас сочетания»²¹. Разделение целого на элементы (рассмотрение его состава) предполагает замену положительной связки на так называемую «антисвязку» (тектологическую границу, или связку с отрицательным знаком), которая вместо связующей роли выполняет функцию ограничения элементов друг от друга.

В целом, двойственность понятия «активность-сопротивление» иллюстрируется А.А.Богдановым, с одной стороны, принципиальной сводимостью структурного (статического) аспекта организации к процессуальному (динамическому), являющемуся базовым: «...элементы всякой организации, всякого комплекса, изучаемого с организационной точки зрения, сводятся к активностям-сопротивлениям»²², с другой — выразимостью процессуального аспекта через структурный. Ведь «элементы» — «это просто те части, на которые сообразно задаче исследования [исследователю, деятелю или в общем виде — субъекту. — прим. К.Л., В.Т.] понадобилось разложить его *объект* [курсив К.Л., В.Т.]; они могут быть как угодно велики или малы, могут делиться дальше или не делиться — никаких рамок анализу здесь поставить нельзя»²³.

О двойственности термина «активность-сопротивление» можно вести речь и в связи с терминами «элемент» и «комплекс»: «Само понятие «элементов» для организационной науки всецело относительное и условное ... Элементами звездных систем приходится брать гигантские солнца и туманности, элементами общества — предприятия или отдельных людей, элементами организма — клетки; физического тела — молекулы, или атомы, или электроны — в зависимости от поставленной задачи; элементами теоретической системы — идеи, понятия; психической ассоциации — представления, волевые импульсы и т. д. Но как только в ходе исследования любой из этих элементов потребуется практически или мысленно разлагать даль-

ше, он начинает рассматриваться в качестве «комплекса», т.е. сочетания, соединения каких-либо элементов следующего порядка, и т.д.²⁴. Другими словами, организационная наука характеризуется прежде всего переменной точкой зрения. Например, «огромный вопрос об идеологиях, т.е. о формах речи, мышления, права, морали и проч., вопрос, охватывающий обширную область социальных наук, обычно рассматривался вне представления о социальной организации как целом, части которого связаны необходимой жизненной связью. Марксизм впервые определенно выяснил эту связь, но не полностью, а лишь частично, одну ее сторону — зависимость идеологии от отношений производства как форм, вторичных или производных от форм основных»²⁵.

Таким образом, разрабатывая свою всеобщую организационную науку А.А.Богданов постоянно подчеркивает относительность тектологических понятий: «Организованная система бывает таковою не вообще, не универсально, а лишь по отношению к каким-либо определенным активностям, сопротивлениям, энергиям; вместе с тем по отношению к другим она может быть дезорганизованной, к третьим — нейтральной»²⁶. Поэтому и сами комплексы А.А.Богданов разделяет на организованные, в которых целое, «практически больше простой суммы своих частей»²⁷, неорганизованные, где целое меньше суммы своих частей, и нейтральные — когда целое равно сумме частей. Например, если мы говорим о человеческой активности, то организованный комплекс из двух субъектов получается тогда, когда налицо имеется не просто сходство элементов-активностей, а совпадение общих для двух людей элементов, выражающееся в наличии общей цели. В этом случае «организованность достигается постольку, поскольку направление активности, выражаемое целью, тождественно для обоих сотрудников»²⁸, и активность одного не гасится активностью другого, а наоборот продолжается. Другими словами, когда налицо *«объективная тенденция усилий [курсив А.Б.]»*, «которая и есть реальный элемент общности, образующий основу организации сотрудничества»²⁹. Такое объединение комплексов в новый организованный «посредством общих звеньев» А.А.Богданов называет термином «цепная связь». В случае объективного несовпадения направления активностей, когда комплексы не имеют общих элементов, активность одного немедленно превращается в сопротивление для другого и организованного комплекса в результате не получается.

Однако прежде, чем продолжить характеристику «цепной связи», обратимся к описанию «конъюгации» — одного из основных организационных механизмов. Сам этот термин А.А.Богданов заимствует из биологии, означающий в этой науке акт соединения двух сво-

бодно живущих клеток. Поэтому и всякое соединение комплексов А.А.Богданов также характеризует понятием «конъюгация», но понятием, возведенным в степень всеобщности, поскольку в нем он видит «скрытое указание на творчество». Этот оттенок, по мнению ученого, «и делает термин «конъюгация» в его универсально расширенном смысле наиболее подходящим для тектологии: с ее точки зрения всякое образование новых форм основывается на соединении прежних комплексов и всякое такое соединение ведет к образованию новых форм»³⁰. «...Результаты конъюгации, — продолжает А.А.Богданов, — бывают тектологически различны. Исследуя вопрос о них в общем виде, по отношению к элементам-активностям, образующим *содержание* комплексов, легко наметить три мыслимых случая»³¹. Первый случай А.А.Богданов рассматривает как ситуацию, в которой «активности одного комплекса и активности другого соединяются так, что не делаются “сопротивлениями” одни для других, следовательно, без всяких “потерь”: предельный положительный результат»³². В качестве прямо противоположного случая автор «Тектологии» берет ситуацию, когда «...активности одного комплекса становятся всецело сопротивлениями для активностей другого, полностью парализуют их или парализуются ими». И, наконец, случай наиболее обычный, когда «два комплекса соединяются таким образом, что их элементы-активности частично складываются, частично являются взаимными сопротивлениями, т. е. организационно вычитаются». Чтобы правильно определить практическую сумму действия А.А.Богданов предлагает использовать термин «аналитическая сумма», означающий «результат соединения специфических активностей или соответственных сопротивлений при всякой конъюгации»³³. В результате таких подсчетов как показывает А.А.Богданов «всякая практическая организационная сумма может быть вполне понята нами лишь тогда, когда мы ее разложим на аналитические суммы, активностей на одной стороне, сопротивлений — на другой»³⁴.

Рассматривая результаты конъюгации со стороны формы получающихся систем, А.А.Богданов описывает понятие «цепная связь», которая «может неограниченно развертываться по самым различным направлениям и с постоянно меняющимися связующими элементами»³⁵. «Связкою» ученый называет «всю совокупность общих, совпадающих элементов между комплексами, входящими в цепную связь»³⁶. В качестве ее параметров он выделяет степень связки (ее глубину и прочность), тип и способ связки. Известно два рода цепной связи: однородная, или симметричная, и неоднородная или асимметричная. Если в случае однородной связи сами комплексы одинаковы и их отношение друг к другу одно и то же с обеих сторон, т.е.

комплексы «выполняют в ней [организованной системе. — прим. К.Л., В.Т.] одинаковую организационную функцию», то в случае неоднородной связи «комплексы неодинаковы», «отношение одного к другому иное» и в соответствии с этим выполняемые функции разные³⁷. Всеобщей формой цепной связи А.А.Богданов называет «ингрессию», в которой «активности, раньше не связанные, соединяются, образуя “связку” конъюгирующих комплексов»³⁸.

Учитывая универсальную тенденцию труда в техническом процессе как всеобщего организованного воплощения человеческой активности, А.А.Богданов приходит к выводу, что «вокруг организации людей и в соответствии с ее потребностями он [труд — К.Л., В.Т.] создает организацию вещей — организует природу для человека». В этом смысле речь идет как о создании организационных связей между людьми и комплексами среды, так и о связях между различными комплексами среды. При этом производной от практической организации вещей, зависимой от развития техники, является познавательная организация понятий (символов вещей). Ингрессия понятий в отличие от ингрессии вещей может принимать мировой, всеобъемлющий характер и выражать универсальный научный принцип непрерывности: «между всякими двумя комплексами вселенной, при достаточном исследовании устанавливаются промежуточные звенья, вводящие их в одну цепь ингрессии»³⁹.

Процессом, двойственным организационному является процесс дезорганизации, результатом, которого является появление дезорганизованного целого, которое «практически меньше суммы своих частей»⁴⁰. И если связкой А.А.Богданов называет наличие общих, совпадающих элементов комплексов, то тектологической границей, наоборот, отсутствие таких элементов, когда происходит взаимная нейтрализация противоположных активностей и образование отдельных частей. Основной формой дезорганизации А.А.Богданов называет дезингрессию, т.е. «отрицательную ингрессию»⁴¹, в которой активности «взаимно парализуются, что ведет к образованию “границы”, т.е. отдельности»⁴². Дезингрессию А.А.Богданов разделяет на полную, при которой совершается полная нейтрализация активностей, и происходит разрыв связи, т.е. *«внедрение элементов среды в систему по линиям уничтоженных сопротивлений»*⁴³ и частичную, когда активности «парализуются не вполне», когда «границы еще нет». Частичная дезингрессия «всегда примешана ко всякой ингрессии, потому что... не бывает конъюгации комплексов без некоторой растраты их активностей в виде взаимных сопротивлений»⁴⁴.

По мнению А.А.Богданова, именно дезингрессия может представлять собой единственно возможный способ образования отдельнос-

тей «без противоречия с научным принципом непрерывности»⁴⁵. И если философский способ решения этого основного тектологического вопроса представлен, по мысли ученого, поиском «принципа индивидуации», но в «отвлеченной, оторванной от живого опыта постановке», в виде «догадок и метафизических построений»⁴⁶, то с точки зрения с точки зрения тектологического метода препятствием для проникновения активности одного комплекса через пограничную область в другой комплекс является равное и противоположное сопротивление «в определенных пунктах, которые и образуют тогда границу». «Сопротивление же, — подчеркивает А.А.Богданов, — равное и противоположное активности, составляет с ней *полную дезингрессию* [курсив А.Б.]»⁴⁷.

Таким образом, дезингрессия позволяет, интерпретируя действительность динамически и в соответствии с принципом непрерывности, служить всеобщей формой представления отдельности. Причем автор «Всеобщей организационной науки» выделяет два вида отдельностей: отдельность реальную, т.е. перерыв реальных рядов, и отдельность «только мыслимую», фиктивную, применяемую в понятиях и актах мышления в тех случаях, когда произвести реальной разделение чего-либо не представляется возможным. Однако оба вида отдельности находятся, по А.А.Богданову, в прямой связи, подтверждая постоянную связь практики и познания. Так, и мыслимый пространственный перерыв движения в психике, и психофизиологический механизм приостановки времени, и аналитические абстракции, на деле означают либо дезингрессию в сфере иннервационных процессов, либо «дезингрессию психических активностей в пограничной сфере двух ассоциаций». Так, если пространственный перерыв движения в психике (напр. мысленная операция пересечения земного экватора) воплощается в усилии, парализующем некий первоначальный ослабленный и незавершенный иннервационный процесс, то в случае психофизиологического механизма приостановки времени (момент встречи Нового года), «сначала имеется пассивное внимание — длящееся рефлекторное усилие, которое следует за ходом совершающихся изменений, а затем — парализующее «вмешательство активного внимания — произвольного усилия, направленного противоположно первому, волевая задержка». В аналитических абстракциях (напр. отрыв «сущности» от «явления») «осуществляется разрыв между двумя ассоциациями представлений, оформленными и закрепленными в двух понятиях». Другими словами, по мнению А.А.Богданова, «*всякий без исключения перерыв в опыте может быть понят как результат дезингрессии непрерывностей* [курсив А.Б.]», и может быть понят как «эпизод в движении непрерывного потока вселенной — потока активностей-сопротивлений»⁴⁸.

Итак, динамически-эволюционное понимание консерватизма форм должно мыслиться, по А.А.Богданову, по схеме «подвижного равновесия двух потоков противоположных изменений»⁴⁹. Однако саму форму такого равновесия А.А.Богданов рассматривает уже не в рамках формирующего механизма, отвечающего за образование организационных форм, а в связи уточнением специфики регулирующего механизма, управляющего процессами их изменения, усадки или гибели. Помимо уже проанализированных нами понятий формирующего тектологического механизма как «конъюгация», «ингрессия», «связка», «дезингрессия», «тектологическая граница», автор «Тектологии» выделяет и два таких важных понятия для понимания тектологических процессов как «кризисы С» и «кризисы Д». Рассматривая конъюгационный процесс разрыва тектологической границы и дизъюнктивный процесс ее образования как организационный кризис комплексов, кризисы первого рода А.А.Богданов обозначает как «*кризисы С*», т.е. «конъюгационные», соединительные, а кризисы второго рода — как «*кризисы Д*», т.е. «дизъюнктивные», разделительные⁵⁰.

Поскольку регулирующий тектологический механизм является, по А.А.Богданову, одним из обобщений организационного творчества природы и методов организационной работы человека для его обозначения он использует заимствованное из биологии слово «отбор» или «подбор». Определение «естественный» ученый предлагает отбросить, поскольку биологический подбор предполагает факты размножения и наследственности», т.е. специальные черты живых организмов, а общеорганизационная схема подбора универсальна, применима как для живой, так и для неживой природы, поэтому для тектологии различие «естественных» и «искусственных» процессов не является принципиальным»⁵¹. Универсальность схемы подбора заключается в ее применении «ко всякому комплексу, и ко всякой его части во всякий момент, ибо это в сущности просто определенная точка зрения, с которой можно подходить к любому факту»⁵².

Человеческое общество в своей практике реально применяет эти методы подбора, как в биологическом смысле, производя «искусственный подбор» домашних животных и культурных растений, так и в общеорганизационном, осуществляя процесс общественного производства, социальной борьбы и всей работы мышления, т.е. систематического и целенаправленного поддержания комплексов, соответствующих жизненным целям людей.

А.А.Богданов разлагал подбор на три элемента: 1) «*объект подбора*, — то, что ему подвергается», напр. «живые организмы в схеме Дарвина», «связи и соотношения вещей в техническом трудовом подборе», «связи и соотношения людей в подборе социальной борь-

бы»; 2) «*деятель или фактор* подбора, — то, что действует на объект, сохраняя или разрушая его», напр. «жизненная обстановка в схеме Дарвина», «деятельность людей при производственном подборе»; 3) «*основа или базис подбора*», — та сторона объекта, от которой зависит его сохранение или устранение», напр. «полезные приспособления или черты неприспособленности в «естественном» подборе», «соответствие потребностям человека при техническом подборе», «соответствие структуре общества — в социальном подборе»⁵³.

Схему подбора, «в которой дело идет только о сохранении организационных форм или их несохранении», А.А.Богданов обозначал термином «консервативный подбор»⁵⁴, понимая под сохранением «подвижное равновесие изменений», когда «каждое из возникающих изменений уравнивается тут же другим, ему противоположным»⁵⁵. Другими словами, мыслитель, используя биологические термины ассимиляции и дезассимиляции и придавая им тектологический смысл, понимал под подвижным равновесием равенство процессов ассимиляции и дезассимиляции. Ассимиляция означает, по мысли А.А.Богданова, «усвоение элементов внешней среды, при которой они, входя в состав данного комплекса, образуют в нем группировки, “подобные” другим его группировкам, уподобляются им», дезассимиляция — «разусвоение элементов, их потерю в окружающую среду», причем в этой среде элементы «вступают в новые сочетания, не сходные с прежними, не подобные им»⁵⁶. Таким образом, «тектология, — подчеркивал А.А.Богданов, — всякое сохранение форм должна рассматривать как подвижное равновесие — как практически относительное равенство двух процессов — ассимиляции — дезассимиляции»⁵⁷.

Другой схемой регулирующего механизма является схема прогрессивного подбора, где слово «прогрессивный» взято в значении непрерывного (от слова «прогрессия») ряда событий, свидетельствующих либо о прогрессивном развитии формы, либо их относительном упадке. Поскольку, по мнению А.А.Богданова, «для сохранения в изменяющейся, т.е. в конечном счете во *всякой* (курсив А.Б.), среде недостаточно простого обменного равновесия», постольку относительной гарантией сохранения системы может служить лишь «возрастание суммы активностей, перевес ассимиляции: тогда новые неблагоприятные воздействия встречают не прежнее, а увеличенное сопротивление»⁵⁸. Именно этот процесс происходит при положительном прогрессивном подборе (количественном возрастании энергии). Причем, «при возрастании суммы активностей комплекса, т.е. при перевесе ассимиляции над дезассимиляцией»⁵⁹, «параллельно с возрастанием неоднородности внутренних связей комплекса идет уменьшение этой устойчивости»⁶⁰. Прогрессивный подбор в

отрицательной форме, т.е. при преобладании дезассимиляции (уменьшении суммы активностей-сопротивлений)⁶¹, упрощает внутренние отношения системы, повышает организационную прочность и устойчивость, хотя «за известными пределами продолжающееся понижение энергий системы и с ним ее упрощение принимают неизменно характер *деградации* [курсив — А.Б.], возрастающего упадка», к тому же «если это воздействие весьма значительно отличается от обычных влияний, под которыми организм складывался и среди которых он живет, то оно будет наиболее разрушительно»⁶². Характеризуя значение положительного и отрицательного подбора в динамике мирового развития в целом, А.А.Богданов отмечает: «Положительный подбор, усложняя формы, увеличивая разнородность бытия, доставляя для него материал все более, все более возрастающий; отрицательный подбор, упрощая этот материал, устраняя из него все непрочное, нестройное, противоречивое, внося в его связи однородность и согласованность, приводит этот материал в порядок, вносит в него систематизацию. Дополняясь взаимно, оба процесса стихийно организуют мир»⁶³.

Применение консервативной и прогрессивной схем подбора зависит от того, какие конкретные задачи стоят перед исследователем. Если эти задачи связаны «с вопросами *развития данных, наличных комплексов*», напр. экономического, социального или идеологического развития общества, применяется схема прогрессивного подбора. «В тех же случаях, — подчеркивал А.А.Богданов, — когда наличные комплексы, по условиям практической задачи или в рамках исследования, не развиваются сколько-нибудь ощутительно в ту или другую сторону, а только служат готовым материалом для более сложных формирований, приходится применять схему консервативного подбора. Примерами являются очень многие случаи в практике, когда из наличного материала требуется выделять то, что подходит для поставленной цели — золото из россыпи или руды, работников на определенное дело из массы предлагающих свои услуги, наилучшие пути или методы из числа возможных, и т. под.»⁶⁴.

Необходимо подчеркнуть, что верный своей тектологической точке зрения А.А.Богданов не отделял регулирующий механизм подбора от формирующих тектологических механизмов, представлял их как определенную комбинацию, тем самым давая нам основания говорить о тектологическом подходе к эволюции, о выработке механизмов управления ею.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДИАЛЕКТИКА

Итак, ощущая необходимость диалектической «обработки» истории человеческой мысли в связи с нарастанием кризиса в есте-

ствознании второй половине XIX в. — начале XX в. и ломкой старых понятий, под влиянием теории Дарвина А.А.Богданов стал рассматривать познание природы и практическое ее освоение как «подбор» («отбор») элементов материи, полезных в каком-то отношении и уничтожение вредных. По его мнению, первоначальную схему подбора дает практика. При этом, А.А.Богданов придает универсальное значение закону Ле-Шателье: если система подвергается воздействию извне, изменяющему ее равновесие, то в ней возникают процессы, противодействующие этому изменению. В связи с этим А.А.Богданов и вводит, а также разрабатывает содержание понятия «подвижное равновесие», единство «изменения» и «сохранения» противоположных тенденций.

Усматривая заслугу эмпириокритиков в выделении элементов опыта и в вычленении различных физических и психических явлений по характеру связи, А.А.Богданов не удовлетворен их описанием связи. Речь идет об организации социального опыта, о выявлении содержания понятий «организационный процесс» и «диалектический процесс». А.А.Богданов усматривает в объективной диалектике организационный процесс, идущий путем борьбы противоположных тенденций. Совпадает ли такое понимание диалектики с марксовым пониманием? Очевидно, не совсем: там речь идет о развитии, здесь об организационном процессе. Одно из различий этих процессов, по А.А.Богданову, таково: организационный процесс начинается с состояния равновесия, далее в нем возникают противоположные тенденции, затем наступает новое равновесие. Как замечает А.А.Богданов, основоположники диалектического материализма не достигли организационного понимания диалектики.

Диалектика должна быть понята как частный случай организационных процессов. Например, из двух актов трудового процесса — организаторского и исполнительского (повеление и исполнение) — то есть из трудовых отношений мы можем вывести понимание связи причины и следствия. Вообще, в более широком плане, то, что А.А.Богданов именует организационной наукой, включает в себя учение об изменчивости (исторический процесс) и устойчивости (равновесие). Тогда как диалектика Гегеля и К.Маркса есть теория развития. По поводу принципа развития он пишет: «Научно ценным в старой диалектике было указание на скрытые в понятиях и вещах «противоположности», которые требовалось искать и, под которыми подразумевались то дезигрессия активностей, то просто системное расхождение частей или сторон целого. В организационном анализе все это приходится различать и применение старой схемы уже не было бы полезно»¹. Даже диалектика К.Маркса, принявшая «директивно-практический характер», не вылилась в рассмотрение

любой задачи как организационной: организации внешних сил природы, организации человеческих сил, организации опыта.

В этом смысле позиция А.А.Богданова достаточно ясна — очистить философию К.Маркса от языка мистической гегелевской диалектики и вообще перевести философское содержание на научный язык. Он пишет: «Если мышление философа стоит действительно на высоте современного ему естествознания, то он может дать нам удовлетворительные *общефилософские* концепции, которые не встретятся с противоречиями и в остальных сферах человеческого опыта, но, напротив, и там окажутся познавательльно полезны»². Поэтому и диалектика К.Маркса, как концепция, обобщающая практическое освоение мира, есть концепция организационного процесса, идущего путем противоречий, путем борьбы разных тенденций³. А.А.Богданов делает критические замечания в адрес К.Маркса, направленные на развитие философии практики. Например: «Основное понятие диалектики у Маркса, как и у Гегеля, не достигло полной ясности и законченности; а благодаря этому самое применение диалектического метода делается неточным и расплывчатым, в его схемах примешивается произвол, и не только границы диалектики остаются неопределенными, но иногда и самый смысл ее сильно извращается»⁴.

Богданов пишет: «Триада организационного акта неизбежно вызывает ее сопоставление с триадой диалектики. Именно здесь нам всего удобнее установить соотношение диалектики с тектологией, предвестницей которой она исторически является... Сущность же марковского “материалистического” понимания диалектики такова.

Всякая реально развивающаяся форма включает в себе противоположно направленные или “борющиеся” силы. Их соотношение, прежде всего количественное, непрерывно меняется в зависимости от всей суммы условий, внутренних и внешних. Пока преобладание остается на одной стороне, форма сохраняется; но чем более оно уменьшается, тем слабее становится ее устойчивость. В тот момент, когда она уничтожается, эта устойчивость исчезает также; тогда “количество переходит в качество”, и происходит резкое преобразование формы, переворот, революция, — то, что мы обозначили общим именем “кризиса”»⁵.

Старая диалектика недостаточно динамична, не вскрывает общие механизмы развития. «В философии Гегеля, затем Маркса, диалектика выступает как формальный закон мирового развития — своего рода архитектурная схема мирового процесса, одинаково охватывающая его целое и дельные его части, стороны, ступни... Никаких способов для предвидения, во что выльется отрицание фор-

мы в каком-либо новом случае, не намечается: принимается только возможность формально противоположить новую фазу прежней»⁶. Необходим тектологический метод, который, по А.А.Богданову, дает единый подход к природе, обществу и мышлению.

Но диалектика имела еще иное значение, которое всего лучше определить как архитектурно-эстетическое. В *изложение* фактов и мыслей она вносила моменты ритма и симметрии, внешнюю, формальную организованность, которая облегчает восприятие и запоминание. Эта сторона диалектики, по-видимому, еще долго будет сохранять свою ценность. Ее только не надо смешивать с научной, стремящейся к точности, организационной диалектикой»⁷.

Итак, тектологический процесс включает три фазы: конъюгационную, фазу системных дифференциации и фазу системной консолидации.

Неопределенно-конъюгационная фаза с динамической точки зрения характеризуется частичным конъюгационным кризисом С во времени (т.е. изменением формы, рассматриваемым с точки зрения различия между его начальным и конечным пунктом⁸, и параллельным пространственным кризисом типа С, который представляет собой «*ингрессивную связку между системно-объединенными комплексами*» (т.е. областью «*смещения двух организационных форм, конъюгации*» той или другой активности [курсив — А.Б.]⁹. А.А.Богданов отмечает, что «параллелизм, существующий между свойствами времени и пространства — двух всеобщих мировых депрессий, — замечен давно»¹⁰, «*весь мир волн* [курсив — А.Б.], — а он охватывает самые различные ступени бытия и бесконечное разнообразие форм, дает в пространстве тождественные копии временных переходов, и во времени — пространственных»¹¹.

Фаза системных дифференциаций (системных расхождений), представляет собой результат неизбежного расхождения группировок, «в сторону *дополнительных соотношений*»¹². *Дополнительные соотношения* — это такие соотношения расходящихся частей, «при которых эти части взаимно *дополняют* [курсив — А.Б.] друг друга»¹³. При этом, отмечает А.А.Богданов: «Развиваются такие различия, которые повышают связность и устойчивость системы, ее прочность под внешними воздействиями, словом, ее организованность»¹⁴.

А.А.Богданов подчеркивает, что «во всех областях опыта, на всех ступенях организованности подтверждается одна и та же общая закономерность:

Системное расхождение, заключает в себе тенденцию развития, направленную к дополнительным связям [курсив — А.Б.]»¹⁵. Иллюстрируя применимость данной закономерности к развитию общественной техники, что в нашем исследовании является принципиально

важным, мыслитель отмечает: «Естественно и понятно, что человечество в своей практике следует этой закономерности и в том смысле, что независимо от своей воли ей подчиняется, и в том смысле, что само ею пользуется, поскольку ее усваивает, поскольку ею сознательно овладевает. Это прежде всего *принцип всей общественной техники*.

Вся система производства, взятая в целом, состоит из *людей и вещей* [курсив — А.Б.]: работников и средств производства, общественно-трудовых активностей, с одной стороны, завоеванных обществом энергий природы в виде орудий, материалов и продуктов — с другой. Соотношение явно то же: совокупность вещей в производстве дополняет сотрудничество людей; за счет вещей, путем усвоения их энергии через потребление продуктов, поддерживаются и воспроизводятся рабочие силы людей; затраты же трудовой энергии людей служат для поддержания и воспроизводства комплекса технических вещей; так взаимно обуславливается устойчивость и развитие обеих частей системы»¹⁶.

Если в *неопределенно-конъюгационной фазе* определяющую роль выполняют кризисы С (конъюгационные), то в *фазе системных дифференциаций* аналогичную роль играют кризисы Д (дизъюнктивные), в результате которых происходит «образование тектологической границы», создаются «из данной системы новые отдельности»¹⁷. «Поставим вопрос, — рассуждает А.А.Богданов, — что представляет *тектологическая граница* между двумя смежными, но отдельными комплексами, например телами. Это область равновесия противоположно направленных активностей, входящих в организационную связь того или другого комплекса. Через такое равновесие, через *полную дезингрессию*, совершается переход от одной организационной формы к другой в *пространстве*, подобно тому как он совершается через кризис во *времени*. <...> ...естественной является мысль рассматривать тектологические границы как *пространственные кризисы* форм, — очевидно кризисы типа *D* [курсив — А.Б.]»¹⁸. Обращая внимание на производность кризисов *D* от кризисов *C* А.А.Богданов рассматривает границу как «*реальную связку*» двух комплексов, в пределах которой «...активности, элементы того и другого, так сказать, смешиваются между собой, причем по одну сторону идеальной границы преобладают активности одного типа, по другую — другого. И сама граница представляет по существу результат этого смешения»¹⁹. Аналогичным образом, подчеркивая производность дезингрессии от ингрессии и связь первой с дезорганизацией А.А.Богданов отмечает: «Разрыв связи, основанный на дезингрессии, — отмечает А.А.Богданов, — создает отдельные комплексы там, где было одно целое, т.е. он производит отдельность. <...> По-

нятие «отдельности» имеет прежде всего чисто практический смысл и означает прежде перерыв каких-либо активностей (сопротивлений), с которыми встречается наша деятельность»²⁰.

В фазе системной консолидации организационного процесса, являющаяся своего рода синтезом первых двух, организационный акт «завершается целостным оформлением системы на основе кризисов *C* с производными *D*». Консолидация достигается путем *контрдифференциации*, в процессе которой «механизм подбора усиливает и закрепляет устойчивые, повторяющиеся соотношения, ослабляет и разрушает неустойчивые, случайные; элементы и группировки, стоящие в противоречии со связью целого, отрываются, выделяются из него; целое «консолидируется»»²¹.

В соответствие со взглядами А.А.Богданова, любой завершённый процесс природы можно рассматривать по этой трехфазной схеме. Даже процесс образования и развития солнечной системы можно рассматривать как «собираение материи, рассеянной в пространстве» (первая фаза); перегруппировку и модификацию «с разрушением многих из них» (вторая фаза); «переход к тем соотношениям, которые мы принимаем как устойчивые» (третья фаза). Однако, характеризуя организационный акт в целом, А.А.Богданов констатирует, что он «есть *кризис C с циклом его последствий* [курсив А.Б.]»²².

В подтверждение актуальности организационных закономерностей и механизмов, отмеченных А.А.Богдановым, приведем рассуждения известных специалистов по этому поводу. К началу 80-х годов XIX века человечество стало владеть фактами, позволяющими создать целостное представление об общей схеме мироздания, о его рождении и развитии. Вселенная предстала перед глазами людей как единая самоорганизующаяся система, в которой непрерывно возникают новые более или менее стабильные структуры. Именно «более или менее». Все организационные структуры материи непрерывно изменяются. Между ними происходит и постоянный обмен материей, количеством движения и энергией... самоорганизация — это не что иное, как эволюция структур. И она следует определенным законам, о которых впервые говорил еще в 1913 году А.А.Богданов»²³. Все существующее имеет историю, подчинено закономерности возникновения и уничтожения, ее универсальный механизм — «подбор». По поводу «подбора» было сказано много вздорного в адрес А.А.Богданова. А вот Н.Н.Моисеев пишет: «Я неоднократно обращал внимание на то, что в природе существует некий принцип отбора, который я назвал «принципом минимума рассеивания энергии» ... если законы природы допускают несколько вариантов реализации процесса развития, в частности, и организации материальной системы, то реализуется тот его вариант, которому отвечает

минимальное значение рассеивания энергии. Или максимальное приобретение энергии в случае живых и общественных систем»²⁴.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕКТОЛОГИИ

Тектологию не следует смешивать с философией. Возникнув как совокупность наивных обобщающих гипотез, философия в условиях специализации человеческой деятельности раскололась на теоретическую (теория познания) и практическую (мораль). Тектология так же чужда морали, как математика, хотя может исследовать моральные связи с организационной точки зрения. Она чужда и теоретической философии, которая искала единство опыта и несла созерцательную тенденцию. «Для тектологии единство опыта не “находится”, а *создается* активно-организационным путем: “Философы хотели объяснить мир, а суть дела заключается в том чтобы изменить его”, — сказал великий предшественник организационной науки К.Маркс. Объяснение организационных форм и методов тектологией направлено не к созерцанию их единства, а к *практическому овладению* ими.

Философские идеи отличаются от научных тем, что не подлежат опытной проверке; например, “философский эксперимент” есть совершенно неестественное сочетание понятий. Для тектологии постоянная проверка ее выводов на опыте обязательна: организационные законы нужны прежде всего для того, чтобы их применять...

В своей объяснительной работе философия не раз предвосхищала широкие научные обобщения; самый яркий пример — идея неумножаемости материи и энергии. В этом смысле философия является и предтечей тектологии. Такие философские концепции, как диалектика или как учение Спенсера об эволюции, имеют скрытый и неосознанный, но несомненный тектологический характер. Поскольку они будут исследованы, проверены и организационно истолкованы, они войдут в новую науку, а вместе с тем потеряют свой философский характер. Вообще, по мере своего развития тектология должна делать излишней философию, и уже с самого начала стоит над нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер. Философия идей и схемы для тектологии — предмет исследования, как всякие иные организационные формы опыта»¹.

Богданов пишет: «Философия доживает последние дни. Эмпиризм уже не вполне философия, а переходная форма... Начало всеобщей новой науки будет положено в ближайшие годы, ее расцвет возникает из той гигантской лихорадочной организационной работы, которая создает новое общество и завершает мучительный пролог истории человечества»².

Философия искала единство опыта, тектология ищет пути организации такого единства. Философия — предтеча тектологии. Философия объясняет, тектология организует.

Тектология А.А.Богданова была в фокусе международной конференции «Истоки и развитие организационной теории в России». Конференция проходила с 8 по 11 января 1995 г. в Университете Восточной Англии (Норвич). Российскую делегацию возглавлял директор Института экономики РАН академик Л.И.Абалкин. Он, в частности, отметил: «Современники не сумели, да и вряд ли могли по достоинству оценить значимость тектологии для формирования новой научной парадигмы. Лишь время способно отсеять рациональные зерна и отделить их от плевел.

Признание научной значимости тектологии отнюдь не предполагает безоговорочного согласия со всеми ее положениями и выводами. Такое согласие вообще присуще отнюдь не научному, а религиозному мышлению. И для того чтобы лучше оценить значение тектологии, как этапа или звена научного поиска, нужно четко разграничивать два ее среза: тектологию как таковую и тектологию как особый тип или способ мышления.

Тектология как таковая, по замыслу ее создателя, — наука, объединяющая организационный опыт человечества, это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой. Качественно новым в тектологии явился переход от метода аналогий, широко и плодотворно использовавшегося в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем. Высказанные А.Богдановым суждения и полученные им выводы во многом предвосхитили рождение теории систем кибернетики и были интегрированы ими»³.

В теории А.А.Богданова видят предвосхищение кибернетики и системного подхода. Его анализ организационных форм материи оценивается как выдающийся вклад в трактовку материального единства мира и единства его архитектурных форм. Н.Моисеев говорит о тектологии А.А.Богданова как «погружающей в себя» результаты Л.фон Берталанфи: «Вся темная проблематика, поднятая Л.фон Берталанфи и его последователями, практически полностью укладывается в теорию организации А.А.Богданова, но не наоборот. Поэтому-то мне и кажется, что «общая теория систем» — это известный шаг назад по сравнению с «Тектологией» А.А.Богданова... И успех работ Берталанфи, относящихся к пятидесятым годам, во многом объясняется тем, что сочинение А.А.Богданова к этому времени было основательно забыто. Оно появилось слишком рано, когда интерес к подобным проблемам еще не был подкреплен общественными потребностями»⁴.

Сам А.А.Богданов видел в тектологии науку. Уже эмпириомонизм, по его словам, не просто философия. Но, думаю, самооценки не всегда адекватны. Конечно, в тектологии есть основательный философский аспект. Исследовав становление системного подхода, Э.Г.Винограй пришел к выводу, что в истории системных исследований сложились три основные попытки создания теоретико-организационных концепций общего характера, внесшие наиболее значительный вклад изучение принципов эффективности больших систем: тектология А.А.Богданова, праксеология Т.Котарбинского и функциональная теория организации М.И.Сетрова. В тектологии А.А.Богданова Э.Винограй справедливо видит исторически первую попытку создания общей теории организации. Правда, автор не ставит под сомнение те идеологемы в оценке А.А.Богданова, которые восходят к Г.В.Плеханову и В.И.Ленину, называет взгляд А.А.Богданова на идеологию и культуру «реакционным». Тем не менее, он полагает, что тектология и поныне имеет существенное значение для построения ОТО. К положительному ее содержанию, по его мнению, принадлежат закон относительных сопротивлений (закон наименьших), правило концентрированного действия, закон дополнительных соотношений.

Одним из последних жестко идеологических выпадов против А.А.Богданова сделал известный отечественный философ Э.В.Ильенков (1924—1979). К сожалению, Эвальд Васильевич, видимо, не перечитал А.А.Богданова и остался в пределах плехановско-ленинской интерпретации воззрений выдающегося философа и учого, сведя все их существо к трем принципам: равновесия, экономии мышления и организации. Э.В.Ильенков подчеркивает, что экономическая схема у Богданова — Марксова, но ее реализация (т.е. построение всех остальных сфер общественной жизни-нравственности, художественной культуры, политическо-правовой надстройки) идет уже не по Марксу, а по Маху. Позиция Э.В.Ильенкова оказалась настолько одиозной, что редакторы тогдашнего Политиздата должны были сделать примечание, в котором почеркнули, что наряду с субъективно-идеалистическими и механистическими ошибками сопутствующими разработке концепции всеобщей организационной науки (тектологии) А.А.Богданов предвосхитил некоторые идеи кибернетики и общей теории систем. Добавим, что Э.В.Ильенков, подававший свое воззрение как материализм и непременно с эпитетом «воинствующий», оставил после себя «Космологию духа», на фоне которой еретические пассажи А.А.Богданова в адрес К.Маркса покажутся правоверной догматикой...

Тем не менее, на международной научной конференции «Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура», проходившей в Москве 7 октября 2003 г. и посвященной 130-летию со дня рождения А.А.Богданова было высказано множество кон-

структивных оценок тектологии, в том числе и как лежащей в основе формирования общенаучного эволюционного мировоззрения. В частности академик РАН В.И.Маевский отметил в своем выступлении: «Тектология А.Богданова — один из удачных образцов “перемешивания” научной культуры демонстрирующей сложность в организации разнородных систем: материальных и нематериальных, живых и неживых, сформированных природой и созданных трудом человека. Особенность Тектологии состоит в том, что феномен организационного подобия разнородных систем выражен в ней в виде набора универсальных принципов и правил организации систем и функционирования организаций. Это обстоятельство позволяет рассматривать Тектологию как исследование, претендующее на роль метатеории относительно некоторых отраслей науки (Метатеория понимается здесь как теория, которая служит для описания или разработки других теорий)»⁵.

Глава 3

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ, ЭКОНОМИКИ И ИДЕОЛОГИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕШНИХ СИЛ ПРИРОДЫ

Создатель «Тектологии» А.А.Богданов считал, что в борьбе человечества со стихиями природы его задача — организовать мир в своих интересах. Соппротивление природы стихийно, слепо и противостоят ему, с точки зрения А.А.Богданова, можно, только предварительно организовавшись, целесообразно объединившись в организационной деятельности по использованию рабочих сил и средств производства «в планомерно функционирующую систему», другими словами, по организации *«людей и вещей в целесообразное единство»*¹. При этом, возможно научное обобщение стихийно организационного творчества природы и методов организационной работы человека.

Точкой отсчета рассуждений А.А.Богданова, как уже неоднократно говорилось, явилось требование К.Маркса, с одной стороны, понять действительность не созерцательно, только в форме объекта, а как конкретную человеческую деятельность, практику, с другой, — субъекта этой деятельности — как социального субъекта. Касательно первой стороны этого положения А.А.Богданов поясняет: «Рассматривать действительность как “практику”, понимать ее “активно”, это значит, познавать всю действительность, как борьбу человека с природой: в стихийности явлений (их “материальности”) видеть постоянно сопротивление деятельности человека, в закономерности явлений — орудие этой деятельности, а целью всего и всякого познания сознательно ставить победу человека над природой, его власть [выделено А.А.Богдановым. — А.Б.] над нею»².

Вторая сторона требования К.Маркса заключается по мнению А.А.Богданова в том, что «действительность должна познаваться

как социальная [выделено — А.Б.] практика — потому что в своей практике человек является существом социальным прежде всего...»³. Раскрывая значение этого требования А.А.Богданов пишет: «Старая буржуазная философия, являлась ли она в виде материализма или в виде идеализма, была по существу индивидуалистична. Постоянным “субъектом” познания и опыта в ней выступал человеческий индивидуум, как вполне самостоятельная единица: “опыт” представлял для нее совокупность ощущений такого индивидуума, а познание — деятельность, обусловленную его же личным стремлением к “истине”. Но такой независимый индивидуум есть ни что иное как одна из иллюзий, созданных противоречиями буржуазного мира: отдельная личность противопоставляется всем другим в экономической борьбе и конкуренции, а социальная связь, полная зависимость личности от социально целого и ее роль в реальной системе сотрудничества настолько этим маскируется, что совершенно ускользают от буржуазного сознания. Взявши за основу такую иллюзию, буржуазная философия создала себе много трудностей и лишних вопросов, как напр. вопрос о существовании “внешнего” мира: “я” знаю только “мои ощущения”, могу ли я знать, что вне “меня” существует еще “нечто”? Такие вопросы и такие трудности просто не существуют для коллективистического [выделено — А.Б.] мышления»⁴. Для развитого коллективистического мышления, по мнению А.А.Богданова, «...“субъект” познания, как и “субъект” производства, не индивидуален, а коллективен; и действительность, т.е. мир опыта в его развитии [выделено — А.Б.], на деле совпадает для него с “коллективной практикой”, как это было понято Марксом»⁵.

А.А.Богданов подчеркивает: «Маркс установил, что общество прежде всего есть организация производства, что в этом основа всех законов его жизни, всего развития его форм. Это — точка зрения социально-производящего класса, точка зрения трудового коллектива. Исходя из нее, Маркс подверг критике науку прошлого...

Первичная область общественного развития — технический прогресс. В нем начало всех прогрессивных изменений. «Идейная жизнь общества определяется жизнью практической, являясь одновременно ее продуктом и ее орудием»⁶.

Общественный процесс разлагается на три момента, или пожалуй, точнее, имеет три стороны: техническую, экономическую, идеологическую. В технической общество борется с природой и подчиняет ее, т.е. *организует внешний мир в интересах своей жизни и развития*. В экономической — отношения сотрудничества и распределения между людьми — оно само организуется для этой борьбы с природой. В идеологической оно организует свой опыт, свои пере-

живания, создавая из этого организационные орудия для всей своей жизни и развития»⁷. А.А.Богданов соглашается с Ф.Энгельсом: в будущем социалистическом обществе «производство идей» получит преобладание над «производством вещей». Общественный процесс по А.А.Богданову в сущности своей «есть процесс трудовой... Труд тогда является социальной деятельностью, когда он, прямо или косвенно, направлен к сохранению и развитию не одного трудящегося. Но и других людей... Общественные приспособления представляют из себя формы трудовой деятельности в борьбе за существование... это формы трудовой совместности людей; а общество, как целое, есть система сотрудничества в самом широком значении этого слова»⁸.

Если интерпретировать общественный процесс в терминах классической субъект-объектной концепции, которая рассматривает субъекта как носителя «целенаправленного действия», а объект — как то, «на что действие было направлено», то можно выделить три основных аспекта содержания этих категорий — «общество и часть природы в качестве субъекта и объекта, субъект и объект в системе общественных отношений, индивид как субъект и объект»⁹. Взаимодействие общества и природы характеризуется А.А.Богдановым сферой применения принципов социальной техники, субъект-объектные отношения в самом обществе — принципами социальной экономики, а субъект-объектное исследование индивида рассмотрено в равном отношении в указанных сферах. Однако необходимо сделать оговорку по поводу того, что в «Тектологии» и более поздних произведениях А.А.Богданов старался избегать употребления понятий «субъект» и «объект» в традиционном общепhilosophическом плане, как терминов нагруженных устаревшими философскими смыслами и не в полной мере отражающих специфику нового мышления, за торжество которого он так активно боролся. При этом, даже в своей всеобщей организационной науке, характеризуя отдельные научные концепции (напр. раскрывая смысл механизма подбора) А.А.Богданов не может обойтись без понятия «объект», а значение понятия «субъект» раскрывает с помощью термина «деятель», т.е. как «то, что действует на объект»¹⁰. Ранее, в «Философии живого опыта», используя филологическую метафору в качестве иллюстрации возможности «...основную связь нашего бытия представить в виде одного простого предложения», А.А.Богданов определяет «субъект [курсив — А.Б.] или подлежащее» как «коллектив, человечество», «объект» — как «дополнение», «материя». В качестве сказуемого мыслитель рассматривает «усилие, активность, труд»¹¹. Поскольку же ограниченные возможности «...нашей символики — речи, которая не позволяет в одном слове воплотить весь смысл жи-

вого факта»¹² заставляют пользоваться несколькими понятиями вместо одного, постольку в монистическом стремлении к единой основе мира А.А.Богданову приходится в качестве такого базового кирпича своей всеобщей организационной науки изобрести единый термин «активность-сопротивление», одновременно включающий в себя как активность, направленную на комбинирование или разложение определенных комплексов, так и сопротивление, неизбежно встречающееся со стороны этих комплексов¹³.

Таким же образом можно подойти и к интерпретации терминов «субъект» и «объект». Так, понятие «объект» по А.А.Богданову, помимо направления активности (на внешнюю природу), характеризует и то, что подвергается активности (т.е. носитель сопротивления). Точно также и понятие «субъект» помимо характера активности (индивидуальной или коллективной), т.е. носителя целенаправленного действия выражает и направление сопротивления (активности объекта). Эта двойственность словоупотребления естественным образом предрасполагает к созданию двойственного философского термина «субъект-объект», отражающего взаимозависимость «субъекта» и «объекта» и позволяющего служить дополнительным инструментом интерпретации богдановских понятий «элемент», «комплекс», «активность-сопротивление», «организация-дезорганизация» и др. Двойственное понятие «субъект-объект» позволяет выйти за ограниченные рамки трактовки термина «субъект» как относящегося только к характеру активности, а понятия «объект» — как характеризующего направление последней и охватить данной понятийной интерпретационной моделью и процессы «сопротивления» этой активности, на что постоянно указывает А.А.Богданов, используя базовый двойственный термин «активность-сопротивление». Кроме того, понятие «субъект-объект», помогает более удачно установить связь с информационной составляющей (или восприятием различных аспектов бытия¹⁴. Постулат 4; Следствие 2.), позволяющей одновременно воспринимать и динамическую (правда в неполном объеме), и статическую составляющую организационных и дезорганизационных процессов и структур. Не будет преувеличением сказать, что любая организация или дезорганизация процессов и структур невозможны в условиях вакуума информации. С некоторой долей вероятности можно предположить, что именно информационная составляющая лежит в основе системной консолидации объекта. Видимо поэтому А.А.Богданов использует в качестве организационных принципов, как это будет показано далее, сочетание трех нераздельных взаимозависимых двойственных характеристик, каждая из которых в определенных условиях может быть доминирующей, определяя развитие двух остальных, отодвинутых на задний план. Эти характеристики можно соответственно соотнести с дина-

мическими (процессуальными), статическими (структурными) и информационными (отражательными) сторонами бытия. Рассмотрение их можно вести параллельно как в динамическом (процессуальном, историческом или временном) варианте, рассматривая их как определенные стадии или фазы, в каждой из которых преобладает тот или иной аспект, так и в статическом (структурном или пространственном) отношении — как своего рода уровни организации, организационные формы или комплексы.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

Богданов, соединивший в своем творчестве социально-трудовой принцип анализа явлений действительности с глубоко научным подходом рассматривает природу как объект социально-преобразующей деятельности общества, как противостоящий и оказывающий сопротивление объект организующей активности коллективного труда. Само понятие «природа» по А.А.Богданову появляется в обществе лишь с возникновением философии и науки. «Природою, — отмечает мыслитель, — человек называет бесконечно разветвляющееся поле своего труда — опыта»¹. Далее А.А.Богданов акцентирует внимание читателя на следующих важных моментах: тождественности понятия «природы» и понятия «материи», соотносительности понятия «материи» и понятия «труда», а также ценности самого процесса труда.

«Природа, как объект всех усилий человечества, — подчеркивает А.А.Богданов, — есть мир сопротивлений, или что то же, *царство материи* [курсив А.Б.]»². Солидаризируясь с мнением К.Маркса, который «...умел ясно понять, что материя — это объект производства»³. А.А.Богданов подчеркивает, «что “материя” соотносительна труду, что эти два понятия связаны неразрывно, и немыслимы одно без другого»⁴. Ценность же самого процесса труда, его объективный смысл заключается по А.А.Богданову в том, что «*труд в целом организует мир для человечества* [курсив А.Б.]»⁵, тем самым создавая ему необходимые условия для существования.

Остановимся подробнее на рассуждениях А.А.Богданова. По мнению мыслителя «все виды труда сводятся к тому, что человек *изменяет соотношения каких-либо элементов природы* [курсив А.Б.]: перемешивает их, устанавливает между ними новые взаимодействия, и т.под.»⁶. Причем, когда А.А.Богданов говорит о труде, то имеет ввиду в «труд в целом», общественное производство, т.е. «...активность всего человечества в исторической связи всех его поколений»⁷, «общую трудовую деятельность людей, весь общественный труд»⁸. «Производство, — отмечает мыслитель, — состоит в том, что обще-

ство, затрачивая рабочую силу в процессе труда, воздействует на природу в своих интересах, для поддержания своей жизни и для развития своей силы. Это борьба общества с природою за существование и господство»⁹.

В этом смысле можно говорить о общественных затратах энергии работников, которые выражаются в трудовой стоимости общественного продукта, т.е. в том, «чего продукт стоит обществу»¹⁰. Именно момент сопротивления коллективным усилиям человечества позволяет по А.А.Богданову перейти от понятия «природы» к понятию «материи». «Труд есть *усилие* [курсив А.Б.], — рассуждает А.А.Богданов, — т.е. он непременно преодолевает какое-нибудь *сопротивление* [курсив А.Б.]; иначе это и не был бы труд»¹¹. Т.е. природа, взятая как «объект коллективного труда», как «мир сопротивлений» и может рассматриваться по А.А.Богданову как материя. «...идея «материи» соотносительна именно *общественному* [курсив А.Б.] труду, — подчеркивает А.А.Богданов, — выражает сопротивление, на которое наталкивается активность отнюдь не только индивидуальная, но социальная. <...>. Вообще, материя есть общезначимое сопротивление человеческим усилиям, область коллективного труда»¹². Причем, сталкиваясь с материальностью природы человечество по взглядам А.А.Богданова учится использовать в своих целях не только свою собственную активность, но и элементы самой природы, «т.е. внешние предметы и стихийные силы»¹³, или другими словами средства производства — орудия, или «то, чем работают», и материалы, или «то, над чем работают»¹⁴. Показывая важность именно орудийной человеческой деятельности А.А.Богданов отмечает: «В борьбе с природой, человек подчиняет ее себе; другими словами, он делает так, что некоторые внешние предметы и силы, измененные трудом, помогают ему справляться с сопротивлениями остальной природы, становясь как бы его союзниками против нее; такие союзники бывают живые, напр. рабочий скот, или «мертвые», напр. разные инструменты, сила ветра, пара и т.п. Все это и есть орудия труда; они всегда так или иначе — продукты труда; напр. животных надо приручить и воспитать, чтобы они служили человеку, силу ветра или пара надо урегулировать, т.е. уловить, поставить в рамки, направить; инструменты надо сделать, и пр. Материалы же, на которые человек действует в производстве, могут быть продуктом прежнего труда, напр.. пряжа — материал для тканья, железо — для машиностроения; но они могут быть и просто произведениями природы, напр., руда, или каменный уголь на месте их добывания»¹⁵.

«Человека выделила из природы, — пишет А.А.Богданов, — поставила в особое среди животного мира положение его *особая* [курсив А.Б.] техника (у животных. ведь, тоже есть техника). Она характеризу-

ется применением орудий [курсив А.Б.]. Человека так и определяют как существо, делающее орудия. <...> Орудие есть не что иное, как предмет, взятый из внешней природы и выполняющий в процессе труда роль дополнительного органа»¹⁶. Указывая на социально-практический характер человеческой природы А.А.Богданов отмечает, что «орудие в конечном счете представляет вообще орган *коллектива*... [курсив А.Б.]. <...> Именно такая непосредственная связь орудия с коллективом была *первичным* [курсив А.Б.] их соотношением в ту эпоху, когда стадно-родовые человеческие группы еще только выделились из животного мира, но еще были далеки от формирования личности, как особого центра интересов и стремлений»¹⁷.

Взаимоотношение человека и природы по А.А.Богданову концентрируется в технической деятельности человека, включающей в себя «...все те приемы и способы, которыми человек воздействует на природу в своих целях»¹⁸. Сущность технической деятельности по А.А.Богданову заключается в том, что «в производстве человек ничего не «создает» в собственном смысле этого слова. Он только разделяет и заново в своих целях соединяет разные части внешней природы, получая новые их сочетания — он организует природу для себя в своих интересах»¹⁹. «Вся техническая жизнь общества, — отмечает А.А.Богданов, — есть его социально-трудовое приспособление к внешней среде, выработка приемов и способов защиты от нее, воздействия на нее в интересах людей; все эти приемы и способы суть технические приспособления общества»²⁰. А.А.Богданов отмечает особенность социального приспособления человека — «активный характер деятельности в его борьбе за жизнь, в противоположность более пассивному характеру приспособления других организмов»²¹.

Объективный смысл труда, его общественную полезность, заключается по А.А.Богданову в том, что «человек изменяет соотношения элементов природы так, чтобы они соответствовали его потребностям и стремлениям, чтобы служили его интересам. ...он организует эти соотношения сообразно своей воле к жизни и развитию»²².

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

В докладе, прочитанном в дискуссионном порядке в Социалистической Академии 15 сентября 1921 г. и опубликованном в статье «Организационные принципы социальной техники и экономики»¹, А.А.Богданов высказывает оригинальные идеи по развитию исторического материализма с научно-организационной точки зрения.

В соответствии со взглядами К.Маркса, интерпретированными А.А.Богдановым, действительность нужно рассматривать как взаимо-

действие субъекта и объекта, в процессе которого субъект, носитель организационной активности, воздействует на оказывающий ему сопротивление объект, т.е. природу или материю. При этом в качестве истинного субъекта действия, производительного труда всегда явно или опосредованно выступает коллектив, человечество в целом. Социальный материализм К.Маркса А.А.Богданов понимает как «учение о связи разных сторон общественного процесса»². В качестве этих сторон А.А.Богданов традиционно рассматривает соответственно области технических, производственных и идеологических отношений общества при определяющем влиянии сферы технических отношений человека к природе на экономику и идеологию. Научно-организационная прибавка А.А.Богданова в этом вопросе заключается в том, что, по его мнению, «имеются общие организационные закономерности, организационные законы, по которым идут процессы организации и дезорганизации в природе, и от которых зависят и человеческие организационные методы»³. Основное положение организационного подхода А.А.Богданова заключается в том, что «человек не выдумывает своих организационных методов; они имеют основу в организационных закономерностях природы и являются для человека так или иначе *вынужденными* [курсив А.Б.]», т.е. организация человеком вещей природы для общества определяет организацию его собственных трудовых активностей.

В качестве исходного пункта для формулировки организационных принципов отношения человека к технике А.А.Богданов выбирает отношение его к орудию, поскольку в этом отношении, по его мнению заключена сущность и характеристика самой техники. «Человека выделила из природы, — отмечает он, — поставила в особое среди животного мира положение его *особая техника* (у животных. ведь, тоже есть техника). Она характеризуется *применением орудий* [курсив А.Б.]. Человека так и определяют как существо, делающее орудия. <...> Орудие есть не что иное, как предмет, взятый из внешней природы и выполняющий в процессе труда роль дополнительного органа»⁴.

Подчеркивая социальный характер труда как сознательно-целесообразной деятельности людей, в качестве параметров отношения человека к орудию А.А.Богданов выбирает три двойственных момента. В первую очередь, он выделяет индивидуальный или коллективный характер такого отношения. По мнению мыслителя, орудие «*в конечном счете*» [курсив А.Б.] объективно представляет собой орган коллектива. Ведь когда А.А.Богданов говорит о труде, то имеет ввиду «труд в целом», общественное производство, т.е. «...активность всего человечества в исторической связи всех его поколений»⁵, «общую трудовую деятельность людей, весь общественный труд»⁶. Но по форме осуществления орудие может быть связано с коллективом не только прямо, но и опосредованно

но, т.е. через непосредственную связь с отдельным лицом⁷. Эта характеристика помогает выяснить коллективный или индивидуальный характер активности субъекта на разных этапах общественного развития.

Другой характеристикой связи человека с орудием, по мысли А.А.Богданова, является стихийная (органичная) или сознательная его форма. Стихийная органичность, по его мнению, была характерна для раннего периода развития общества и предполагала преобладание в сознании человека инстинктивных импульсов над размышлением, слабое различение им одушевленного и неодушевленного в природе, своих биологических органов от первичных вещественных орудий, являвшихся усилением или удлинением последних. Органичная связь человека с орудием была сильна в связи с тем, что он производил (заимствовал из природы) «орудие для себя или кровно-близких людей»⁸. Образно говоря, человек в то время «жил с орудием», «срастался» с ним так, что и «орудие жило в его руках»⁹. Сознательное отношение к средствам производства вызывалось, по А.А.Богданову, ростом как числа и разнообразия самих орудий, так и случаев их применения, возможностью совершенствования, смены, перехода «от одного владельца к другому»¹⁰.

Третьей характеристикой А.А.Богданов называет устойчивость (консервативность) или изменчивость (пластичность) отношений людей к средствам производства. Устойчивость и консерватизм диктовалась самой жизнью, «вписанностью» человеческого коллектива в природную среду, предполагающей достижение и поддержание равновесия со средой, резкое изменение которого из-за слабости трудовой энергии грозило гибелью общества. Изменчивое, пластичное отношение человека к орудиям труда определялось лишь значительным прогрессом техники.

На основании перечисленных бинарных характеристик А.А.Богданов выделяет четыре основных принципа социальной техники: 1) стихийно-органической, консервативной связи орудия с коллективом; 2) стихийно-органической, консервативной связи орудия с индивидом; 3) сознательной, пластичной связи орудия с индивидом; 4) сознательной, пластичной связи орудия с коллективом. По мысли автора «Тектологии», первый принцип соответствует первобытной организации вещей, второй — авторитарному типу организации, третий — меновой форме отношений к вещам, четвертый — машинному производству. Причем мыслитель сразу оговаривается, что в реальной социальной жизни эти принципы могут сочетаться, накладываться один на другой, сменять друг друга как в плане тенденции развития, так и в направлении дезорганизации. Так, напр. в «...авторитарно-патриархальной общине можно найти еще и первичную связь, не с индивидуумом, а с общиной, хотя преобладает связь орудия с индивидуумом в коллективе»¹¹.

Теперь попытаемся с учетом использования принципа двойственности, опираясь на основные положения современной концепции

субъекта и объекта дать субъект-объектную интерпретацию организационных принципов А.А.Богданова. Поскольку, по его мнению, всякое разложение на элементы есть дезорганизация в исследовательском или практическом смысле, усиление момента структурной дифференциации объекта является по сути, дезорганизующим процессом, т.е. всецело зависящим от субъективной задачи по разложению исследователем или деятелем некоего организованного целого как носителя сопротивления активности субъекта и превращением его в неорганизованное. Естественно предположить, что возможен и необходим процесс, обратный предыдущему, — организация элементов «...в новые, желательные для нас сочетания», т.е. процесс консолидации объекта, усиления его связности, сведения разрозненных элементов организации к новым активностям-сопротивлениям. В этом смысле понятие «объект», по А.А.Богданову, фиксируя направление активности исследователя или деятеля на внешнюю природу¹², характеризуется созданием нового организованного целого.

Характеристика (консервативность-пластичность), отражающая преимущественно доминирование динамических процессов, является, по А.А.Богданову, основополагающей, базовой (как наиболее тесно связанная с понятием «активность-сопротивление»). Консервативный аспект процесса (характеристики «консервативность-пластичность») вызывается действием прогрессивного подбора в отрицательной форме, упрощающего внутренние отношения системы и повышающего до известного предела организационную прочность и устойчивость (консервативность) системы и порождает консервативные типы обществ (общества первобытного коммунизма и авторитарные общества). Положительный подбор, воплощающий пластичный аспект процесса параллельно с возрастанием неоднородности внутренних связей общественного целого ведет к уменьшению этой устойчивости (т.е. к возрастанию пластичности комплекса) и формированию динамично развивающихся обществ (менового и коллективистического обществ).

В характеристике, фиксирующей преобладание структурной составляющей, т.е. «индивид-общество» (объект-субъект) первая составляющая этих двойственных терминов, символизирующая собой дезорганизованное сочетание различных отдельностей, вызванных действиями множества дезингрессий, обозначает социальный комплекс, который в течение короткого (при относительно неорганизованной совокупности дополнительных соотношений) или более длительного промежутка времени (если дифференцированная система внутренних дополнительных соотношений достаточно организована) не выдерживает натиска среды и не сохраняется. Здесь речь идет о двух возможных типах: консервативном (авторитарном обществе) и динамичном (меновое общество).

Вторая составляющая (субъект в собственном смысле слова) означает некую организованную целостность, являющуюся продуктом не только кризисов D, но и вторичных кризисов C, и в конечном счете системно дифференцированную лишь с окружающей природной средой путем создания именно по отношению к ней системы дополнительных соотношений. Такая структура имеет больше шансов на сохранение и последующее развитие. Причем здесь возможны консервативный (общество первобытного коммунизма) и динамичный (коллективистическое общество) варианты.

Наконец, характеристику, обозначающую доминирование информационно-отражательной составляющей можно считать своего рода синтезом первых двух, т.е. консолидирующей процессуальный и структурный моменты бытия в информационном плане. Стихийность действий субъекта, на практике осуществляющего неосознанное информационное заимствование внешней системы связей может иметь индивидуальный (авторитарное общество) или общественный (общество первобытного коммунизма) характер. В свою очередь сознательно выработанный в соответствии с определенным планом социальный проект, также может носить индивидуальный (меновое общество) или социальный (коллективистическое общество) характер.

Применяя для обозначения указанных оппозиций символику нуля и единицы, за ноль принимаем консерватизм, индивидуальность и стихийность, а за единицу — соответственно пластичность, коллективизм и сознательность. В результате получаем символическое обозначение принципов социальной техники и экономики (в скобках укажем номера принципов):

010 (1);
000 (2);
101 (3);
111 (4)

В этих цифровых обозначениях первая позиция цифры в каждой из формул соответствует характеристике «консервативность-пластичность», вторая — «индивид-коллектив», третья — «стихийность-сознательность».

Формула (1) — принцип первобытной коммуны двойственен формуле (3) — принципу менового общества, а формула (2) — принцип авторитарного общества двойственна формуле (4) — принципу коллективистического общества. Пространственное расположение формул по кругу (в основных точках пересечения окружности воображаемого круга с вертикальным и горизонтальным диаметрами этого круга) демонстрирует дополнительные средства для интерпретации вопроса о том, почему А.А.Богданов выделил именно четыре данных типа общества, рассматриваемых как базовые идеальные типы общественных

структур, а остальные исследовал как производные от них. Данная последовательность расположения по временной последовательности также согласуется с нумерацией принципов А.А.Богданова.

ДИНАМИКА ТЕХНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Характеризуя исторический аспект взаимоотношения человека и природы А.А.Богданов выделяет определенные типичные периоды: первобытная эпоха, эпоха авторитарных (патриархальных и феодальных) обществ, период развития менового общества, эпоха коллективистского общества, каждая из которых характеризуется определенным организационным принципом.

Для первобытной эпохи развития человечества (первобытной коммуны) А.А.Богданов формулирует исторически первый принцип стихийно-органической, консервативной связи орудия с коллективом¹. При этом мыслитель отмечает следующие черты отношения человека в первобытном обществе к предметам внешней природы, используемых в качестве орудий.

Во-первых, — стихийную общность первобытных орудий. Например, вот как А.А.Богданов показывает роль огня для человека. «Огонь — главное оружие группы в борьбе с неумолимою природою...»². Первоначально человек огонь «сам добывать не умел, а только поддерживал и переносил с собою, пользуясь случаями, когда природа давала его готовым: молния, лесные пожары, вулканические явления. <...> Огонь — первичное орудие, выделившее человека из природы...»³. Поддержание огня было общим делом группы. Угасание последнего «...означало тогда почти неизбежную гибель группы, как если бы она потеряла душу»⁴.

Во-вторых, А.А.Богданов подчеркивает такую характеристику орудий как стихийную органичность, которая объяснялась тем, что «преобладали инстинктивные импульсы, размышление почти отсутствовало, человек слабо отличал орудие от своих органов, как не различал еще неодушевленного и одушевленного в природе; он жил с орудием, и орудие жило в его руках»⁵.

И, наконец, крайний консерватизм, по мысли ученого, является третьей характерной чертой отношения человека к орудиям в первобытном обществе: «Если совершенствование орудий и происходило, то стихийно и незаметно для самих людей в ряде тысячелетий.

Жизнь вся была насквозь консервативна, и не могла быть иной, ибо всякое изменение сложившегося ее равновесия угрожало ей гибелью»⁶.

Сама же техника в этот период характеризуется, по мнению А.А.Богданова, величайшей, «предельной» слабостью, позволяющей первобыт-

ной общине лишь «...поддерживать свое существование, почти постоянно находясь на пределе, за которым угрожает гибель. Тут совершенно отсутствует “прибавочный труд”, т.е. какой бы то ни было излишек трудовой энергии над тем, что абсолютно необходимо для поддержания жизни»⁷. Другой характеристикой орудий того времени является их зародышевое состояние. «...это еще только те орудия, — отмечает А.А.Богданов, — которые непосредственно даются природою: камень, который достаточно поднять с земли, палка, которую легко выломать в лесу. Орудия служат продолжением и дополнением органов самого тела. В техническом процессе еще весьма мало места занимают действия вещей на вещи (орудий на материалы), несравненно больше прямые действия человека на вещи»⁸.

Таким образом, А.А.Богданов резюмирует: «В этой тяжелой борьбе первобытный человек далеко не являлся царем природы. Совсем наоборот: первый период жизни человечества есть период угнетения, рабства человека. Только угнетателем и господином являлся не другой человек, а природа»⁹. «Власть природы над первобытным человеком, — подчеркивает А.А.Богданов, — была безгранична. Только с развитием орудий труда он шаг за шагом высвобождался из-под этой полной, непосредственной, зоологической подчиненности природе. Только с прогрессом техники, с возрастанием производительности общественного труда создавалась особая среда, которую человек противопоставлял стихийным силам природы. И только с развитием этой среды развивался и ум человека»¹⁰.

Следующим периодом отношения человека к природе и технике А.А.Богданов выделяет эпоху авторитарных обществ для которой он формулирует принцип *стихийно-органической и консервативной связи орудия с индивидуумом в коллективе*¹¹. В этом периоде А.А.Богданов выделяет патриархальную родовую общину и феодальное общество.

Совершенствование и дифференциация орудий в зависимости от усложнения труда приводит по мнению мыслителя, к специализации людей. И уже не каждый в равной степени может владеть всяким орудием. «Выступает, — отмечает автор “Тектологии”, — новая связь, связь орудия не с коллективом, а с индивидуумом в коллективе, с отдельным человеком... связь между орудием и коллективом через отдельного человека»¹². Человек в это время либо специализировался в индивидуальном изготовлении орудия, либо в применении последнего. Возникает, по мысли философа, «чувство органической связи с данным орудием»¹³, что обеспечивает максимум приспособленности и приводит к возникновению «чувства собственности». В качестве характерной демонстрации этого факта А.А.Богданов приводит «органическую связь оружия с данным воином», при которой «...человек с его мечом со-

ставляет как бы одно целое», или связь человека с живым орудием — лошадью, собакой, потерять которые для человека того времени «все равно как потерять часть собственного тела»¹⁴.

Какие же черты техники отмечает А.А.Богданов в этот период? Первую стадию этого периода — эпоху патриархального быта — А.А.Богданов характеризует появлением новых отраслей производства, обеспечивающих существование людей (примитивное земледелие, кочевое скотоводство) и возникновением прибавочного труда, порождающего избыток «трудовой энергии общины сверх того, что ей необходимо для своего сохранения. Этот избыток воплощался в более или менее постоянных запасах, т.е. «прибавочном продукте» общины»¹⁵. Одновременно происходило совершенствование и дифференцировка уже имеющихся орудий: смена орудий из грубо-обколотого камня на орудия из полированного камня, переход к орудиям из металла — меди, бронзы, железа.

Во вторую стадию авторитарных обществ — эпоху феодального быта — происходит, как отмечает А.А.Богданов, «дальнейшее повышение производительности труда, благодаря которому прибавочный труд увеличился настолько, что сделалась возможной постоянная эксплуатация.

В большинстве стран Европы и Азии основу для такого повышения производительности дал переход от кочевого скотоводства или от примитивного, полу-бродячего земледелия, к оседлому земледелию, соединенному со скотоводством при соответственном развитии производства орудий, росте ремесел»¹⁶.

«Дальнейшее совершенствование, — отмечает А.А.Богданов, — вырабатывает трехпольную систему... <...> Вместе с трехпольем развивается и первая форма искусственного удобрения... <...> Другие отрасли добывающей промышленности (охота, горное дело) и промышленность обрабатывающая в феодальную эпоху находились в весьма неразвитом, частью зародышевом состоянии. Война имела в жизни тогдашнего общества не малое значение, как необходимый способ охраны всего производства, и как единственное средство расширять территорию общества»¹⁷.

«Если власть природы над людьми уменьшилась, — отмечает А.А.Богданов, — то возникла зато новая власть — одного человека над другими. В сущности то была прежняя власть группы над отдельным ее членом, только перенесенная на отдельную личность — патриарха»¹⁸, ведь, как подчеркивает А.А.Богданов, «единство рода выигрывает отчасти и благодаря тому, что находит себе конкретное, живое воплощение в личности патриарха»¹⁹. Отмечая особенную роль авторитарного сотрудничества в формировании взглядов людей на природную и социальную действительность А.А.Богданов пишет: «От-

деление организаторского труда от исполнительского создало своеобразную двойственность во внутренних отношениях родового общества: умственная сила как бы отделилась от грубо-физической, сознательное начало — от стихийного; первое приняло форму власти, второе — подчинения; первое воплотилось в лице патриарха, второе в остальных членах группы. В то же время оба элемента были совершенно нераздельны и немыслимы один без другого: исполнительская деятельность теряет всякую целесообразность без организующей воли. А эта последняя бесполезна там, где нет первой»²⁰. Именно развитие авторитарного сотрудничества по А.А.Богданову «впервые дает людям определенную модель для систематического мышления, схему постоянной связи явлений»²¹.

В основе формирования и развития сменяющего авторитарное менового общества, по мнению А.А.Богданова, лежит третий принцип, характеризующийся сознательной и пластичной, т.е. изменчивой связью орудия с индивидуумом в коллективе²². В этом принципе, по мысли ученого, зафиксирован тот факт, что при сохранении традиционной связи орудия с индивидуумом в обществе (напр. ремесленника, или мануфактурного рабочего), при переходе к машинному производству происходит постепенная замена стихийной органичности (когда орудия рассматриваются как часть своего тела, индивидуально срослись с ним) и консерватизма (чрезвычайно медленного, неуловимого для сознания развития) орудий, соответственно, на сознательное и пластичное использование работником в своей деятельности большого числа многочисленных, постоянно возрастающих и разнообразных орудий труда.

Меновое общество — это, по мнению философа, такое общество «...в котором господствует товарное производство [выделение А.Б], т.е. каждое хозяйство производит на рынок, и при посредстве рынка получает необходимые средства для своего поддержания, продавая свои товары и покупая чужие»²³. Идеально-индивидуалистическим обществом является, по мысли ученого, меновое общество независимых мелких производителей, переходными его формами соответственно — системы рабства, крепостное хозяйство, ремесленно-городской строй, торговый капитализм. Затем следуют эпохи промышленного и финансового капитализма.

Техника общества независимых мелких товаропроизводителей характеризуется мыслителем «...множественностью обособленных технических методов... мелкими размерами производства в каждом отдельном хозяйстве.

Производство распадается на ряд специализированных отраслей с особыми орудиями и приемами. Каждая отрасль состоит из индивидуальных предприятий, где единичный работник, одновременно

организатор и исполнитель, ведет своими силами весь технический процесс...»²⁴.

«Переход феодальных систем. — отмечает А.А.Богданов, — в восточно-деспотические имел место там, где условия «внешней природы», среды, окружающей феодальное общество, требовали *устойчивого и тесного* сплочения, какое не было свойственно феодальному строю. ...внешней средой для социальной системы являются не только элементы физической природы, с которыми она имеет дело в производстве, но также другие, не объединенные с нею, человеческие общества, с которыми она сталкивается и ведет борьбу»²⁵. Характеризуя античное рабство, А.А.Богданов отмечает: «Иной тип культуры, — подобно рабству восточному, завершающийся деградацией, но гораздо более высокий в своем развитии, — представляла система рабства в классическом мире. В ней элемент меновых отношений был выражен несравненно сильнее, чем в восточном рабстве; основу же ее представляла постоянная, столетия длившаяся, борьба наций социально-передовых с окружавшими их племенами низших ступеней развития»²⁶. Мыслитель обращает внимание на создание настоящей системы эксплуатации варварского мира путем насильственного захвата его рабочих сил, организации торговли ими: «Пленник превратился в товар, и тем самым — в простое орудие труда»²⁷. Раб не имел своего особого хозяйства, барщина составляла все его рабочее время. «Рабовладельческое хозяйство, — подчеркивает А.А.Богданов, — ...было вверху меновым, а внизу натуральным: господа продавали прибавочный продукт, и большую часть предметов своего утонченного потребления приобретали на рынке, рабы жили почти всецело продуктами собственного труда, той долей, которую им оставляли господа»²⁸.

Крепостная система хозяйства, по мнению мыслителя, имела место там, «...где военная эксплуатация отсталых племен не играла большой роли, не наложила глубокого отпечатка на ход исторического развития: в Западной Европе Средних веков, в России, в Японии.

Основою преобразования общества являлось всецело развитие обмена, которое создавало прочные и постоянные экономические связи на протяжении обширных территорий феодального типа»²⁹. Отличия крепостного от раба, по мнению А.А.Богданова, заключались в том, что «...крепостной имеет свое особое хозяйство отличное от городского... Крепостной крестьянин отбывает очень долгую и тяжелую барщину, но она не занимает у него всего [выделение А.Б] рабочего времени. ...на крестьянах держалось главным образом помещичье хозяйство»³⁰. При этом в отличие от феодала «помещик уже не был организатором военной защиты для крестьян — это дело перешло в руки создавшегося тем временем государства [выделение А.Б] с неограни-

ченной монархической властью»³¹. Даровой труд крепостных давал возможность помещику «совершенно не заботиться о развитии техники земледелия»³². «Улучшение техники, — подчеркивает мыслитель, — также не могло быть делом крестьян. Работая из-под палки и зная наперед, что всякий прирост продукта их труда будет использован помещиком для себя, они не имели побуждений заботиться об увеличении производительности труда. Кроме того, у крестьянина не было ни сил, ни средств для усовершенствования сельскохозяйственной техники»³³.

Ремесленно-городской строй возник на основе роста городов. Экономическая основа городов, по мнению А.А.Богданова, заключается в обмене: «По большей части зародышем города являлась торговая деревня. Деревни, расположенные особенно выгодно по отношению к путям сообщения... постепенно становились центрами обмена, местами периодических ярмарок. <...> Благодаря легкости сбыта товаров в новом городе развивались ремесла. <...> Специализация городских ремесленников доводит их искусство до такой высоты, что тем крестьянам, которые еще продолжают заниматься ремеслом, нечего и думать сравняться с ними. С тех пор даже феодалы предпочитают покупать произведения обрабатывающей промышленности у горожан: их крестьяне должны уже не изготовлять для них эти произведения, а доставлять средства для их приобретения. Так произошло обособление города от деревни»³⁴.

Торговый капитализм, как подчеркивает мыслитель, — «это такой строй экономических отношений, при котором торговый капитал господствует над производством, является его руководителем»³⁵. То есть под торговым капиталом А.А.Богданов понимает «капитал, который присваивает прибавочную стоимость путем торговых операций — покупки и продажи — для получения прибыли»³⁶. Общее понятие о капитале выражается, по мысли ученого, в том, что «капитал следует определять, как средства производства, ставшие средством эксплуатации благодаря тому, что они находятся в частной собственности [выделение А.Б.]»³⁷. Основными техническими факторами, обусловившими переход ремесленно-городского общества в торгово-капиталистическое, как отмечает философ, явились: «во-первых, общее возрастание производства, и, во-вторых, наиболее быстрое развитие той его отрасли которая заключается в перемещении продуктов. ...перемещение продуктов из мастерской на рынок приобретает все большее значение в общей системе производства [выделение А.Б.]»³⁸.

В целом, характеризуя технику переходных общественных форм, А.А.Богданов отмечает «прогресс техники и общественного разделения труда, вызвавшийся в развитии товарного обмена.

В сельском хозяйстве техника оставалась застойной, орудия или приемы земледелия почти или совсем не совершенствовались. Но происходил рост и улучшение методов ремесленного производства; оно отрывалось от деревни и сосредоточивалось в городах. Вместе с тем города становились по преимуществу рынками, центрами торговли как ремесленными продуктами, так, разумеется, земледельческими, доставляемыми из деревни и необходимыми для самого существования города»³⁹.

Дальнейшее развитие общества приводит к возникновению промышленного и финансового капитализма. «Промышленный капитализм, — как отмечает А.А.Богданов, — есть организация крупного производства, основанная на наемном труде [выделение А.Б.]»⁴⁰. Условиями же его возникновения являются: «Во-1), достаточный капитал в руках предпринимателя, чтобы он мог дать в руки всех своих рабочих средства производства и платить им заработную плату до продажи продукта; другими словами необходимо первоначальное накопление капитала. Во-2), на рынке должна иметься для продажи свободная рабочая сила; другими словами, требуется первоначальное накопление свободной рабочей силы [выделение А.Б.]»⁴¹. В эпоху промышленного капитализма роль банков и кредита чрезвычайно велика. Но, как отмечает А.А.Богданов, «с переходом последнего в его новейшую стадию, в стадию так называемого финансового капитализма, она возрастает еще больше. Банки начинают принимать непосредственное участие в управлении промышленными, торговыми и т.п. предприятиями и выступают в качестве организаторов промышленной жизни»⁴².

Богданов выделяет следующие черты техники этого периода: «Во-1), ее стремительный прогресс;

Во-2), ее колоссальное разветвление на специализированные отрасли;

Во-3), возрастающая роль механических методов в производстве: сначала превращению ручного труда в механический путем его крайней детализации, дробления на простейшие элементы работы (техника мануфактур); затем переход к машине (новейшая научная техника)»⁴³. В это время происходит наиболее энергичная эксплуатация естественных ресурсов Земли, развитие технического прогресса. По мнению А.А.Богданова прогресс технический порождает и создавал возможность прогресса в познании природы, «который реально неотделим от первого, представляет его непосредственное продолжение»⁴⁴.

Несмотря на значительное видовое разнообразие меновых, индивидуалистических обществ, а также немалое число переходных форм со смешанным типом общественных связей, по мнению А.А.Богда-

нова, для всех них характерно «неорганизованное, анархичное разделение труда между обособленными частными хозяйствами», господство над людьми экономической необходимости, определяющей, помимо их личных желаний и склонностей, как их действия во взаимных отношениях, так и результаты этих действий»⁴⁵. Мыслитель отмечает: «Принужденный постоянно подчиняться колебаниям товарных цен, товаропроизводитель, конечно, наблюдает их с усиленным вниманием. При этом для него выясняется, что в ценах, несмотря на колебания, есть устойчивая закономерность: для каждого товара они тяготеют к определенному уровню, то поднимаясь выше его, то опускаясь ниже, но никогда надолго и очень сильно от него не удаляясь. Отсюда у него возникает понятие о «ценности» или «стоимости» товара; это — основа цен, уровень к которому они тяготеют, закон от которого они не могут чрезмерно отклоняться; каждый товар имеет свою особенную «ценность» и сообразно ей обменивается на большее или меньшее количество других товаров»⁴⁶. Первоначально «ценность» анимистически сравнивают с «душой», которая как бы управляет передвижением товаров в процессах обмена. Но постепенно на смену натуральному приходит товарный фетишизм как «своеобразное извращение экономической действительности в сознании менового общества»⁴⁷, приписывание товарам, продуктам человеческого труда отношений самих людей. Происходит это по мнению А.А.Богданова потому, что производитель в силу чрезмерной специализации становится обладателем ограниченного, специализированного сознания, неспособного понять сам общественный характер труда, тот факт, что «товары должны обмениваться в соответствии с количеством труда, которого они стоят при данной технике общества», ведь «ценность» товара и «определяется суммой общественно-необходимого труда, в нем заключенного»⁴⁸.

Дальнейший прогресс машинного производства, появление автоматически действующих и даже автоматически регулирующихся машин приводит, по мысли философа, к необходимому возникновению соответственно и принципа машинной техники, который выражается в *сознательной, пластичной связи орудия с коллективом* [выделение А.Б.]⁴⁹. Таким образом развитие сознательности и пластичности в применении орудий дополняется связью орудия уже не с индивидуумом, а с определенной трудовой общностью людей, поскольку «машина для своего производства, и даже в общем для своего применения требует работы не одного человека, а многих, и чем она более усложняется, тем более для нее нужно людей. А когда машина начинает применяться широко, то на сцену выступает *система* [курсив А.Б.] машин, при которой уже ни одна отдельная машина не является сама по себе орудием, — орудием является только целое»⁵⁰. В основе же такого системного функционирования машин лежит принцип сохранения и превращения

энергии. При этом физическое воздействие на машину со стороны работника «все уменьшается по мере совершенствования машин, их приближения и перехода к типу автоматических механизмов, всецело снимающих с работника собственно механическую сторону его функций»⁵¹. А.А.Богданов подчеркивает, что «автоматические механизмы требуют от рабочего такой интеллектуальной подготовки, которая далеко выходит за пределы чисто практических навыков. Рабочий должен *понимать* [выделение А.Б.] механизм, с которым имеет дело, не только в тех частностях, которые так сказать соприкасаются с его руками, но также в общем и целом»⁵². Производство и эксплуатация автоматических регулирующих машин по мнению А.А.Богданова постепенно приведет к тому, что «главным занятием рабочего при машине будет наблюдение и сопоставление данных, сообщаемых аппаратами контрольными и регистрирующими, общий надзор и управление аппаратами регулирующими»⁵³. Таким образом специализация человека постепенно должна быть перенесена на машину, разделение труда перестанет быть дроблением человека, исчезнет и различные разновидности натурального и отвлеченного фетишизма.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЦЕЛОГО

Социальная организация с тектологической точки зрения представляет собой, по мысли А.А.Богданова, выполнение практических и познавательных задач по наиболее рациональному комбинированию человеческих личностей и коллективов в определенные группировки в соответствии с выявленными в природе универсальными организационными механизмами. Мыслитель прав: «Социальность нераздельна с сознательностью». Без сознания нет общения как человеческого общения, в своей борьбе за существование люди не могут объединяться иначе, как при помощи сознания. Если два человека вместе поднимают камень, то их отношение к камню принадлежит сфере «техники», а их отношение друг к другу при поднятии камня — их сотрудничество — есть явление «социально-производственное». А.А.Богданов подчеркивает искусственность разделения двух сторон одного процесса, но отмечает, что эти моменты изучаются различными областями социологии. Поэтому, социальная жизнь отдельных людей предстает как сознательно-психическая¹.

Поскольку развитие общества — процесс противоречивый, результат борьбы прогрессивных и реакционных тенденций, организации и дезорганизации, собирания и дробления человека, в трактовке социальной динамики А.А.Богданов придерживается диалектической триадности: первобытная целостность, дробление человека (авторитарный и индивидуалистический типы жизни) и стадия собирания (буду-

щий коллективистский тип отношений). Это вполне накладывается на известную марксову характеристику трех типов общественных отношений (по первому варианту «Капитала»): отношения личной зависимости, отношений вещной зависимости, свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии человека.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Итак, жизненные связи социального целого, полагает А.А.Богданов, выступают как принципы общественной организации. Сущность социального объединения заключается в сотрудничестве людей, в их деятельности. Переход от разобранных нами ранее принципов социальной техники к принципам социальной экономики, регулирующим производственные отношения людей, осуществляется, по мысли ученого, путем изменения точки приложения этих принципов. В этом случае можно вести речь об отношении человека к человеку: «...человек может рассматриваться как *орудие коллектива* или *отдельных людей* в коллективе»¹. Сама процедура получения принципов социальной экономики представляет из себя метод последовательной подстановки в «...формулу вместо орудия — человека, рассматриваемого как орудие»².

Возникшее первоначально родовое общество давало человеку органическую целостность. Способ организации этого социального целого дает первый принцип социальной экономики. А.А.Богданов отмечает: «Действительно, в первобытной общине каждый человек есть живой орган целого, связанный с этим целым консервативно, бессознательно, стихийно, кровно...»³. Сотрудничество в этот период, более похожее на стадность, — «логически необходимая исходная точка развития всех более высоких форм общественности». Сущность этой первичной формы социального строения «заключается в том, что все совместно живущие особи выполняют приблизительно одинаковые действия для сохранения своей жизни и выполняют их, вообще говоря, самостоятельно», при этом сами действия «не объединены, не организованы в каждом частном случае»⁴.

Но без дальнейшего развития организации выжить было невозможно. Общество создает приспособление, в соответствии с которым организаторская деятельность отделяется от исполнительской. Оба вида деятельности распределяются между различными людьми. Появляются организаторы-руководители, старейшины, возникает авторитарный тип жизни с разного рода табу, фетишами, тотемами. В этих условиях «один человек распоряжается действиями другого или других людей, указывает или приказывает им, а они поступают соответственно его воле; в

экономической науке такой тип называется разделением труда организаторского и исполнительского; мы будем кратко обозначать его, как «авторитарный»⁵. В авторитарном сотрудничестве, по мнению А.А.Богданова, налицо «стихийная, органическая связь человека с человеком»⁶. В таком сотрудничестве «разнородность в производственных действиях особей»⁷ сочетается с организующим стремлением организатора-руководителя приспособить действия каждого к действиям всех. Причем А.А.Богданов подчеркивает, что такого рода связь носит взаимный характер, «потому, что если для патриарха отдельный член общины является орудием исполнения, то и обратно, для члена общины патриарх служит орудием руководства»⁸.

По мере развития орудий труда, его разделения, развития товарного обмена дробление человека продолжается: господствует узкая профессиональная специализация, формируется индивидуалистический тип жизни, который дает новые импульсы общественному прогрессу. Здесь налицо «формальное равенство сотрудников и их независимость в самой постановке и выполнении трудовых задач, — один, например, ремесленник, другой — крестьянин, третий — рыбак и т.п.; а связь между ними выражается в обмене уже результатами их труда... Мы же будем, для простоты, обозначать такой тип, как «индивидуалистический»⁹. Сотрудничество в этот период в рамках общества носит неорганизованный характер, трудовые действия отличаются высокой степенью разнородности и специализации. Это достаточно противоречивая форма сотрудничества, поскольку, с одной стороны, налицо высокая интенсивность процессов общественного подбора, требующая быстрого развития технических форм, с другой, усиление разнородности технической деятельности не способствует уменьшению консерватизма человеческих психик, поскольку «чем уже становится сфера труда для каждого специалиста, тем меньше пластичность его приемов, ... меньше найдется в ней новых внешних влияний, которые бы давали материал для развития»¹⁰. Поэтому третий принцип социальной экономики, по мнению А.А.Богданова, предполагает ситуацию, когда «человек как орудие связан с другим человеком сознательно и пластично»¹¹. Пластичность, по мысли ученого, означает переменный характер связей между людьми: «Сначала человек А пользуется человеком В, потом обратно»¹². А.А.Богданов обращает внимание на тот факт, что наличие момента сознательности в отношениях между индивидами, преследующими индивидуальные цели, приводит к возникновению борьбы между ними, следствием которой является создание неравенства сил, выражающееся в эксплуатации: «Рано или поздно, но в процессе борьбы большая сила побеждает, и чем дальше, чем легче, и, следовательно, получается все более устойчивое распадение коллектива на эксплуатируемых и эксплуататоров.

<...> ...одна сторона приспособляет другую с большим успехом, другая с меньшим, т.е. эта вторая подвергается эксплуатации»¹³.

Индустриальное производство создает основу для будущего коллективистического типа жизни, возникающее классовое сознание пролетариата способствует преодолению раздробленности и собиранию человека. Прекращается борьба между людьми. Социальная борьба человека против человека — это та дорогая цена, которую мы платим за стихийность. С прекращением такой растраты сил начинается эпоха сознательного развития. Собираение человека ведет не к застою, а к смене одного типа развития другим, дисгармонического — гармоническим. Этот тип сотрудничества «содержит в себе равенство с организованным единением: сотрудники сообща решают и сообща выполняют дело. Для экономиста это — организованная простая кооперация; мы будем пользоваться термином «товарищеское» или «коллективное сотрудничество»¹⁴. Такое сотрудничество взамен индивидуально-организаторского управления предполагает совместную организаторскую деятельность и особую специализацию, «которая не нарушала бы общественной однородности и не увеличивала бы консерватизма психики»¹⁵. Таким образом, четвертый принцип, по мысли А.А.Богданова, дает общество, основанное на принципе коллективизма, предполагающего сознательную, пластичную связь человека с коллективом. Мыслитель всячески подчеркивает коллективный характер активности субъекта будущего, базирующемся на принципе машинной техники, в соответствии с которым в обществе функционирует «целая система механизмов». А с этой системой, по А.А.Богданову, «имеет дело не отдельный человек, а коллектив»¹⁶. Именно принцип машинной техники ведет к коллективной организации производства, при которой «каждая трудоспособная личность без различия специальности является работником наряду с другими... <...> ...работа коллективна, и господствующее отношение между работниками — товарищеское равенство; ...руководители должны действовать согласно воле коллектива»¹⁷.

Если стихийная органичность, по мнению А.А.Богданова, была характерна лишь для раннего периода развития общества, то в предполагаемом новом обществе связь человека с коллективом осознается и коллективом, и личностью и позволяет последней, как отмечает ученый, самой сознательно участвовать «в определении своей функции»¹⁸, если же личность «выполняет руководящую роль, то лишь по поручению коллектива и под его контролем»¹⁹. Таким образом, именно сознательность, распространенная на все общество лежит в основе самоорганизации трудового коллектива всесторонне развитых личностей. При этом, А.А.Богданов отмечает: «Коллективистское общество

тоже высоко дифференцированная система, и между его частями или разными сторонами его жизни должны возникать новые и новые расхождения. Какие именно — мы этого сейчас научно предусматривать еще не можем, можем только сказать, что не сословно-правовые и не экономически-классовые, так как эти исключены выясненными решениями. Для новых задач найдутся и новые методы; а наше дело — овладеть теми, которые выработаны, оформить тектологию настоящего, которая все еще остается тектологией будущего»²⁰.

Поскольку в ранних обществах устойчивость и консерватизм диктовалась самой жизнью, «вписанностью» человеческого коллектива в природную среду, предполагающей достижение и поддержание равновесия со средой, резкое изменение которого из-за слабости трудовой энергии грозило гибелью общества, постольку в новом, динамично развивающемся обществе, именно пластичность, по мнению А.А.Богданова, предполагает стремление коллектива «приспособить к себе отдельного человека... развить его так, чтобы человек был в такой переменной связи хорошим орудием; личность будет вступать в разные трудовые отношения, и коллектив должен ее приспособить к разным отношениям. Ясно, что здесь требуется ее всестороннее развитие»²¹. Мыслитель подчеркивает, что «...в изменяющейся среде простое сохранение жизни такой как она есть, по существу недостаточно и неизбежным образом переходит в ее разрушение: общество, которое не может расширять и усиливать своего трудового воздействия на природу, потому что усвоение энергии не превосходит ее растраты, обречено на упадок и разложение»²². Таким образом, по мысли А.А.Богданова, новое общество должно развиваться по второй схеме регулирующего механизма, т.е. по схеме прогрессивного подбора, причем «регулирующий механизм подбора... не есть нечто отдельное от формирующих тектологических механизмов, а только определенная их комбинация»²³.

При этом, А.А.Богданов неоднократно подчеркивал, что в реальной жизни сохраняются смешанные отношения. Так, в современном обществе преобладает индивидуалистическая форма. Но каждая форма исторически была грандиозно-творческой силой. В наше время, в начале XX века, формируются коллективистские отношения, на арену истории выступает коллективизм как организационный принцип, восходящий к учению К.Маркса, пронизанному духом критики и развития.

Что касается связи принципов социальной техники с принципами социальной экономики, то А.А.Богданов обращает внимание на момент некоторого отставания распространения принципов экономики в обществе от принципов техники, «потому, что организационный принцип сначала вырабатывается в одной области, а затем переносится в другую»²⁴. Этот момент отставания, а также их сочетание и наложение создают, по мнению ученого, различные вариации обще-

ственных структур, как напр. феодальный строй, представляющий собой комбинацию «второго и третьего принципов со значительным преобладанием второго, особенно в экономике».

Резюмируя, А.А.Богданов обозначает принцип, лежащий в основе развития нового общества, принципом социализма. В связи с этим не случайно доктор Габриэла Горцха (Германия) в предисловии к первой книге «Неизвестный Богданов» пишет: «Все творчество А.Богданова, сколь разнородным оно ни казалось бы, было подчинено одной цели — поддержать процесс формирования в русском обществе фундаментально новых, а именно социалистических, структур в экономике, политике, искусстве и по возможности также указать направление этого процесса»²⁵. По мнению Горцхи, основной линией, проходящей через все труды А.А.Богданова, является ориентация на социалистическую перспективу. Своими выступлениями в защиту революционизирования культуры А.А.Богданов делал акцент на многосторонность революционного процесса. Он теоретически просматривал ту тенденцию, согласно которой развитие технического базиса общества станет необходимо требовать коллективистского планомерно ведущегося социалистического хозяйства. Оно будет не меновым, а «натуральным», охватит в конечном счете все человечество.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Теперь более подробно рассмотрим черты будущего социалистического общества, прогнозируемого А.А.Богдановым. В главе «Социалистическое общество», которой было дополнено 7-е (первое легальное) издание «Краткого курса экономической науки» (1906), выделены такие характеристики «послекапиталистического строя»: действительная власть общества над природой, беспредельно развивающаяся на основе научно организованной техники; стройная организованность всей производственной системы, при величайшей подвижности ее элементов и их группировок и при высокой психической однородности трудящихся как всесторонне развитых сознательных работников; общественно-организованное распределение на основе общественной собственности на все средства производства. А.А.Богданов пишет: «Человек, воспитанный эпохой ожесточенной конкуренции, беспощадной экономической вражды людей, групп и классов, не в силах даже представить себе того высшего развития товарищеской связи людей, которая органически создается из новых трудовых отношений»¹.

Предшествующая история человечества порождала одностороннего человека, «человека-дробь»... В сущности, А.А.Богданов фиксирует феномен отчуждения, порожденного разделением труда. Пер-

вое «дробление человека» мыслитель связывает с отделением организатора от организуемого, повелевающего от повинующегося. Но теперь наступает эпоха «собираания человека» под влиянием индустриального производства и коллективистских отношений в труде и в науке. Идея собирания человека и человечества сближает позицию А.А.Богданова с позицией русских космистов (В.Вернадский, К.Циолковский), ибо он обращается ко всеобщему природному организационному процессу, видит в человечестве одно из его проявлений.

Рабочий класс, — полагал А.А.Богданов, — носитель монистического, социально-трудового миропонимания, свободы труда на основе подчинения стихийных сил природы владеющему наукой человеку. Организованность и планомерность он противопоставляет дезорганизации и стихийности. Рабочий заменит правовые, моральные, политические нормы нормами научной целесообразности. Сциентистски ориентированный А.А.Богданов видел в будущем общество, основанное на совместном труде, бестоварное, во главе с тем классом, который стремится уничтожить классы. Тектология должна помочь в этом рабочим. Она выясняет взаимосвязь вещей, людей и идей, она анализирует процесс организации и дезорганизации, механизмы формирования и регуляции, устойчивости и организованности общественных систем. «Идеальными условиями функционирования трудового коллектива является, с точки зрения А.А.Богданова, крупное автоматизированное производство, ибо на его основ создается единый, не знающий разделения труда, высший тип коллектива, его особая коллективистски-трудовая психология, отличающаяся чертами гармонического сотрудничества и полного развития каждого работника применительно к потребностям производства»².

А.А.Богданов понимал (и об этом он четко говорил в романе-утопии «Красная звезда»), что века национального дробления, взаимного непонимания, кровавой борьбы не прошли даром. И мы не знали, сколько варварства и узости социалисты принесут с собой в новое общество... Старые типы жизни сохраняются и воспроизводятся. Таков, например авторитаризм, возникший в первобытную эпоху и сохраняющийся поныне. Не менее, чем авторитаризм, агрессивен индивидуализм. Для понимания этих феноменов размышления А.А.Богданова звучат вполне современно.

Между тем, по мере все более и более глубокого изучения российской действительности А.А.Богданов укреплялся в мысли, что Россия не созрела для «антикапиталистического переворота». Главная причина — «культурная несамостоятельность пролетариата». В «Вопросах социализма» (1918) А.А.Богданов писал: «Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненным который надо честно признать и из которого

следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса — это вся совокупность его организационных форм и методов. Если так, то какой злой иронией — или каким детским неразумением — представляются проекты немедленно навязать пролетариату депо самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе?..

Итак, пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями, а, напротив, они владеют им, до тех пор он, очевидно, не может и не должен предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм. Это было бы авантюрой без малейшего шанса на успех, попыткой построить мировой дворец без знания законов архитектуры. Это был бы новый кровавый урок, вероятно, более жестокий, чем тот, который мы теперь переживаем»³.

Для А.А.Богданова пролетарская культура — это, в сущности, орудие борьбы пролетариата за «новый мир», орудие организации новых межчеловеческих связей, «собирания человека». А.А.Богданов постепенно освобождался от ультрареволюционной позиции и связывал возможность пролетарской революции, отнюдь не близкую, с развитием классового сознания рабочих, способных преодолеть авторитарное руководство обществом и организовать коллективное.

Согласно А.А.Богданову, в зависимости от технико-экономического уровня возникают три основные типа культуры, выступающие в науке, искусстве, морали: авторитарная, индивидуалистическая, коллективистская. Коллективистская культура и есть коллективистская идеология рабочего класса, выполняющая организующую роль. А.А.Богданов делает ставку на «новую интеллигенцию» и научно «взращенный» пролетариат. «Товарищеская солидарность» — вот главный пролетарский «моральный принцип», основа новых социальных норм вообще. Этот принцип станет «органически руководящей силой в душе каждого человека». Не случайно А.А.Богданов в 1924 г. для сборника «О пролетарской культуре» расшифровал «моральный принцип» в десяти «законах совести»: не должно быть никакого стадного сознания; не должно быть никакого рабства; не должна быть нарушена чистота целей; не должно быть никакого готтенготства (установки: хорошо, если краду я, плохо, если крадут у меня); гордость коллектива — высшая движущая причина воли и мышления рабочего; полное взаимопонимание — высший идеал новой совести...

Одним словом, наука, мораль, искусство должно воедино собирать человеческий опыт и организовывать его? Пролетариату нужно собственное социалистическое искусство, ибо оно сильнее всего, посредством живых образов формирует чувства, желания, преодо-

леает индивидуализм. В переживании прекрасного человек «забывает себя», здесь формируется подлинное гармоническое духовное единение отдельных «Я». Искусство организует живой опыт и в сфере познания, и в сфере чувств, и в сфере воли. А.А.Богданову приписывали нигилистически варварское отношение к искусству прошлого. Среди деятелей Пролеткульта были настроенные подобным образом люди. Но А.А.Богданов к ним не принадлежал. Иное дело, что он не принимал пассивного и бездумного отношения к «сокровищам старого искусства».

А.А.Богданов был страстным пропагандистом научных знаний, важнейшей, наряду с моралью и искусством составной частью культуры. Он даже мечтал о создании «Новой энциклопедии» по аналогии с известной французской XVIII в. Образование в России — особая забота ученого, связанная с планом создания Пролетарского университета — целой системы институтов.

Искусство — одна из идеологий класса, элемент его классового сознания, способ объяснения и сплочения классовых сил, воспитательное средство, орудие социальной организации. Наука тоже организация опыта, но она оперирует отвлеченными понятиями. Искусство организует опыт в живых образах, оно организует чувства и настроения людей. Музыка, например, есть звуковой язык чувства, лирика — словесно-образный, ландшафт — красочный, архитектура — язык камня, дерева и железа. Разные искусства разными путями связывают людей в единство настроения, воспитывают и социально формируют их отношения к миру и к другим людям. Нам нужно искусство прошлого, но в новом понимании, пролетариату необходимо искусство коллективистическое: «Две грандиозные задачи стоят перед рабочим классом в сфере искусства. Первая — самостоятельное творчество: осознать себя и мир в стройных живых образах, организовать свои духовные силы в художественной форме. Вторая — получение наследства: овладеть сокровищами искусства, которые созданы прошлым, сделать своим все великое и прекрасное в них, не подчиняясь отразившемуся в нем духу буржуазного и феодального общества. Эта вторая задача не менее трудна, чем первая»⁴. Как переосмысливать искусство прошлого? Возьмите былины об Илье Муромце. Это — воплощение в одном герое коллективной силы крестьянства, истинного строителя и защитника нашей земли. Пусть этот образ индивидуалистический, но в одном лице выражена коллективная сила. И это надо постичь. Кстати, по поводу известных строк В.Кириллова насчет сжигания Рафаэля А.А.Богданов заметил, что это. поэзия «в духе солдата, а не рабочего»⁵.

С «научно-организационной», т.е. с «коллективно-трудовой» точки зрения он предлагает пересмотреть все личное культурное наследие. Культурная самостоятельность — первый лозунг рабочего клас-

са. Второй — социализация науки, пересмотр науки, как по содержанию, так и по форме. Ибо старая наука подавляла сознание пролетария. Отсюда и проекты создания «Рабочего Университета» — системы учреждений, построенной на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся, «Рабочей Энциклопедии», излагающей методы и достижения науки с пролетарской точки зрения. Надо перековать орало старого гуманитарного и естественного знания на меч «социалистической науки». Старые «энциклопедисты» видели в человеке изолированного индивида, новые видят в нем «клетку коллектива, его орган»⁶. А.А.Богданов был избран в ЦК Пролеткульта (сентябрь 1917 г.) и входил в него до 1922 г. Повторяем, он далек от крайностей, вульгарно-социологических оценок прошлой культуры. Хотя сама «классово-пролетарская» ориентация содержала возможность тех извращений, которые и возникли в условиях государственно-феодалного социализма.

ОЦЕНКА РЕАЛЬНОСТИ

Еще один интересный сюжет. А.А.Богданов ввел в теоретический обиход термин «военный коммунизм». Военный коммунизм — итог милитаризации общественной жизни и экономической разрухи. С этой точки зрения, весь государственный капитализм Германии и других стран есть не что иное, как результат внедрения военного коммунизма в новейшую капиталистическую систему. П.Плютто справедливо заключает: «Богданов вкладывал особый смысл не только в термин “военный коммунизм”, но и в определение “государственный капитализм”, находя скрытое взаимопроникновение этих идей»¹.

В письме к В.Базарову от 15 января 1917 г. А.А.Богданов говорил об европейском «военно-государственном капитализме» который за счет государственной планомерности сводит к минимуму разрушительные процессы. В письме к П.Лебеву-Полянскому от 15 июня 1917 г., видимо, впервые появляется термин «военный коммунизм», который получает всестороннюю содержательную характеристику в письме к А.В.Луначарскому от 19 ноября 1917 г., ответе на предложение А.В.Луначарского занять пост в Наркомате просвещения. А.А.Богданов говорит: война породила экономический и культурный упадок, гигантское развитие военного коммунизма, регулирование потребления. Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, перестроил общество. Государственный капитализм есть ублюдок капитализма и потребительного военного коммунизма.

В России влияние военного коммунизма как организационной формы сильнее, чем в Европе, ибо капитализм у нас развит слабее. Революция под знаком военщины глубоко исказила природу боль-

шевистской партии: ей пришлось организовывать псевдосоциалистические солдатские массы, крестьян, действующих в казарменных коммунах на содержании у государства. Партия стала рабоче-крестьянской, а значит, объективно-солдатской. Почему? Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью, наиболее слабым ее звеном. Так, скорость эскадры определяется наиболее тихоходным кораблем. Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом. Большевизм преобразовался поразительно — усвоил логику казармы, все ее методы, специфическую культуру и идеи.

Логика казармы в противоположность логике фабрики характеризуется тем, что она всякую задачу понимает как вопрос ударной силы, а не как вопрос организованного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть — тогда все можем. Рабочий-социалист не потребует, чтобы плата инженеру была выше, чем ему. Казарма знает только паек. Политический стиль партии большевиков пропитался казарменной трехэтажностью... Большевизм } обречен на политическое и идейное крушение. Эту сдачу социализма солдатчине, — полагает А.А.Богданов, — выполняют грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий².

Социалистической революции в Европе не будет — таков совершенно справедливый вывод А.А.Богданова. Ибо рабочий класс не достиг необходимого уровня культуры и организованности. В России же солдатско-коммунистическая революция есть нечто противоположное революции социалистической. Рабоче-солдатская партия должна распасться. Новой рабочей партии потребуется новая идеология, новая культура. Важно уже сейчас выяснять их социальные функции, а не только описывать генезис и вторичность.

В статье «Судьбы рабочей партии в нынешней революции», опубликованной в газете «Новая жизнь» 26 и 27 января 1918 г., характеризуя Октябрьскую революцию как крестьянскую в деревне и по преимуществу солдатскую в городе, А.А.Богданов писал: «Мировая война изменила самое строение общества, а с ним — природу общественных сил. Это произошло путем колоссального развития военного коммунизма»³. По мнению А.А.Богданова, «военно-коммунистическая организация» буквально врезается в систему капитализма. Применяя к оценке событий создаваемую в то время им организационную теорию, А.А.Богданов говорит: «В рабоче-солдатской партии крыло более отсталое, политически ниже организованное, это солдатское. Поэтому рабочее крыло и должно приспособляться

к его уровню, точке зрения методам. В политике рабоче-солдатская партия есть наделе просто солдатская. Так это все время и наблюдается»⁴. В общем, прочность цепи определяется не наиболее крепким, а наиболее слабым звеном.

А.А.Богданов с глубоко проникающей в суть исторического развития проницательностью обобщил: «Коммунизм этот является в основе своей потребительным, но, применительно к потребностям распределения, может включать и регулирование производства, а также принудительную трудовую повинность. Готовые формы для этого коммунизма давала гигантски разросшаяся организация армии... С развитием войны принципы пайка и казармы распространялись на все большую часть населения; следом за ними шло регулирование цен и сбыта, затем монополизация продуктов и регулирование производства»⁵.

Если, полагает А.А.Богданов, военно-коммунистические формы жизни порождали массовый уклон к «социализму», то лишь к «социализму» дележа или уравниловки. В основу экономического и культурного строительства был положен приказ: «Вера в декрет есть, в сущности, перенесение на социальную жизнь идеи приказа, который в солдатской жизни действительно все определял и все мог. В общезкономической и культурной жизни это далеко не так»⁶.

Идея приказа расцвела вновь в период тоталитаризма. А.А.Богданов не был услышан. Да, в сущности, среди большевистских вождей и не было людей, желавших и способных понять А.А.Богданова. А ведь он в декабре 1917 г. говорил: «Социализм рабочий есть в основе своей коллективизм производства; «социализм» же солдатской партии есть... коммунизм потребления»⁷.

Для «Курса политэкономии» была написана глава, не вошедшая в первое издание и опубликованная в виде статьи (1918) «Новейшие прообразы коллективистического строя». В этой статье учение об «осадном коммунизме» получило дальнейшую конкретизацию. Сначала А.А.Богданов уточняет свое понимание «коллективизма» и «коммунизма» вообще. Коммунизм («общность» или «общинность») — понятие, связанное со сферой распределения. Таков древнехристианский «коммунизм потребления», обязывавший членов общины отдавать свое имущество, в ее потребительный фонд. Коллективизм («сборность») — понятие, характеризующее объединение человеческих усилий в действии, в труде. В социалистическом идеале оба момента сливаются непосредственно, оба понятия выражают организационную идею обобществления экономической жизни. Организационные формы обобществления — авторитарная и товарищеская, которые на практике наблюдались всегда в смешанном виде с преобладанием той или другой.

Экстремальные условия, например, война порождают сочетание капитализма и военного коммунизма — «осадный коммунизм», или государственный капитализм. В Европе первой вступила на этот путь Германия. Государство взяло под свой контроль распределение продуктов, нормировало их цены и сбыт, перешло к регулированию производства. Государственный капитализм соединяет организационные черты новейшего капитализма с военно-коммунистическими тенденциями. Отсюда и довольно высокие нормы прибыли, гарантированные государством. Трудовые массы фактически закрепощаются посредством милитаризации, военного положения.

Развивая эти мысли в докладе «Мировая война и революция» (1921), А.А.Богданов писал, что осадный коммунизм не есть развитие той или иной общественной формации, он может возникнуть из любой социальной системы. Это коммунизм осажденного города, коммунизм потребления. Подлинно коллективистский строй имеет иные предпосылки, новые организационные методы, совокупность которых образует пролетарскую культуру: «Основы ее заложены организационным опытом рабочего движения, марксистской теорией, зачатками пролетарского искусства»⁸.

В ответе на ряд вопросов, поставленных экономистом Д.Опариным (14 сентября 1919 г.), А.А.Богданов вновь говорил о том, что рабочий класс еще не готов к выполнению революционных задач коллективистского типа. Он предвидит приход в России господства социалбюрократии во главе с технической интеллигенцией, появление государственно-бюрократического капитализма в качестве переходной к социализму формы. Будут восстановлены необходимые для социализма производительные силы, а пролетариат подготовится к мировой организаторской роли. Необходимой предпосылкой выполнения пролетариатом всеорганизаторской роли остается выработка пролетарской культуры.

А.А.Богданов полагал, что большевики делают великое общенародное дело — спасают трудовую Россию, но считал Октябрьскую революцию социалистической только для пролетариата, для формирования его сознания. Другое дело, что утопические иллюзии играют огромную социальную роль. В письме к Н.Бухарину от 10 декабря 1921 г. он пишет: «Разойдись с партией в оценке эпохи, я понимал объективную необходимость ее политики, и потому должен был отказаться и от пропагандистской работы на политические темы, чтобы не мешать нужному делу. В идеологии стихийных массовых движений и утопизм является жизненно-необходимым элементом; если в нем нет правды научно-теоретической, то может быть правда действительного порыва. Так, и во Французской революции якобинцы, идя по линии исторической необходимости, уто-

пически понимали и смысл своей работы, — думали, что она идет прямо к высшим идеалам; но разве они могли бы выполнять ее с такой беззаветной энергией, если бы с научной точностью знали, куда идут. Только не стихийная, а сознательно-организованная классовая борьба может не нуждаться в подобном утопизме»⁹. А.А.Богданов добавлял, что на плечи самого юного рабочего класса — русского пролетариата — история возложила непосильное бремя, далеко выходящее за границы его собственной классовой природы.

А.А.Богданов ввел термин «советская изношенность» («совиженность»), фиксируя кризис человека в условиях послереволюционной разрухи. Создатель института гематологии и переливания крови именно в переливании (обмен кровью между старыми и молодыми) видит средство омолаживания организма. Философски все это освящается проведением в жизнь принципа «физиологического коллективизма».

В статье «Государство-коммуна» (1917) А.А.Богданов провидчески замечал, что Советы — несовершенные органы, они не имеют парламентского опыта улаживания противоречивых интересов, а потому их политика чревата гражданской войной с громадным расточением лучших сил народа»¹⁰.

Советы, созданные согласно ленинскому проекту, органы революционной борьбы. Они мало пригодны для позитивной работы, нужна демократическая парламентская республика. А.А.Богданов проводит аналогию между проектами В.И.Ленина и «донаучным, ребяческим коммунизмом» с его установкой: «Всем поровну». «Установить однообразную плату, “не выше средней платы хорошего рабочего”, за самые различные по качеству, количеству и напряженности виды организаторского труда — это с экономической точки зрения ошибка против азбуки... Если комиссар-министр, выполняющая работу, которая изнушает мозг и нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет, будет получать те же 200—300 рублей, что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? За среднюю плату хорошего рабочего только и можно делать среднюю работу хорошего рабочего»¹¹.

В заключение приведем один из блестящих прогнозов А.А.Богданова («Красная звезда»): «вопрос о социальной революции становится очень неопределенным: предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах в различное время, и даже во многом, вероятно, неодинакового характера, а главное — с сомнительным и неустойчивым исходом. Господствующие классы, опираясь на армию и высокую военную технику, в некоторых случаях могут нанести восставшему пролетариату такое истреби-

тельное поражение, которое в целых обширных государствах на десятки лет отбросит назад дело борьбы за социализм; и примеры подобного рода уже бывали в летописях Земли. Затем отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а частью даже докапиталистического мира. Борясь за свое собственное господство, высшие классы несоциалистических стран направят все свои усилия, чтобы разрушить эти острова, будут постоянно организовывать на них военные нападения и найдут среди социалистических наций достаточно союзников, готовых на всякое правительство, из числа прежних собственников, крупных и мелких. Результат этих столкновений трудно предугадать. Но даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм»¹².

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Почти всей творческой биографии А.А.Богданова как социолога сопутствует интерес к идеологии, ее истокам, сущности и социальным функциям. В предисловии к первому изданию «Науки об общественном сознании» (1913) А.А.Богданов писал: «54 года тому назад Марксом был формулирован основной закон развития идей, права, нравственности, политики, вообще — всего общественного сознания, всех “идеологий”: их зависимость от способов производства и присвоения. Из этого закона вытекает общий путь исследования: для всех изменений в идеологиях искать причин в условиях трудовой и хозяйственной жизни. Так был решен основной вопрос идеологической науки, — вопрос об ее методе; и она стала впервые возможна, как действительная наука, объясняющая свои факты; а не только их «обирающая и нагромождающая»¹. Сам К.Маркс успел многое сделать в применении открытого им метода. Из его последователей А.А.Богданов выделяет особо Каутского. По мнению А.А.Богданова, немецкий филолог Людвиг Нуаре (1829—1889) дал блестящие доказательства в пользу метода К.Маркса, показав, что мышление и речь возникли из совместного труда в первобытных общинах, что идеология возникла из производства. Хотя о марксизме Нуаре вряд ли имел представление².

Возникнув из реальной общественной жизни, идеология стала орудием организации общества, производства, всех общественных сил. А.А.Богданов рассматривает термины «общественное сознание», «духовная культура», «идеология» как синонимы: «Духовная

культура» — это та сфера, которая лежит вне прямой борьбы с природой, это — речь, мышление, нравственность, искусство и т.д., словом — идеология, общественное сознание»³. По мнению А.А.Богданова, за всеми пониманиями причинно-следственной и стоит определенная трактовка закона сохранения и превращения энергии. Коллективизм оказал решающее влияние на общественные науки: «Раньше история человечества понималась либо в духе авторитарного, либо в духе отвлеченного фетишизма. Одни видели в ней историю царей, героев, вообще авторитетов и властителей, их подвигов и деяний, определявших будто бы судьбу мира. Другие полагали, что сущность ее — в развитии идей, знаний или нравственных принципов, причем думали, что развитие это идет само собою, по своим законам, — а идеи, управляя людьми, заставляют их действовать так или иначе, и от этого зависят исторические события. К.Маркс показал, что все подобные взгляды наивны или поверхностны, не охватывают действительности. История человечества, это прежде всего — развитие производственного процесса, борьбы между обществом и природой. В процессе производства вырабатываются и складываются экономические отношения людей, а в зависимости от них и идеи»⁴.

А.А.Богданов обращал внимание на известное упрощение и вульгаризацию материалистического метода даже у Г.В.Плеханова, в произведениях которого «основные идеи отживающего мира, как «бог», «бессмертие души», «свобода воли» рассматриваются, прежде всего и главным образом, как воплощение определенных классовых *интересов*, именно буржуазных. Между тем это прежде всего и главным образом *формы мышления*, возникающие из определенных производственных отношений, и их связь с классовыми интересами является уже производною: как всякие идеологические формы, они имеют тенденцию поддерживать создавшие их общественные отношения, а через них это оказывается выгодным для одних, невыгодным для других общественных классов, притом в изменяющейся мере и далеко не всегда одинаковым путем»⁵.

Как видно, А.А.Богданов много сделал, дабы выявить «объективный смысл» идеологии. Хотя и здесь отсутствует необходимая четкость. Например, он пишет: «К идеологии относят много на вид разных вещей: 1) речь, 2) знание, 3) искусство, 4) обычаи, законы, нравственные правила, приличия и т.п.»⁶. И он характеризует суть каждого из отмеченных элементов. Вместе с тем делает такое расширительное обобщение: «Сущность идеологии: это общественное сознание в разных его формах»⁷.

Итак, простейшие элементы идеологии — слово и мысль. Идеология социальна, отлична от индивидуального сознания, которое замы-

кается на непосредственных переживаниях, не передаваемых человеком другим людям. Речь и мышление возникают а единстве из совместной работы людей, из социально-трудового процесса. Именно коллективно-трудовой процесс производит обозначения трудовых актов, звуковые символы, понятные для всех членов человеческого коллектива. По мере специализации людей, обособления организаторов и исполнителей в трудовой системе в идеологии, этой организующей человеческие отношения форме, возникают своеобразные нормативные типы — обычай, право, нравственность, приличия и т.д.

А.А.Богданов убежден в том, что мы живем в эпоху великих перемен, связанных с уходом капитализма. Из борьбы новых и старых сил рождаются противоречивые и поразительные состояния. Старый мир апеллирует к безумию. Весьма актуально звучат для нашего «переходного» периода слова А.А.Богданова, сказанные в период с 1912—1914 годов: «Бокс в Европе и Америке становится любимым зрелищем “образованных классов”»; с ним соперничают другие развлечения, рассчитанные на грубые инстинкты, вроде “борьбы”, даже боя быков, и прекрасное изобретение — кинематограф — служит средством распространять эти зрелища повсюду; а нелепо — жесткая угольная литература, достигшая повсюду небывалого процветания, удовлетворяет те же потребности другими способами. Шатанье умов среди отживших классов так сильно, что в великих центрах культуры, столицах мира находят успех маги и гадалки. Под костюмами XX века возрождается дикость и варварство давно пережитых эпох»⁸.

Формирование пролетарской идеологии — это формирование пролетарской культуры. А.А.Богданову приписывали вульгарную точку зрения на старую культуру. Между тем он писал: «Пролетариат, конечно, законный наследник художественного богатства старой культуры. Но культурное наследство не достигается без усилий, как рубли и копейки от капиталистов с детям: его надо завоевать»⁹. На вопрос, должно ли быть отброшено и отвергнуто все старое искусство, А.А.Богданов отвечал: «Отнюдь нет. Оно только иначе воспринимается, иначе освещается коллективистическим сознанием. Каждая высшая культура получает художественное наследство от низшей, пользуется им, но по-своему»¹⁰. Как видно, геростратовский образ А.А.Богданова, созданный не без влияния В.И.Ленина, далек от оригинала. В сущности, А.А.Богданов разделял азбучную для большевиков идею насчет культурной революции и вовсе не разделял троглодитскую позицию В.Плетнева и других руководителей Пролеткульта. Например, нигилистический проект создания культуры «механизированной толпы», предложенный А.Гастевым, А.А.Богданов назвал «чудовищной аракчеевщиной»¹¹.

В письме к В.Базарову (15 января 1917 г.), А.А.Богданов замечал: «Для меня коллективное сознание — идеология; ты, склонен, по-видимому, коллективное “настроение” отличать от идеологии. На мой взгляд, поскольку оно реально и длительно, оно представляет лишь мало оформленную идеологию, ее смутную фазу. Например, мораль класса, его идеал возникают сначала как “настроение”, потом оформляются в систему, которая организует все содержание прежних “настроений”»¹².

Культурные принципы — это, по А.А.Богданову, организационные принципы труда и борьбы человеческих коллективов, специфические формы сотрудничества. Это формы социальной практики, закрепленные в формах мышления. Культурные принципы отличаются большим консерватизмом. Великие революции в истории человечества — это революции, сменяющие культурные принципы, ибо зарождение нового класса в итоге порождает конфликт культурных принципов. Так, выступление на арену истории пролетариата означало зарождение и нового культурного принципа — «коллективистического», в основе которого лежит товарищеская форма сотрудничества. Эта форма существовала и раньше, но весьма ограниченном масштабе, в подчинении другим формам. Только условия труда и социальной борьбы пролетариата превращают ее во всеорганизационный принцип. Пока пролетариат не выработает своих новых организационных форм и методов, он обречен на подчинение культуре буржуазных классов. В сущности, А.А.Богданов говорит о том же, о чем писал В.И.Ленин в работе «Что делать?» относительно идеологической борьбы, «внесения» научной идеологии в рабочее движение. Для А.А.Богданова обобщающим понятием выступает понятие «культура». Корни идеологии, культуры — в массовом «настроении» (по Г.В.Плеханову, «общественная психология»).

Теперь более подробно остановимся на рассмотрении организационных идеологических принципов, или принципов культуры. Подчеркивая их производность от организационных принципов социальной техники и идеологии, и подставляя вместо орудий словапонятия, содержательно включающие в себя не только знание само по себе, но и общение, искусство, обычаи, законы, нравственные правила, нормы приличия и др., А.А.Богданов выделяет четыре принципа: неопределенной «первичной» монистической тенденции в познании, а также принципы анимистического, метафизического и синтетического монизма. При этом, еще раз необходимо отметить, что в реальной жизни идеология — это наиболее консервативный элемент общества, поэтому и последовательная смена идеологических принципов идет со значительным отставанием от организационных принципов социальной техники и экономики.

Характеризуя отношение словам-понятиям в первобытной общине А.А.Богданов отмечает его консервативный, бессознательный, коллективный характер. Действительно, в дорелигиозной фазе развития человечества зарождение элементов речи и мышления, которые в последствии должны были лечь в основу различных типов осмысления природной и социальной действительности, начинается с произвольных звуков, сопровождающих различные акты коллективной работы. В этот период, по мнению А.А.Богданова, из трудовых криков возникает речь, использовавшаяся вначале «для призыва к труду и для сочетания трудовых усилий», а затем и «для передачи и сохранения в группе непрерывно накапливающегося трудового опыта» вначале в форме технических правил выполнения хозяйственных функций, а затем и в виде описания явлений внешней природы¹³.

Эти трудовые крики, как считает А.А.Богданов, постепенно развиваются в «слова-понятия», обозначающие производственные действия: «...весь мир был для человека еще *миром действий* [курсив А.Б.]»¹⁴. «Первичные слова, — подчеркивает А.А.Богданов, — не были глаголами, а заключали в зародыше все нынешние части речи; о с н о в н ы м значением было... действие, из которого выделялось слово; но с ним соединялось неопределенное множество близких значений»¹⁵. При этом А.А.Богданов обращает внимание на то, что пока «...орудия были элементарно простыми, и брались прямо из природы (камень, палка), они не отделялись в мышлении людей от тех действий, для каких применялись; например камень мог обозначаться тем же словом как и акт удара. Но когда орудия стали сложнее — каменные топоры, лук и стрелы, и т.п., — то производство их должно было обособиться как особая работа в ряду других; и тогда смешение орудия с действием должно было прекратиться»¹⁶. Последовательность нескольких трудовых актов, приводящая в результате к определенному производственному результату, выражалось в первобытном обществе, по мысли ученого, в виде целого ряда слов-понятий, или «первичных идей», представляющих «устойчивые сочетания понятий»¹⁷. Эти «первичные идеи», по мнению философа, представляют собой определенные т е х н и ч е с к и е п р а в и л а какого-либо производственного процесса.

Мышление является более поздним идеологическим явлением, чем речь. Оно «слагается из понятий, выражаемых словами и «сочетающихся в мысли» или идеи». По словам А.А.Богданова, «оно представляет собой как бы внутреннюю речь»¹⁸. Кроме того А.А.Богданов отмечает и коллективизм первобытного мышления: «Человек не выделял себя мысленно из той группы, к которой он принадлежал; он не рассматривал себя как особый центр интересов и стремлений; он не мыслил своего “я”, как современный человек, а сливался с родовой группой, как часть с целым. Само мышление как и первобытный кол-

лективизм, было стихийным, “сплошным”, т.е. одинаковым для всех членов группы. Не было индивидуальности, личности; поколения веками повторяли друг друга, и подражание лишь укрепляло застойные, инертные жизненные формы»¹⁹.

При помощи основной метафоры слова или их последовательность стали обозначать и явления природы. «“Основной” же метафорой, — формулирует А.А.Богданов, — филологи назвали перенесение смысла первичных слов, означавших действия людей, на действия животных и стихийных сил, происходящих в природе»²⁰. Мышление древних людей, как отмечает мыслитель, «...не делало различия между трудовыми действиями людей и стихийными действиями во внешней природе; ее предметы оно стало выделять, в качестве “орудий”, действующих независимо от руки человека; напр. солнце — орудие действия “греть”, снег — орудие действия “охлаждать”, и т.под.»²¹.

Первичные идеи, примененные для воспроизводства последовательности «не действий человека, а наблюдаемых им действий во внешней среде»²² использовались первобытным человеком для описания только тех стихийных явлений, «которые непосредственно, практически затрагивали людей»²³.

Сущность познания природы, по мнению А.А.Богданова, составляет та или иная форма причинной связи. Но эта связь согласно его взглядам не была заимствована из природы. «Природа непосредственно дает человеку смену одних явлений другими, их хронологическую *последовательность* [курсив А.Б.], но это не то же, — подчеркивает А.А.Богданов, — что причинность»²⁴. Связь причины находится, по мысли ученого, в социальной среде, в трудовых отношениях родовой общины, в условиях борьбы с природою. «В процессе борьбы с природою, — подчеркивает мыслитель, — человек подмечает известную последовательность и, выражая ее соответственным сочетанием слов, создает себе и своим сородичам как бы «техническое правило» явлений природы, которое облегчает его борьбу за существование»²⁵.

Отличие технического правила от возникающей впоследствии на основе разделения труда схемы причинной связи заключается, по мысли А.А.Богданова, в том, что в соответствии в первой схемой наличествует постоянная последовательность двух действий, противопоставление двух трудовых актов, напр. при натягивании и спускании тетивы лука, происходит у одного и того же лица, во второй схеме, как это мы увидим позже, — отношение постоянной последовательности соединит действия двух различных людей. Поэтому в период первобытного общества идея причинной связи вообще отсутствует. «Есть только, — отмечает автор «Тектологии», — стихийно сло-

жившаяся в опыте тысячелетий *привычка* [курсив А.Б.] — за одними действиями в самой группе и в природе ожидать определенных других действий, напр., за ударом камня — падения врага, за восходом солнца — пробуждения птиц и животных, за трением кусков дерева — их возгорания и т.под. Есть непосредственное трудовое отношение к миру, но нет никакого истолкования происходящих событий»²⁶.

Когда организаторский труд обособился от исполнительского, возникло авторитарное сотрудничество. Патриарх был работником-руководителем, «авторитетом», его слушались, ему подчинялись. Власть была демократичной. Авторитарное сотрудничество дало и авторитарную идею причинной связи, разделение души и тела, в итоге — анимизм. Из почитания предков-организаторов, культа *предков*, постепенно превращаемых в особые существа, возникла религия. В эпоху феодализма консерватизм авторитаризма усилился. Авторитарное мышление, как следствие разделения труда организаторского и исполнительского, порождает фетишизацию идеологических норм, отрыв идеологии от трудового процесса и от коллективного субъекта. Коллективный субъект замещается «организатором», «авторитетом», личностью сначала реальной, а впоследствии — символической. «На этом пути норма достигает того “абсолютного” или “отрешенного” характера, при котором она существует, “сама по себе”, независимо от жизненной практики, ее интересов и требований, — независимо только в мышлении фетишиста, разумеется»²⁷. В начале было Слово... Поэтому принцип анимистического монизма характеризуется «представлением всякой реальности, как сочетания двух начал, духовного и вещественного; при этом первое выступает как «свободное» начало, второе — как инертное»²⁸. Отношение к слову-понятию квалифицируется стихийностью, консерватизмом и индивидуализмом.

Идеологические отношения в этот период А.А.Богданов характеризует как натуральный фетишизм, предполагающий «такой взгляд на природу, для которого отношения вещей представлялись как отношения людей»²⁹. Это, по его мнению, первый тип мировоззрения, с помощью которого «человек впервые начал объяснять себе природу, искать связи явлений; и впервые возникло то, что сколь-нибудь подходит под термин «мировоззрение». Сущность этого мировоззрения составил натуральный фетишизм. <...> ...натуральный фетишизм представлял из себя именно такой взгляд на природу для которого отношения вещей представлялись как отношения людей»³⁰. Т.о. анимизм, или натуральный фетишизм, по мысли ученого, «предполагает незнание человеком сил и свойств предметов внешнего мира, т.е. недостаток власти человека над природою, преобладание власти природы над ним... превращает связь вещей

природы в авторитарное сотрудничество, т.е. в производственное отношение...»³¹.

Причем, с отделением организаторского труда (умственной силы патриарха) от исполнительского (грубо-физической силы всех остальных членов общины) человек привыкал видеть в отношениях людей, а в дальнейшем и в иных действиях внешнего мира «результат влияния организующей воли на более грубую силу — исполнительскую» и каждое «явление превращается для него в неразрывное сочетание двух элементов: воли, которая приказывает, и материальной силы, которая подчиняется». Так, по мнению А.А.Богданова, возникают в сознании людей «души вещей», которые «заменяли собой причины вещей»: если даже заметна только материальная сила, человек авторитарного общества не в состоянии понять ее без скрытой организующей воли и действительность «во всех своих проявлениях представлялась ему однородно-двойственной». В этом, по словам мыслителя, исток религиозного мировоззрения, возникающего из почитания предков-организаторов, и по сути являющегося формой натурального фетишизма, согласно которому «весь мир представляется вследствие этого управляемым богами-организаторами с высшим богом во главе»³². Именно религия, как считает ученый, является в рассматриваемый период всеобщей организацией опыта: «Объединяя в одно целое разрозненные и разбросанные данные трудового опыта, она способствовала сохранению в памяти людей массы практических знаний»³³.

«Когда примитивное мышление приобрело авторитарную схему причинной связи, — отмечает А.А.Богданов, — то чуждое всяких тонкостей и всякой критики, оно начинает оперировать ею повсюду как универсальным шаблоном»³⁴. И если даже какое-нибудь действие происходит без каких-либо повелений извне, авторитарное мышление, обрабатывает опыт по одной модели, т.е. всегда разделяет явления природы на организующую и исполнительскую составляющие. При этом, не умея укладывать понятия выражающие эти составляющие в один предмет. Человек просто удваивает природный и социальный мир на организаторскую «душу» и исполнительское «тело». Причем «“душа” вначале есть простое повторение “тела”, со всеми его физическими и биологическими свойствами»³⁵. «Тем же способом удваиваются в авторитарном сознании, — отмечает философ, — животные, растения и все прочие вещи. Все они обнаруживают иногда действия или изменения, для которых на том уровне знаний особой видимой причины найти не удастся, — и все получают, поэтому, собственные “души”, являющиеся точным повторением их “тел”. Это универсальный анимизм... <...> Анимизм есть начало всех “дуалистических” мировоззрений, т.е. таких, ко-

которые в природе видят две сущности, духовную и телесную, активно-организаторскую и пассивно-подчиненную»³⁶.

Другим организационным орудием этой эпохи являются социальные нормы — «правила общежития или обычаи», вначале рассматриваемые как «заветы предков», а затем — как «веления богов».

Каким же образом, согласно взглядов А.А.Богданова, именно специализированное производство орудий порождает «мир вещей» авторитарного общества из «мира действий» первобытной эпохи? «Переход от идеи “действия” к идее “предмета” или “вещи”, — как заключает мыслитель, — отнюдь не представлял резкого идеологического скачка. “Вещь” выступала в мышлении людей первоначально как устойчивый комплекс действий [курсив А.Б], с одной стороны, — человеческих (т.е. различных воздействий на предмет), с другой — действий, испытываемых человеком (т.е. различных воздействий от предмета); в ряду тех и других вместе, “вещь” и определяется, фиксируется в сознании, как их прочное единство, как их постоянная связь. Напр., орудие как особая “вещь”, познавательное объединяет совокупность тех трудовых актов, посредством которых оно сделано, с теми, которые с его помощью выполняются, и со всеми теми действиями, которые оно в свою очередь, и при его производстве, и при его применении производит на организм самого работника... <...> Таков сложный материал трудового опыта, организующийся в одном слове-понятии, которое служит для обозначения вещи... <...> ...весь этот материал представляет из себя кристаллизованную активность, прежде всего — социально-трудовую, и вслед за нею — активность внешнюю, стихийную, которая мыслится, так сказать, *через посредство* активности социально-трудовой, путем бессознательного уподобления. <...> ...понятия о “вещах” возникли раньше всего именно в виде понятий об “орудиях”, тогда, когда производство орудий [курсив А.Б], выделилось как особая область системы труда. “Вещи” могли фиксироваться в мышлении лишь благодаря тому, что само мышление систематически фиксировалось на них в процессе труда, а это соотношение впервые получилось при специализированном производстве орудий»³⁷. Ведь на предыдущей стадии развития, по словам А.А.Богданова, орудие не могло быть осознано неразвитым сознанием первобытного человека как самостоятельный комплекс именно ввиду его недифференцированности от тех элементарно-простых одинаково выполняемых любым из членов общины действий, для которых оно употреблялось. «...при специализированном производстве орудий, — отмечает дальше А.А.Богданов, — создаются объективные условия для мысленного разъединения самого орудия и его применений: делают орудия одни, а пользуются им чаще всего дру-

гие; для первых орудие выступает, как *постоянная цель* [курсив А.Б.] определенного, законченного цикла трудовых актов, для вторых — как необходимое условие их собственного труда, но такое условие, *за которым надо обращаться* [курсив А.Б.] к его производителям. И здесь и там отдельный символ стал социально нагружен, и он с течением времени вырабатывается, что глубоко преобразует строй речи и мышления людей»³⁸.

Аналогичным образом шла специализация в «изготовлении» и применении орудий-слов, орудий-жестов и др., использующихся патриархами с целью организации трудового процесса, отдачи соответствующих приказаний. «Роль организатора в производстве была особенной [выделение А.Б.] ролью и принадлежала только ему одному...»³⁹ — отмечает А.А.Богданов. С развития авторитарного сотрудничества, с зарождения статичности «мира вещей» на основе все более углубляющейся специализации организационного труда происходит, по мысли ученого, формирование идеи о мировой организации [выделение А.Б.], т.е. выработки универсального способа познавательной систематизации мира природных и социальных явлений, наиболее полно выражающейся в причинной связи. Но каким образом из авторитарного сотрудничества получается идея причинной связи? Вот как А.А.Богданов отвечает на этот вопрос: «В нем имеется постоянная последовательность организации [выделение А.Б.] фактов, а именно такая, что за действием организатора, — его распоряжением, — следует соответственно трудовое действие исполнителя. Но это не только последовательность действий; это их связь организационная, необходимая. Каждый член общины не может не сознавать, что распоряжение организатора вызывает или «причиняет» действие исполнителя, а отнюдь не только предшествует ему. Такова авторитарная причинность в первоначальном виде, как трудовое отношение. В ней есть и противопоставление организации [выделение А.Б.] причины со следствием: первая — действие одного человека, второе — другого; в ней имеется и сознание закономерности организации [выделение А.Б.]: распоряжение должно [выделение А.Б.] влечь за собой выполнение; это жизненная, реальная необходимость, какая только и доступна неразвитому мышлению»⁴⁰.

«Содержание “причинности”, — подчеркивает А.А.Богданов, — образует *постоянная связь явлений, как основа их предвидения* [курсив А.Б.]»⁴¹.

Говоря о значении схемы причинной связи для мировоззрения А.А.Богданов отмечает, что она «...на всем протяжении культурной истории человечества, развиваясь и изменяя свои формы, остается центральным, организующим принципом всякого мировоззрения»⁴².

Отличия причинной связи от всех других типов связей, в которых «в процессе труда или борьбы тесно сплетаются человеческие действия, их соотношение не обладает характером устойчивости и необходимости, — на тот или иной акт человека А, сотрудника или врага, но не организатора, человек В может реагировать различно, смотря по обстоятельствам», в случае схемы причинной связи «одно из них является организаторским, другое — соответственно исполнительским [курсив А.Б.]»⁴³.

Отвечая на вопрос каким путем возникшая схема причинности стала универсальной, А.А.Богданов пишет: «Благодаря основной метафоре явления внешней природы мыслились посредством понятий, относившихся по первичному и точному своему смыслу, к деятельности людей, и естественно, что они мыслились в тех же формах, как эта деятельность, — так что и постоянная связь внешних явлений представлялась, как постоянная связь человеческих трудовых актов. <...> Привычная последовательность двух явлений усваивалась в таком виде, что одно из них вызывает и определяет другое, как указание или приказание организатора вызывает и определяет поступки исполнителя»⁴⁴. «Приказание чаще всего отдается посредством слова [выделение А.Б] (хотя не всегда: иногда и посредством движения руки, глаз т.под.), — подчеркивая особую роль слова, отмечает А.А.Богданов. — Поэтому в древнейших мировоззрениях именно слово выступает как основной тип причины. Во многих мифологиях слово, а именно творческое повеление, представляется причиной всех вещей и самого возникновения мира»⁴⁵. «...отсюда, — подчеркивает мыслитель, — возникли свойственные всем племенам и народам на ранних ступенях культуры идеи магизма [курсив А.Б], власти заклинаний и других словесных формул над явлениями природы, предания о сотворении вещей и управлении ими посредством простых приказаний со стороны верховного авторитета, и т.п.»⁴⁶.

Авторитарная схема причинности, как отмечает А.А.Богданов, с развитием распространяется на мир, на весь трудовой опыт. «Тем самым, — подчеркивает мыслитель, — она все более укрепляется и становится прочнейшим, постоянно действующим механизмом в системе мышления; всякий материал опыта, попадающий в этот механизм, как бы автоматически им приводится в тот именно вид, который соответствует схеме, т.е. дробится на активно-организаторский и пассивно-исполнительский моменты, раздваивается по этой линии. Напр. в реально-нераздельном комплексе, каким является солнце с его светом и теплотой, солнце обособляется, как причина, свет и тепло — как вызываемые им следствия и т.п.»⁴⁷. «...несмотря на свою фетишистическую оболочку, — отмечает А.А.Богданов, —

эта схема приобретает громадное значение для социально-трудового процесса, как форма предвидения, как опора всякой планомерной техники, всякой сознательно-целесообразной деятельности»⁴⁸. «В предвидении, — подчеркивает ученый — заключается ее огромное техническое и, вообще, практическое значение, благодаря которому она становится универсальной...»⁴⁹. «Мы видим, — продолжает А.А.Богданов, — что в этой фазе *«причинность»* [курсив А.Б.] вполне фетишистична, *отношения вещей* [курсив А.Б.] она представляет, как отношения людей»⁵⁰.

Общество в этот период охватывало уже целые сотни тысяч, даже миллионы людей, и это обстоятельство определенным образом налагало отпечаток на идеологические отношения, что способствовало развитию такого средства организации как язык, «который в рассматриваемый период, действительно, достиг огромного богатства выражений и гибкости», «увеличилось во много раз количество слов», «создалось много видов их сочетаний и видоизменений»⁵¹, напр. склонения и спряжения. Поскольку «общество представляло длинную иерархическую лестницу, где каждая низшая инстанция подчинялась высшей» и «роль каждого сословия в его организации была особою, иной, чем роль других», религиозный воображаемый мир «населяется богами, полубогами и высшими богами, которые в иерархической феодальной цепи, управляют разными стихиями природы и всей системой в целом»⁵², а нормы права и нравственности оказывались различными для разных сословий. И хотя феодальная идеология была крайне консервативна, все новое в жизни и технике преследовалось как ересь и безбожие, поскольку «затрудняло положение руководящих сословий, угрожало подрывом основ их авторитета», консерватизму «мышления противостояли разросшаяся и усложнившаяся социальная система и громадный, тысячелетиями накопленный опыт, благодаря которому сумма элементов развития во много раз превзошла прежнюю»⁵³.

Постепенное развитие менового общества порождает индивидуалистическую идеологию товарно-фетишистского характера. Характерный для такого общества метафизический тип мышления «отличается, главным образом, своей бессодержательностью: это тенденция, направленная к обобщениям настолько отвлеченным, что в них всякое конкретное содержание исчезает и остается лишь слово [выделено А.Б.]»⁵⁴, поэтому и отношение к словам-понятиям в этот период характеризуется пластичностью, сознательностью и в еще большей степени индивидуализмом.

В общественном сознании не смотря на господство авторитарного мировоззрения постепенно начинали складываться элементы новой идеологии. Меновый фетишизм как одно из таких проявлений, пред-

ставлял из себя неспособность производителя понять общественный характер его труда, которым произведен продукт, его связь с другими производителями, «совместность» в борьбе с природой, по причине того, что ценность или стоимость товара «представляется ему непременно в виде известного количества денег, а не в виде известного количества труда», и кажется естественным вывод о том, что «ценность — способность продаваться за известную сумму денег — есть свойство товара самого по себе, свойство, не зависящее от людей, от общества вообще — естественное свойство товара»⁵⁵. А.А.Богданов заключает: «Не имея возможности постигнуть, что в обмене выражается трудовая совместность людей в борьбе с природой, т.е. общественное отношение людей, товарный фетишизм считает способность товаров к обмену внутренним, природным свойством самих товаров. Таким образом то, что в действительности представляет из себя отношения людей, кажется ему отношением вещей [выделено А.Б.]. Меновый фетишизм является, следовательно, противоположностью натурального, который представлял отношения вещей, как отношения людей»⁵⁶. Кроме того, А.А.Богданов выделяет «денежный фетишизм», порождающий ненасытную жажду накопления, поскольку производителю кажется, что «он за деньги может купить все, что ему угодно, и что степень удовлетворения его потребностей зависит исключительно от того количества денежных средств, которым он располагает»⁵⁷. И, наконец, «фетишизм частной собственности», которая по сути «есть общественное отношение, отношение общества к данной личности и к данным вещам одновременно»⁵⁸, также появляется с развитием обмена и является иллюзией индивидуального хозяйства.

Общественное сознание этого периода, по мнению А.А.Богданова, продолжало развиваться в индивидуалистическом духе. По мере установления торговых связей с различными отдаленными областями расширялся интеллектуальный кругозор людей, изучались экономические и юридические условия разных стран, их языки, нравы и обычаи. Для этих целей на замену школ духовенства создавались светские школы, Натуральный фетишизм деградировал, зато развивался и укреплялся фетишизм товарный. «Тесно связанная с ним страстная жажда денег, неутомимое их искание, — подчеркивает мыслитель, — характерная черта второй половины средних веков и начала нового времени. Ради одной и той же цели предпринимались упорные исследования алхимиков и дальние путешествия авантюристов; философский камень и Индия играли одинаковую роль в психологии того времени»⁵⁹. Именно в этот период, когда европейское общество вновь достигло того уровня меновых отношений, на которой стоял античный мир в эпоху своего

расцвета, совершилось «возрождение наук и искусств», т.е. оказалось востребованным наследство древнего мира в виде юридических, литературных и художественных образцов, которое «облегчило и ускорило образование новых форм мышления и деятельности»⁶⁰.

В связи с этим, не случайно, что в качестве принципа мышления для меновых обществ А.А.Богданов выделяет принцип отвлеченной причинной связи, лежащий в основе отвлеченных, метафизических мировоззрений. Эта связь представляется ему «по образцу экономической необходимости: скрытая за явлениями естественная необходимость порождает и причины, и их следствия; следствие необходимо наступает вслед за причиной, в этом вся их зависимость. Следствие может и качественно, и количественно отличаться от причины, быть насколько угодно иным, чем она, быть больше или меньше ее»⁶¹.

В связи с возрастанием сложности организаторской деятельности идеология этого периода характеризуется усиленным спросом на умственный труд и быстрым ростом буржуазной интеллигенции, не встречающей материальных препятствий для своего развития. Усиление влияния процесса технического на прогресс познания, широкое использование машинного производства, увеличение количества познавательного материала ведет к преобразованию форм и методов научного исследования, к созданию крупных научных институтов и лабораторий, увеличению числа научных работников, обеспечению их высокоточной и производительной техникой, что в свою очередь готовит почву для новых идеологических тенденций. При этом, натуральный фетишизм постепенно сходит со сцены, находя опору лишь, в отсталых и вырождающихся слоях общества. Индивидуализм и товарный фетишизм первоначально находят свое выражение в идеале индивидуальной свободы, «в первую очередь экономической, затем политической и идейной», являющейся альтернативой авторитетам прошлого. Но поскольку эта свобода «на деле являлась свободой развития для буржуазии, но в то же время свободой эксплуатации ею пролетариата», постольку для пролетариата она являлась свободой формальной и абстрактной, и, таким образом, способствовала его борьбе «за материальную [выделено А.Б.] свободу развития для себя». В этих условиях буржуазия совершила поворот в сторону использования авторитарных сторон общественного строя, «которые сохранились в виде капиталистического государства с его бюрократией и армией, в виде подчинения рабочего на фабрике»⁶², т.е. идеал свободы поменяла на идеал порядка, охраняемого милитаризмом.

Отрыв познания от коллективной практики возрастает в мышлении товаропроизводителя. Для человека — все, природа и другой человек,

превращаются «в принципиальную тайну». Фетишизм падет в «эпоху собирания человека», как следствие культурной революции, порожденной машинным производством. История создает синтез тех элементов человека, которые она ранее обособила, начиная с синтеза организаторской и исполнительской социально-трудовой деятельности: «Техника машинного производства практически преодолевает не только авторитарное разделение труда, но также и специализацию в собственном смысле слова. Специализация переносится с человека на машину, и работник тем самым освобождается от ее угнетающего влияния на его жизнь и развитие»⁶³. Распадение первобытного коллектива привело к развитию фетишизма в идеологии, возникновение новейшего коллектива ведет к падению фетишизма в идеологии. Пролетарский коллективизм порождает коллективистскую идеологию, жизненно-ясную и прозрачную. Так разрешится современный кризис идеологии. Мучительный «пролог истории» приходит к концу: «Складывается новый, гигантский и стройный коллектив, неизмеримо превосходящий силою и богатством жизни свои первобытные прообразы. Он готовится взять в свои руки все материальные орудия труда, и шаг за шагом приходит к пониманию своих идеальных орудий — познавательно овладевает ими. Тернист и труден его путь; огромна организационная работа, которую должен он выполнить; а бесчисленные вампиры прошлого впиваются в его тело и жадно пьют его кровь...»⁶⁴. Таков был исторический прогноз А.А.Богданова в 1910 г. Будущее оказалось гораздо более противоречивым, чем виделось в начале XX века. Но было бы неверным считать этот прогноз полностью утопическим... Однако, вернемся к характеристике четвертого идеологического принципа А.А.Богданова.

Общественную идеологию новой общественной организации А.А.Богданов характеризует тремя чертами: с одной стороны, высшей степенью социальности, духом коллективизма; с другой, — отсутствием всякого фетишизма; с третьей, — прогрессивным устранением «принудительных норм и вообще элементов принуждения и общественной жизни»⁶⁵. А отношение словам-понятиям — в свою очередь сознательностью, пластичностью и коллективизмом. Этот высший принцип синтетического монизма, с одной стороны, диктует необходимость «рассматривать все человеческие действия как вполне закономерные, в п о л н е обусловленные», а с другой, — «как тождественные по существу, различные лишь по условиям их выполнения». Поэтому А.А.Богданов задается соответствующими вопросами: «Не есть ли это приспособление к возрастающей однородности особей, однородности, благодаря которой действия людей при сходных условиях становятся все более сходны, и каждый человек на основании личного психического опыта получает все более возможности предви-

деть действия других людей и заранее приспособляться к ним?»; «Не есть ли это — приспособление к возрастающему единству технических методов в автоматически-машинном производстве самых различных [выделено А.Б.] продуктов?»; и как результат — «Не есть ли это необходимое приспособление к основной технической тенденции машинного производства — уменьшать затраты человеческой энергии путем применения энергии внешней природы?»⁶⁶.

В качестве нового типа причинной связи в этом случае должна выступить трудовая причинность. По мнению А.А.Богданова, организованное товарищеское сотрудничество, на основе которого ведется борьба против власти экономических отношений над людьми, приведет к неограниченно возрастающему господству человека над природой. Осмысление этих отношений будет представлять собой схему, в которой «причина — технический источник следствия, та энергия, за счет которой оно получается; причина и следствие равны между собой»⁶⁷. К этой форме причинности, по мысли ученого, сводится в своей всеобщей форме и подстановка, произошедшая «из отношения между высказываниями с одной стороны и их содержанием с другой, между символами и тем, что символизируется»⁶⁸. Как отмечает А.А.Богданов, подстановка, применяемая в различных объяснительных теориях бессистемно и неорганизованно на ранних этапах общественного развития (в авторитарных и меновых обществах), имея тенденцию «к замене меньшего и более организованного опыта более богатым и слабее организованным, т.е. дающим большую сумму комбинаций и легче поддающаяся обработке», в своей научной форме «должна быть сведена к социально-трудовой причинности». В этом случае, подстановка приобретает форму непрерывности и всеобщности и приводит к монистической картине мира, согласно которой «вселенная представляется нам, как бесконечный поток организующих активностей» от «бесконечно малой организованности» «первичной мировой среды» до значительно более высокоорганизованных уровней неорганической и органической природы вплоть до высшего предела для нас — «человеческого коллектива»⁶⁹.

«Такова, — подчеркивает А.А.Богданов, — наша картина мира: непрерывный ряд форм организации элементов, форм, развивающихся в борьбе и взаимодействии, без начала в прошлом. Без конца в будущем»⁷⁰.

POST SCRIPTUM

«Когда приходится вести борьбу со своими, то приятно иметь противниками людей, которых можешь уважать. “Мне не дано этого счастья”, — констатировал в конечном счете А.А.Богданов и спрашивал своих оппонентов: “Скажите, наконец, прямо, что такое ваш марксизм, наука или религия? Если он наука, то каким образом, когда все другие науки за эти десятилетия пережили огромные перемены, он один остался неизменным? Если религия, то неизменность понятна; но тогда так и скажите, а не лицемерьте и не протестуйте против тех, кто остатки былой религиозности одевает в религиозную терминологию. Если марксизм истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он — уже ложь»¹.

Победившая в России большевистская, идеологизированная и политизированная версия марксизма превращалась и в условиях тоталитаризма превратилась в разновидность светской религии. Это созданное И.В.Сталиным и его псаломщиками вероучение оказалось основой тоталитарной духовности. Религия вообще апеллирует к потустороннему к Богу, светская религия апеллирует к стоящему «по ту сторону» бытия вождю, носителю абсолютного знания.

Возможность религиозной интерпретации марксизма А.А.Богданов усматривал в ленинской трактовке истины, справедливо полагая, что если есть абсолютная истина, как таковая, то обязательно должны быть те, которые решают, какая истина абсолютна. Необходим Некто, имеющий власть и право определять это и отлучать всех сомневающихся. Абсолютная истина требует авторитета, будь это жрец, «вожак», лидер; сомневающийся выглядит не просто еретиком, а преступником. И это, полагает А.А.Богданов, не отвлеченный вопрос, это вопрос об идейном рабстве или свободе, о стаде или сознательном коллективе. В записных книжках 1925–1927 гг. есть заметка: «В борьбе за единоличную диктатуру он (В.И.Ленин — К.Л.В.Т.) был объективно прав: таков был уровень его стада»².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ИЗ БИОГРАФИИ

¹ *Богданов А.А.* Докладная записка А.А.Богданова на имя Н.А.Семашко, Н.И. Бухарина, И.В.Сталина о работе Института переливания крови (19 января 1928 г.) // *Неизвестный Богданов*: В 3 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 137.

² *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 43.

³ *Богданов А.А.* Докладная записка... С. 142.

⁴ Там же.

⁵ Начало очередной, но несравненно более агрессивной политико-идеологической кампании против А.А.Богданова, положил злостный пасквиль А.Щеглова «Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма». М., 1937.

⁶ *Бухарин Н.И.* Памяти А.А.Богданова // *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 346.

⁷ *Богданов А.А.* Автобиография А.А.Богданова (Малиновского) (1925 г.) / *Неизвестный Богданов*: В 3 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 18—21.

⁸ *Мир Божий.* 1903. № XI. С. 12.

⁹ *Удальцов А.* К критике теории классов у А.А.Богданова // *Под Знаменем Марксизма.* 1922. № 7—8. С. 82.

¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 12.

¹¹ *Ленин В.И.* Соч. Т. XIII. Изд. 3-е. М., 1935. С. 317.

¹² Там же. С. 324.

¹³ *Под Знаменем Марксизма.* 1923. № 8—9. С. 285.

¹⁴ *Философы России XIX—XX столетий.* М., 1995. С. 246.

¹⁵ *Под Знаменем Марксизма.* 1926. № 1—5.

¹⁶ *Ищенко Т.* Краткий философский словарь. М., 1930. С. 32.

¹⁷ *Гоникман С.* Исторический материализм. М.—Л., 1931. С. 264.

¹⁸ См. обобщающие работы: *Dietrich Grille / Lenins Rivale Bogdanov und seine Philosophie.* 1966. Gorzka G. *Bogdanov und russische Proletkult.* F. A. M., 1980.

¹⁹ *Межгосударственная научная конференция «Богдановские чтения».* Гродно, 1994.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.А.БОГДАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ДОМАРКСИСТСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

¹ *Богданов А.* Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. III. СПб., 1906. С. IV.

² *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. С. 210.

³ *Богданов А.* Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. II. СПб., 1906. С. 6.

⁴ *Богданов А.* Учение об аналогиях // *Вестник Соц. Академии.* 1923. Кн. 2. С. 97.

- ⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании. М., 1918. С. 216.
- ⁶ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. II. М., 1956. С. 148.
- ⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 438.
- ⁸ Богданов А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Петербург, 1913. С. 49.
- ⁹ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма: Сб. первый. СПб., 1909. С. 53.
- ¹⁰ Там же. С. 54.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Богданов А. Философия живого опыта. С. 48.
- ¹⁵ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 55.
- ¹⁶ Богданов А. Философия живого опыта. С. 49.
- ¹⁷ Там же. С. 48.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 49.
- ²⁰ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 55.
- ²¹ Там же. С. 54.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 55.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Богданов А. Философия живого опыта. С. 71.
- ²⁸ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 58.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Богданов А. Философия живого опыта. С. 70.
- ³¹ Там же. С. 70.
- ³² Там же. С. 64.
- ³³ Там же. С. 64—65.
- ³⁴ Там же. С. 103.
- ³⁵ Там же. С. 107.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 108.
- ³⁸ Там же. С. 144.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 59.
- ⁴¹ Богданов А. Философия живого опыта. С. 144.
- ⁴² Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 58.
- ⁴³ Богданов А. Философия живого опыта. С. 144.
- ⁴⁴ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 58—59.

НАТУРФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

- ¹ Богданов А. Философия живого опыта. М., 1913. С. 76.
- ² Там же. С. 102.
- ³ Там же. С. 76.
- ⁴ Там же. С. 101.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 74.
- ⁷ Там же. С. 75.
- ⁸ Там же. С. 102.
- ⁹ Там же. С. 76.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 102.
- ¹² Там же. С. 142.
- ¹³ Там же. С. 109—110.
- ¹⁴ Там же. С. 112.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Термин «формальные причины» означают у Ф.Бэкона, в толковании А.А.Богданова, общую основу этих явлений, их «природу» (См.: *Богданов А. Философия живого опыта* М., 1913. С. 120.). В индуктивном методе Ф.Бэкона А.А.Богданов видит истоки абстрактного индуктивного метода, применяемого им самим в дальнейшем.

¹⁸ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 121.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 113.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

АБСТРАКТНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

¹ *Богданов А. Философия живого опыта*. М., 1913. С. 102.

² Там же.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 80—81.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же. С. 103.

⁸ Там же. С. 82—83.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 84—85.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 103.

¹⁴ Там же. С. 85.

¹⁵ Там же. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 87.

¹⁷ Там же. С. 87—88.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Анаксагоровский термин «гомеомерии» происходит от греч. *Homoios* — подобный, сходный, одинаковый и *meros* — часть и означает группы взаимно подобных частиц. См.: *Богданов А. Философия живого опыта* М., 1913. С. 79. Прим.

²² А.А.Богданов высоко оценивает взгляды Анаксагора, в частности в работе «Познание с исторической точки зрения», как это будет показано далее, его рассмотрение внешней и внутренней истории формы определенным образом перекликается с данным положением Анаксагора.

²³ Там же. С. 78—79.

²⁴ Там же. С. 79.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Там же. С. 88.

²⁸ Там же. С. 90.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 91.

³¹ Там же. С. 92.

³² Там же. С. 93.

³³ Там же. С. 92.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Социоморфизм, по мысли А.А.Богданова, предполагает «представление о мире по образу и подобию общественной среды», когда «схемы отношений общественных переносятся на отношения вселенной, социальная практика берется за модель миропонимания». См.: *Богданов А. Философия живого опыта*. М., 1913. С. 94.

³⁷ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 94.

³⁸ Там же. С. 142.

³⁹ *Богданов А. Социализм науки* // *Богданов А. Вопросы социализма*. М., 1990. С. 366—367.

⁴⁰ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 123.

⁴¹ Там же. С. 123.

⁴² Там же.

⁴³ *Богданов А. Социализм науки*. С. 362.

⁴⁴ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 123.

⁴⁵ *Богданов А. Социализм науки*. С. 362.

⁴⁶ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 123.

⁴⁷ *Богданов А. Социализм науки*. С. 386—387.

⁴⁸ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 124.

⁴⁹ Там же. С. 124.

⁵⁰ Там же. С. 125.

⁵¹ Там же.

⁵² *Богданов А. Социализм науки*. С. 388.

⁵³ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 124.

⁵⁴ Там же. С. 149.

⁵⁵ Там же. С. 125.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 122.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

¹ *Богданов А. Философия живого опыта*. М., 1913. С. 143.

² Там же. С. 95—96.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 97. Прим.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Там же. С. 97—98.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 104.

¹³ Там же. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 104.

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Там же. С. 99.

¹⁷ Там же. С. 98—99.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 99.

²² Там же. С. 100.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 101.

²⁵ Там же. С. 104.

²⁶ Там же. С. 101.

²⁷ Согласно «учению о врожденных идеях», по мнению А.А.Богданова, в «человеческой душе принимается ряд элементов высших, властных, руководя-

щих, и ряд низших, пассивных, подчиненных». См.: *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 127.

²⁸ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 127.

²⁹ Там же. С. 126. Прим.

³⁰ Там же. С. 127. Прим.

³¹ Там же. С. 126.

³² Там же. С. 127.

³³ Там же. С. 126.

³⁴ Там же. С. 127.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 128.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 143.

⁴⁰ Там же. С. 128.

⁴¹ Там же. С. 129.

⁴² Там же.

⁴³ Экономическая необходимость, закономерно определяющая жизнь людей, действует с одной стороны, с другой, ей противостоит случайность конкуренции, возвышающая одних, и низвергающая других.

⁴⁴ *Богданов А. Философия живого опыта*. С. 226.

⁴⁵ Там же. С. 130.

⁴⁶ Там же. С. 129.

⁴⁷ Там же. С. 143.

⁴⁸ Там же. С. 130.

⁴⁹ Там же. С. 131.

⁵⁰ Там же. С. 132.

⁵¹ Там же.

НОВЕЙШИЙ ЭМПИРИЗМ

¹ *Богданов А.А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма: Сб. первый. СПб., 1909. С. 38.*

² Там же.

³ Там же. С. 39—40.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Там же. С. 44—45.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ *Богданов А. Философия живого опыта. СПб., 1913. С. 147—148.*

¹⁶ *Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 45.*

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ *Богданов А. Философия живого опыта. С. 147.*

¹⁹ *Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 47—48.*

²⁰ Там же. С. 50.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 50—51.

²³ *Богданов А. Философия живого опыта. С. 145—146.*

²⁴ *Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 48—49.*

²⁵ *Богданов А. Философия живого опыта. С. 146.*

²⁶ *Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 49.*

²⁷ *Богданов А. Философия живого опыта. С. 146.*

- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 147.
- ³⁰ Там же. С. 149.
- ³¹ Там же. С. 152.
- ³² Там же. С. 152—153.
- ³³ Там же. С. 159.
- ³⁴ Там же. С. 158.
- ³⁵ Там же. С. 159—160.
- ³⁶ Там же. С. 160.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 162.
- ³⁹ Там же. С. 162—163.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 164.
- ⁴² Там же. С. 175.
- ⁴³ Там же. С. 164.

ГЕНЕЗИС ДОМАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

¹ Термин «диалектика» происходит от греч. «*dialegomai*» — «разговаривать, спорить». См.: *Богданов А.* Философия живого опыта. СПб, 1913. С. 179.

² *Богданов А.* Философия живого опыта. СПб, 1913. С. 179—180.

³ Там же. С. 181—182.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Там же. С. 184.

⁶ Там же. С. 180.

⁷ Там же. С. 180.

ДИАЛЕКТИКА ДРЕВНИХ

¹ *Богданов А.* Философия живого опыта. СПб, 1913. С. 184.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 185—186.

⁴ Там же. С. 183—184.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ Там же. С. 192—193.

НЕМЕЦКАЯ ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

¹ *Богданов А.* Философия живого опыта. СПб, 1913. С. 191.

² Там же. С. 193—194.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 186.

⁸ Там же. С. 187.

⁹ Там же. С. 186—187.

¹⁰ Там же. С. 187.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 188—189.

¹³ Там же. С. 187.

¹⁴ Там же. С. 218.

¹⁵ Там же. С. 188.

¹⁶ Там же. С. 187—188.

¹⁷ Там же. С. 188—189.

¹⁸ Там же. С. 218.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 191.

²¹ Там же. С. 192.

- ²² Там же. С. 189.
- ²³ Там же. С. 189—190.
- ²⁴ Там же. С. 190.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 426.
- ²⁷ Там же. С. 427.
- ²⁸ Нарский И.С. Категории современной науки // Вопр. философии. 1985. № 5. С. 153.
- ²⁹ Богданов А.А. Тайна науки // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 409.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА Л.ФЕЙЕРБАХА

- ¹ Богданов А. Философия живого опыта. СПб, 1913. С. 194.
- ² Там же. С. 197.
- ³ Богданов А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 29.
- ⁴ Там же. С. 30.
- ⁵ Богданов А.А. Философия живого опыта. С. 195.
- ⁶ Там же. С. 195—196.
- ⁷ Там же. С. 195.
- ⁸ Там же. С. 194.
- ⁹ Там же. С. 195.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 196.
- ¹³ Там же. С. 197.
- ¹⁴ Там же. С. 196.
- ¹⁵ Там же. С. 197.

ПРАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ К.МАРКСА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭМПИРИОМОНИЗМА И ТЕКТОЛОГИИ А.А.БОГДАНОВА

- ¹ Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 275.
- ² Богданов А. Памяти великого учителя: Маркс и его дело (5 мая 1818 — 14 марта 1883) // Богданов А.А. Тектология: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 341.
- ³ Там же. С. 341.
- ⁴ Богданов А. Памяти великого учителя. С. 341.
- ⁵ Богданов А.А. Социализм науки // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 367.
- ⁶ Богданов А. Из психологии общества. С. 272.
- ⁷ Там же. С. 276.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Богданов А.А. Социализм науки. С. 367.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 367—368.
- ¹² Там же. С. 368.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Богданов А. Наука об общественном сознании. М., 1918. С. 212.
- ¹⁵ Богданов А. Памяти великого учителя. С. 344.
- ¹⁶ Богданов А. Философия живого опыта М., 1913. С. 93.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Богданов А. Памяти великого учителя. С. 344.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Богданов А. Философия живого опыта. С. 198.
- ²¹ Там же. С. 219.
- ²² Там же. С. 198.

- ²³ Богданов А. От философии к организационной науке // *Неизвестный Богданов*. Кн. 1. М., 1995. С. 110.
- ²⁴ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // *Очерки философии коллективизма*: Сб. первый. СПб., 1909. С. 125.
- ²⁵ Там же. С. 125—126.
- ²⁶ Богданов А. От философии к организационной науке. С. 110.
- ²⁷ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 126.
- ²⁸ Богданов А. От философии к организационной науке. С. 110.
- ²⁹ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя. С. 127.

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПРАКТИКИ И ИДЕОЛОГИИ

- ¹ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // *Очерки философии коллективизма*: Сб. первый. СПб., 1909. С. 126.
- ² Богданов А. От философии к организационной науке // *Неизвестный Богданов*. Кн. 1. М., 1995. С. 110.
- ³ Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // *Очерки философии коллективизма*: Сб. первый. СПб., 1909. С. 126—127.
- ⁴ Богданов А. Философия живого опыта. М., 1913. С. 219.
- ⁵ Там же. С. 198.
- ⁶ Богданов А. Наука об общественном сознании. М., 1918. С. 3.
- ⁷ Богданов А. Философия живого опыта. С. 198.
- ⁸ Там же. С. 219.
- ⁹ Там же. С. 198—199.
- ¹⁰ Там же. С. 199.
- ¹¹ Там же. С. 219.
- ¹² Там же. С. 199.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 200.
- ¹⁵ Там же. С. 199.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

- ¹ Богданов А. Новые точки зрения в экономической науке (Ответ Туган-Барановскому) // *Научное обозрение*. 1900. № 8. С. 1437—1438.
- ² Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. С. 68.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 212.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 448.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 94.
- ⁷ Богданов А. Философия живого опыта. М., 1913. С. 199.
- ⁸ Там же. С. 200.
- ⁹ Там же. С. 200.
- ¹⁰ Там же. С. 220.
- ¹¹ Там же. С. 219.
- ¹² Там же. С. 220.
- ¹³ Там же. С. 201.
- ¹⁴ Там же. С. 203.
- ¹⁵ Там же. С. 208.
- ¹⁶ Там же. С. 209.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- ¹ Богданов А. Философия живого опыта. П., 1923. С. 186.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 123.
- ³ Там же.
- ⁴ Садовский В. Эмпириомонизм Богданова: забытая глава философии науки // *Вопр. философии*. 1995. № 8. 52.
- ⁵ Богданов А. Философия живого опыта. Пг., 1923. С. 181.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 222.

⁸ Уайт Д. От философии к всеобщей организационной науке: источники и предшественники тектологии А.Богданова // *Вопр. философии*. 1995. № 8. С. 46.

ТВОРЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ А.А.БОГДАНОВА К К.МАРКСУ

¹ Богданов А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Ч. III. 1906. С. 1.

² Там же. С. XII.

³ Там же. 1906. С. 149.

⁴ Богданов А. Приключения одной философской школы. СПб., 1908. С. 66.

⁵ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник (1904—1914) // *Неизвестный Богданов*. Кн. 1. М., 1995. С. 28.

⁶ Там же.

Глава 2

ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО МОНИЗМА К ТЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ ЕДИНСТВУ МИРА

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА К.МАРКСА

¹ Покровский М.Н. А.А.Богданов скончался 7 апреля 1928 г. // *Вестник Коммунистической Академии*. 1928. № 26. С. VI.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 243.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 35.

⁴ Цит. по.: Богданов А. Об основном историзме политической экономии: Письмо в редакцию // *Вестник коммунистической академии*. 1924. С. 399.

ОБОСНОВАНИЕ ДИНАМИЧЕСКОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

¹ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. М., 1918. С. 9.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 13—14.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Богданов А. Познание с исторической точки зрения: Избр. психол. труды. Москва-Воронеж, 1999. С. 245.

⁸ Там же. С. 245.

⁹ Там же. С. 247.

¹⁰ Там же. С. 248.

¹¹ Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. С. 11.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 249.

¹⁶ Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 12—13.

¹⁷ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 246.

¹⁸ Там же. С. 247.

¹⁹ Там же. С. 249—250.

²⁰ Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 18. Прим.

²¹ Там же. С. 18.

²² Там же. С. 14.

²³ Там же. С. 15.

²⁴ Там же. С. 16. Прим.

²⁵ Там же. С. 16.

- ²⁶ Там же. С. 17.
- ²⁷ Там же. С. 26.
- ²⁸ Там же. С. 44—45.
- ²⁹ Там же. С. 49.
- ³⁰ Там же. С. 48.
- ³¹ Там же. С. 49.
- ³² Там же. С. 44—45.
- ³³ Цит. по: *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 27.
- ³⁴ *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 29.
- ³⁵ Там же. С. 30.
- ³⁶ Там же. С. 50.
- ³⁷ Там же. С. 50. Прим.
- ³⁸ Цит. по: *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 27.
- ³⁹ *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 31.
- ⁴⁰ Там же. С. 32.
- ⁴¹ Там же. С. 50.
- ⁴² Цит. по: *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 27.
- ⁴³ Там же. С. 36.
- ⁴⁴ Там же. С. 51—52.
- ⁴⁵ Там же. С. 52.
- ⁴⁶ Там же. С. 53.
- ⁴⁷ Там же. С. 59—60.
- ⁴⁸ Там же. С. 61.
- ⁴⁹ *Богданов А.* Познание с исторической точки зрения. С. 247.
- ⁵⁰ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. М., 1922. С. 12.
- ⁵¹ *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. С. 5.
- ⁵² *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 10.
- ⁵³ *Богданов А.* Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. М., 1917. С. 35.
- ⁵⁴ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 11.
- ⁵⁵ Там же. С. 8.
- ⁵⁶ Там же. С. 11.
- ⁵⁷ *Богданов А.* Введение в политическую экономию. С. 36.
- ⁵⁸ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 11—12.
- ⁵⁹ Там же. С. 12.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВА

- ¹ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. М., 1922. С. 5.
- ² Там же. С. 8.
- ³ *Мехряков В.Д.* Современная экономическая наука через призму взглядов Богданова А.А. // Вестник Международного института Александра Богданова. 2000. № 1. С. 40—41.
- ⁴ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 12.
- ⁵ Там же. С. 12.
- ⁶ Там же. С. 13.
- ⁷ Там же. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 16—17.
- ⁹ Там же. С. 19.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 20.
- ¹² Там же. С. 22.
- ¹³ Там же. С. 23.
- ¹⁴ Там же. С. 24.
- ¹⁵ Там же. С. 25.
- ¹⁶ Там же. С. 24.

- ¹⁷ Там же. С. 25.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Там же. С. 27.
- ²⁰ Там же. С. 31.
- ²¹ Там же. С. 32.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 33.
- ²⁴ Там же. С. 43.
- ²⁵ Там же. С. 47.
- ²⁶ Там же. С. 48—49.
- ²⁷ Там же. С. 52.
- ²⁸ Там же. С. 56.
- ²⁹ Там же. С. 60.
- ³⁰ Там же. С. 63.
- ³¹ Там же. С. 69.
- ³² Там же. С. 70.
- ³³ Там же. С. 70—71.
- ³⁴ Там же. С. 71.
- ³⁵ Там же. С. 76.
- ³⁶ Там же. С. 77.
- ³⁷ Там же. С. 80.
- ³⁸ Там же. С. 81.
- ³⁹ Там же. С. 82.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 93.
- ⁴² Там же. С. 94.
- ⁴³ Там же. С. 108.
- ⁴⁴ Там же. С. 96.
- ⁴⁵ Там же. С. 100.
- ⁴⁶ Там же. С. 109.
- ⁴⁷ Там же. С. 117.
- ⁴⁸ Там же. С. 118.
- ⁴⁹ Там же. С. 119.
- ⁵⁰ Там же. С. 120.
- ⁵¹ Там же. С. 121.
- ⁵² Там же. С. 126.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 131.
- ⁵⁵ Там же. С. 134.
- ⁵⁶ Там же. С. 134—135.
- ⁵⁷ Там же. С. 157—158.
- ⁵⁸ Там же. С. 197.
- ⁵⁹ Там же. С. 201.
- ⁶⁰ Там же. С. 204.
- ⁶¹ Там же. С. 205.
- ⁶² Там же. С. 207.
- ⁶³ Там же. С. 215.
- ⁶⁴ Там же. С. 220.
- ⁶⁵ Там же. С. 221.
- ⁶⁶ Там же. С. 239.
- ⁶⁷ Там же. С. 240.
- ⁶⁸ Там же. С. 240—241.
- ⁶⁹ Там же. С. 241.
- ⁷⁰ Там же. С. 242.
- ⁷¹ Там же. С. 244.
- ⁷² Там же. С. 246.
- ⁷³ Там же. С. 248.
- ⁷⁴ Там же. С. 254.
- ⁷⁵ Там же. С. 256—257.
- ⁷⁶ Там же. С. 258.

МОНИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ОПЫТА

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ «ЭМПИРИОМОНИЗМА»

- ¹ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник / Неизвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995. С. 30.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 545.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 164.
- ⁴ Степин В.С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 156—158.
- ⁵ Омеляновский М.Э. О физической реальности // Вопр. философии. 1971. № 1. С. 105.
- ⁶ Мы думаем, С.С.Гусев, составитель книги «Русский позитивизм» (СПб., 1995), автор предисловия к ней и обзорной статьи, явно перегнул палку, поместив Богданова в одну компанию с Лесевичем.
- ⁷ Валентинов Н.Э. Мах и марксизм. М., 1908. С.1.
- ⁸ Валентинов Н.Э. Философские построения марксизма. М., 1908. С. 307.
- ⁹ Богданов А. Философия живого опыта. Популярные очерки. М., 1920. С.139.
- ¹⁰ Богданов А. Философия живого опыта. Пг., 1923. С. 70.
- ¹² Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма. С. 32.
- ¹³ Там же. С. 35.
- ¹⁴ Там же. С. 37.
- ¹⁵ Богданов А. Философия живого опыта. С. 327.
- ¹⁶ Там же. С. 307—309.

«ЭМПИРИОМОНИЗМ» И РОССИЙСКИЕ ВЕРСИИ МАРКСИЗМА

- ¹ Аксельрод Л. (Ортодокс). Философские очерки. М.-П., 1924. С. 186.
- ² Там же. С. 173.
- ³ См.: Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М., 1922. С.357—364.
- ⁴ Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М., 1922. С. 222.
- ⁵ См.: Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. С. 6.
- ⁶ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. III. М., 1957. С. 715.
- ⁷ Там же. С. 732.
- ⁸ Богданов А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 219—220.
- ⁹ Цит.: Плутто П.А. Время и люди (из архивов А.А.Богданова) // Социс. 1992. № 11. С. 142.
- ¹⁰ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник // Неизвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995. С. 8.
- ¹¹ Юшкевич П.С. Столпы философской ортодоксии. СПб., 1910. С. 71.
- ¹² Богданов А. Вера и наука // Вопр. философии. 1991. № 12. С. 59.
- ¹³ Там же. С. 42.
- ¹⁴ Вспоминаются лекции проф. З.Я.Белецкого по диалектическому материализму в начале 50-х годов в МГУ. Это было в большой угловой аудитории на Моховой, 11. Картинно повернувшись к окну и указывая рукой на Кремль, профессор восклицал: «вот она перед вами, объективная истина!».
- ¹⁵ Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб., 1899. С. 9.
- ¹⁶ Богданов А. Вера и наука. С. 45.
- ¹⁷ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901. С. 111.
- ¹⁸ Богданов А. Вера и наука. С. 45.
- ¹⁹ Там же. С. 47.
- ²⁰ Там же. С. 48.
- ²¹ Там же. С. 49.

- ²² Там же.
- ²³ Коргунюк Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // *Вопр. философии*. 1991. № 12. С. 30.
- ²⁴ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма. С. 43.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Богданов А. Вера и наука. С. 44.
- ²⁷ Там же. С. 61.
- ²⁸ Там же. С. 63.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 84—85.
- ³¹ Коргунюк Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики. С. 30.
- ³² Бердяев Н. Заметки о книге г.Богданова «Познание с исторической точки зрения» // *Вопр. философии и психологии*. Кн. IV. 1902. С. 850—853.
- ³³ Богданов А. Основные элементы исторического взгляда на природу. С. 210—213.
- ³⁴ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С.22.
- ³⁵ Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. 482—483.
- ³⁶ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Ч. 2. М., 1991. С. 42—44.
- ³⁷ Белоусова Е.В., Смаль Д.Я. О смысле творчества Бердяев и А.Богданов. Сравнительный анализ // Межгосударственная научная конференция «Богдановские чтения». Гродно, 1994. С. 169.
- ³⁸ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма. С. 108.
- ³⁹ Там же. С. 107.
- ⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 12.
- ⁴¹ Богданов А. Философия живого опыта. С. 289.
- ⁴² Невский В.И. Диалектический материализм и философия мертвой реакции // Ленин В.И. Соч. Т. XII. Изд. 3. М., 1935. С. 321.
- ⁴³ Там же. С. 324.
- ⁴⁴ Досев П. Вопросы теории отражения в «Материализме и эмпириокритицизме» // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934. С.68.
- ⁴⁵ Луцпол И. «Материализм и эмпириокритицизм» и вопросы истории философии // 25 лет «Материализма и эмпириокритицизма». М., 1934. С. 78.
- ⁴⁶ Там же. С.171.

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ «ЭМПИРИОМОНИЗМА»

- ¹ Коргунюк Ю.Г. «Материализм и эмпириокритицизм» и его критики // *Вопр. философии*, 1991. № 12. С. 33.
- ² Богданов А. Вера и наука // *Вопр. философии*. 1991. № 12. С. 88.
- ³ Моисеев Н. Как далеко до завтрашнего дня... свободные размышления 1917—1993. М., 1994. С. 198—199.

ТЕКТОЛОГИЯ: ВСЕОБЩАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ НАУКА

- ¹ Садовский В.Н. Эмпириомонизм А.А.Богданова: забытая глава философской науки // *Вопр. философии*. 1995. № 8. С. 52.
- ² Богданов А. Философия живого опыта. Пт., 1923. С. 307—309.
- ³ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 1.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 30. С. 168.
- ⁵ Нарский И.С. Богданов-философ // *Философские науки*. 1991. № 4. С. 58—
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 352; Т. 37. С. 351.
- ⁷ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 29.
- ⁸ Там же. С. 30.
- ⁹ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 т. Кн. I. С. 59.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕХАНИЗМЫ

- ¹ Сам термин «тектология» А.А.Богданов заимствовал у Э.Геккеля, о значившего так сравнительную науку об организации, т.е. анатомическую

строении живых существ. В переводе с греческого «тектология» означает «учение о строительстве». «Строительство», полагает А.А.Богданов, — синоним современного понятия «организация».

² Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 63.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Богданов А.А. К вопросу о новейшем философском движении: предисловие к русскому переводу брошюры М.Ферворна «Вопрос о границах познания» // Ферворн М. Вопрос о границах сознания. СПб., 1909. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 68.

⁸ Богданов А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Петербург, 1913. С. 62.

⁹ Богданов А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 68.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Подр. см.: Попков В.В. Теория двойственности: аксиоматический подход // Вестник МИАБ. 2000. № 3 (11); Попков В.В. Вместо послесловия: Тектология и двойственность // Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003; Попков В.В. Двойственность гексаграмм в книге переименован // Вестник МИАБ. 2003. № 2 (14); Попков В.В. Двойственность и организованность // Вестник МИАБ. 2003. № 3 (15).

¹³ Попков В.В. Вместо послесловия: Тектология и двойственность // Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 480.

¹⁴ Попков В.В. Двойственность и организованность // Вестник МИАБ. 2003. № 3 (15). С. 43.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 44—45.

¹⁷ Попков В.В. Вместо послесловия: Тектология и двойственность. С. 479.

¹⁸ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 67.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 68.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 80.

²⁶ Там же. С. 73.

²⁷ Там же. С. 64.

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Там же. С. 93. Прим.

³⁰ Там же. С. 88.

³¹ Там же. С. 89.

³² Там же.

³³ Там же. С. 90.

³⁴ Там же. С. 91.

³⁵ Там же. С. 95.

³⁶ Там же. С. 96.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 104. Прим.

³⁹ Там же. С. 122.

⁴⁰ Там же. С. 68.

⁴¹ Там же. С. 103.

⁴² Там же. С. 104. Прим.

⁴³ Там же. С. 105.

⁴⁴ Там же. С. 104. Прим.

- ⁴⁵ Там же. С. 109.
- ⁴⁶ Там же. С. 108.
- ⁴⁷ Там же. С. 109.
- ⁴⁸ Там же. С. 112.
- ⁴⁹ Там же. С. 110.
- ⁵⁰ Там же. С. 113.
- ⁵¹ Там же. С. 123.
- ⁵² Там же. С. 124.
- ⁵³ Там же. С. 127.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 130.
- ⁵⁶ Там же. С. 131.
- ⁵⁷ Там же. С. 132.
- ⁵⁸ Там же. С. 133.
- ⁵⁹ Там же. С. 134.
- ⁶⁰ Там же. С. 139—140.
- ⁶¹ Там же. С. 134.
- ⁶² Там же. С. 141.
- ⁶³ Там же. С. 145.
- ⁶⁴ Там же. С. 136.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДИАЛЕКТИКА

- ¹ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 392.
- ² Богданов А. Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха // Мах Э. Анализ ощущений. М., 1907. С. IX.
- ³ См.: Богданов А. Философия живого опыта. Пт., 1923. С. 219.
- ⁴ Там же. С. 242.
- ⁵ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 388—389.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 392.
- ⁸ Там же. С. 381.
- ⁹ Там же. С. 380.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 381.
- ¹² Там же. С. 382.
- ¹³ Там же. С. 193.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 198.
- ¹⁶ Там же. С. 198—199.
- ¹⁷ Там же. С. 113.
- ¹⁸ Там же. С. 380.
- ¹⁹ Там же. С. 381.
- ²⁰ Там же. С. 108.
- ²¹ Там же. С. 383.
- ²² Там же. С. 388.
- ²³ Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М. Человек и биосфера. Опыт системного анализа и эксперименты к моделям. М., 1985. С. 13.
- ²⁴ Моисеев Н.Н. Пути к созиданию. М., 1992. С. 69.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕКТОЛОГИИ

- ¹ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 85—86.
- ² Богданов А.А. Тайна науки (1913) // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 255.
- ³ Абалкин Л.И. Тектология Богданова: на пути к новой парадигме // Вопр. философии, 1995. № 8. С. 4.

⁴ Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982. С. 40—41.

⁵ Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура: Материалы междунар. науч. конференции: Москва, 7 октября 2003 г. М., 2003. С. 36.

Глава 3

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ. ЭКОНОМИКИ И ИДЕОЛОГИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕШНИХ СИЛ ПРИРОДЫ

¹ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 29.

² Богданов А. К вопросу о новейшем философском движении: предисловие к русскому переводу брошюры М.Ферворна «Вопрос о границах познания» // Ферворн М. Вопрос о границах сознания. СПб., 1909. С. 4—5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 6—7.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901. С. 1.

⁷ Богданов А. Пролетарская культура. 1918. № 2. С. 6—7.

⁸ Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 58—59.

⁹ Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С. 104.

¹⁰ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 127.

¹¹ Богданов А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Петербург, 1913. С. 62.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. С. 67.

¹⁴ См.: Попков В.В. Двойственность и организованность // Вестник МИАБ. 2003. № 3 (15). С. 44—45.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

¹ Богданов А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Петербург, 1913. С. 47.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же.

⁸ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. М., 1917. С. 4.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Богданов А. Философия живого опыта. С. 48.

¹² Там же. С. 48—49.

¹³ Богданов А. Введение в политическую экономию. С. 8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 8—9.

¹⁶ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики // Вестник социалистической академии. Кн. 4. 1923. Апрель—Июль. С. 273—274.

¹⁷ Там же. С. 274.

¹⁸ Богданов А. Введение в политическую экономию. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: В 2 т. Москва, 1920. Т. 1. С. 12.

²¹ Там же.

²² Богданов А. Философия живого опыта. С. 47—48.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

¹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики // Вестник социалистической академии. Кн. 4. 1923. Апрель—Июль. С. 272—284.

² Там же. С. 272.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 273—274.

⁵ Богданов А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Петербург, 1913. С. 47.

⁶ Богданов А. Введение в политическую экономию: В вопросах и ответах. М., 1917. С. 4.

⁷ Там же. С. 274.

⁸ Там же. С. 276.

⁹ Там же. С. 275.

¹⁰ Там же. С. 277.

¹¹ Там же. С. 278.

¹² См.: Богданов А. Философия живого опыта. С. 62.

ДИНАМИКА ТЕХНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

¹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики // Вестник социалистической академии. Кн. 4. 1923. Апрель—Июль. С. 275.

² Там же. С. 274.

³ Богданов А. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни / Вестник социалистической академии. Кн. 3. 1923. Февраль. С. 22.

⁴ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 274.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Там же.

⁷ Богданов А. Наука об общественном сознании: Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Москва, 1918. С. 38.

⁸ Там же.

⁹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. Петроград, 1922. С. 13.

¹⁰ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: В 2 т. Т. 1. С. 27.

¹¹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 276.

¹² Там же. С. 275.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 276.

¹⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 56.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 33.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 26.

²⁰ Там же.

²¹ Богданов А. Философия живого опыта. С. 32.

²² Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 277.

- ²³ Богданов А. Введение в политическую экономию. С. 63.
- ²⁴ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 102.
- ²⁵ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. С. 203.
- ²⁶ Там же. С. 210.
- ²⁷ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 130.
- ²⁸ Богданов А. Введение в политическую экономию. С. 66.
- ²⁹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 76.
- ³⁰ Богданов А. Введение в политическую экономию. С. 66.
- ³¹ Там же.
- ³² Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 79.
- ³³ Там же. С. 80.
- ³⁴ Там же. С. 81—81.
- ³⁵ Богданов А. Введение в политическую экономию. С. 79.
- ³⁶ Там же. С. 78.
- ³⁷ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 93.
- ³⁸ Там же. С. 93—94.
- ³⁹ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 130.
- ⁴⁰ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 109.
- ⁴¹ Богданов А. Введение в политическую экономию. С. 87.
- ⁴² Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 109.
- ⁴³ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 156.
- ⁴⁴ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 250.
- ⁴⁵ Богданов А. Философия живого опыта. С. 229—227.
- ⁴⁶ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 110—111.
- ⁴⁷ Там же. С. 110.
- ⁴⁸ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 111.
- ⁴⁹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 278.
- ⁵⁰ Там же. С. 277.
- ⁵¹ Богданов А.А. Философия живого опыта. С. 265.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 266.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЦЕЛОГО

¹ Здесь А.А.Богданов совершает неопозволенный переход от индивидуального субъекта к коллективному и делает неожиданный для материалиста вывод: «Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны». См.: Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 57. Ленин построил на этом тезисе целую критическую концепцию.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- ¹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики // Вестник социалистической академии. Кн. 4. 1923. Апрель—Июль. С. 278.
- ² Там же. С. 279.
- ³ Там же. С. 279.
- ⁴ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. М.-Воронеж, 1999. С. 236—237.
- ⁵ Богданов А. «Великий упырь нашего времени» // Неизвестный Богданов. Кн.1. М., 1995. С. 69.
- ⁶ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 279.
- ⁷ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 238.
- ⁸ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 279.
- ⁹ Богданов А. «Великий упырь нашего времени». С. 69.

- ¹⁰ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 242.
- ¹¹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 279.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 280.
- ¹⁴ Богданов А. «Великий упырь нашего времени». С. 69.
- ¹⁵ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. С. 242—243.
- ¹⁶ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 281.
- ¹⁷ Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. М., 2003. С. 239.
- ¹⁸ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 281.
- ¹⁹ Богданов А. Тектология: всеобщая организационная наука. С. 239.
- ²⁰ Там же. С. 242.
- ²¹ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 281.
- ²² Богданов А. Тектология: всеобщая организационная наука. С. 136.
- ²³ Там же. С. 137.
- ²⁴ Богданов А. Организационные принципы социальной техники и экономики. С. 281.
- ²⁵ Горька Г. Предисловие: Стадии жизни и творчества А.А.Богданова // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М., 1995. С. 7.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

- ¹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. М., 1920. С. 313.
- ² Щелбанина Г.Н. Философия А.А.Богданова в марксистских исследованиях в Белоруссии в 70-е годы // Межгосударственная конференция «Богдановские чтения». Гродно, 1994. С. 173.
- ³ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 331—332.
- ⁴ Богданов А.А. О художественном наследстве // Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 426.
- ⁵ Богданов А. Наука и рабочий класс // Пролетарская культура. 1918. № 2. С. 32.
- ⁶ Богданов А. Философия современного естествознания // Очерки по философии коллективизма. СПб., 1909. С. 136.

ОЦЕНКА РЕАЛЬНОСТИ

- ¹ Плутто П.А. А.А.Богданов о «военном коммунизме» // Социс. 1990. № 11. С.150.
- ² Богданов А. А.В.Луначарскому (19 ноября 1917 г.) // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М., 1995. С. 189—192.
- ³ Богданов А. Судьба рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918. 26 января. С. 2
- ⁴ Там же.
- ⁵ Богданов А. Версальское строительство // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1. С. 120.
- ⁶ Богданов А. Судьба рабочей партии... С. 2.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Богданов А. Доклад «Мировая война и революция» // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100.
- ⁹ Богданов А. Н.И.Бухарину: Открытое письмо тов. Бухарину // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 205.
- ¹⁰ Богданов А.А. Проблемы социализма. М., 1918.
- ¹¹ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 348.
- ¹² Там же. С. 183—184.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

- ¹ Богданов А. Наука об общественном сознании. М., 1918. С. 3.
- ² А.А.Богданов опирается на работу Нуаре «Происхождение языка». 1877.
- ³ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 8.
- ⁴ Там же. С. 212.
- ⁵ Богданов А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 219—220.
- ⁶ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма: Юбилейный сборник (1904—1914) // Незвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995. С. 55.
- ⁷ Там же. С. 56.
- ⁸ Богданов А. Время великих перемен (Очерк первый) // Незвестный А.А.Богданов. Кн. 1. М., 1995. С. 78.
- ⁹ Богданов А. Десятилетие отлучения от марксизма. С. 85.
- ¹⁰ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 217.
- ¹¹ Богданов А. О тенденциях пролетарской культуры. Ответ А.Гастеву // Пролетарская культура. 1919. № 10.
- ¹² Богданов А. В.А.Базарову (15 января 1917 г.) // Незвестный А.А.Богданов. Кн. 1. М., 1995. С. 181.
- ¹³ Богданов А. Краткий курс экономической науки. М., 1922. С. 18.
- ¹⁴ Богданов А. Философия живого опыта: Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Петербург, 1913. С. 20.
- ¹⁵ Богданов А.А. Наука об общественном сознании. С. 46.
- ¹⁶ Там же. С. 47.
- ¹⁷ Там же. С. 48.
- ¹⁸ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 17.
- ¹⁹ Там же. С. 18.
- ²⁰ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 46.
- ²¹ Там же. С. 48.
- ²² Там же. С. 48—49.
- ²³ Там же. С. 49.
- ²⁴ Богданов А. Философия живого опыта. С. 21.
- ²⁵ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 18.
- ²⁶ Богданов А. Философия живого опыта. С. 226.
- ²⁷ Богданов А. Падение великого фетишизма. М., 1910. С.56.
- ²⁸ Богданов А. Познание с исторической точки зрения. М.-Воронеж, 1999. С. 239.
- ²⁹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 29.
- ³⁰ Там же. С. 28—29.
- ³¹ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 112.
- ³² Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 29.
- ³³ Там же. С. 29—30.
- ³⁴ Богданов А. Философия живого опыта. С. 23.
- ³⁵ Там же. С. 24.
- ³⁶ Там же. С. 24—25.
- ³⁷ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: В 2 т. Т. 1. М., 1920. С. 58.
- ³⁸ Там же. С. 59.
- ³⁹ Богданов А. Краткий курс экономической науки. С. 26.
- ⁴⁰ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 61—62.
- ⁴¹ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: В 2 т. Т. 1. С. 59—60.
- ⁴² Там же. С. 59—60.
- ⁴³ Там же. С. 60.
- ⁴⁴ Там же. С. 60—61.
- ⁴⁵ Богданов А. Наука об общественном сознании. С. 63.
- ⁴⁶ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: В 2 т. Т. 1. С. 61.
- ⁴⁷ Там же. С. 61.
- ⁴⁸ Там же.

- ⁴⁹ Там же. С. 59—60.
⁵⁰ Там же. С. 61.
⁵¹ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 44.,
⁵² Там же. С. 44—45.
⁵³ Там же. С. 45—46.
⁵⁴ *Богданов А.* Познание с исторической точки зрения. С. 240.
⁵⁵ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 89.
⁵⁶ Там же. С. 89.
⁵⁷ Там же. С. 90.
⁵⁸ Там же. С. 91.
⁵⁹ Там же. С. 107.
⁶⁰ Там же. С. 108.
⁶¹ *Богданов А.* Философия живого опыта. С. 227.
⁶² *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 250.
⁶³ *Богданов А.* Падение великого фетишизма. С.97.
⁶⁴ Там же. С. 141.
⁶⁵ *Богданов А.* Краткий курс экономической науки. С. 258.
⁶⁶ *Богданов А.* Познание с исторической точки зрения. С. 244—245.
⁶⁷ *Богданов А.* Философия живого опыта. С. 227.
⁶⁸ Там же. С. 257.
⁶⁹ Там же. С. 255—258.
⁷⁰ Там же. С. 256.

POST SCRIPTUM

¹ Цит. по: *Вопр. философии.* 1991. № 12. С. 37.

² Там же. С. 27.

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

А.А.БОГДАНОВА

ЧТО ТАКОЕ КАРЛ МАРКС*

Он умер так давно... а самое слово «смерть» по-прежнему странно не вяжется с его именем. После него, как и после всякого другого человека, осталось в сущности одно — его дело. Но никогда еще ни один человек на земле не оставлял по себе такого гигантского наследства.

Это наследство — *идея, организация, образец жизни.*

Идея... Он преобразовал политическую экономию, историю, всю область общественных наук; он дал новую душу философии. Из богатства его мыслей и знаний черпают вновь и вновь, и долго еще будут черпать, не только друзья, а даже враги. И во всем этом лежит одна, все объединяющая живая идея. Сама по себе, она проста; но не всякому дано понять ее величие.

За три с половиной века до Маркса жил скромный астроном, Николай Коперник. Он также преобразовал свою науку, у него также была одна, простая идея; она — родная сестра идеи Маркса.

Древние астрономы добросовестно наблюдали небо, изучали движения светил, видели, что есть в них глубокая, стройная, непреложная закономерность, старались выразить и передать ее. Но — тут получалась какая-то странная запутанность. Планеты идут среди звезд то быстрее, то медленнее; порой как будто останавливаются, поворачивают назад, и опять переходят к прежнему направлению; а через определенное число месяцев и дней они снова на старом месте, и 'начинают тот же путь. Приходилось придумывать сложные теории, отдельное небо для каждой планеты, предначертанные для планет круги, вращающиеся, в свою очередь по другим кругам и т.д. Неясность не исчезала, расчеты были страшно трудны.

* Глава о К.Марксе есть статья, написанная в 1913 г. по поводу тридцатилетия его смерти для календаря издательства «Прибой» и не напечатанная в нем. В Тифлисе она была потом издана отдельной брошюрой, фирмой «Типографских рабочих». См.: *Богданов А.А. Десятилетие отлучение от марксизма: Юбилейный сборник (1904—1914)* // Неизвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995. С. 25—28.

У Коперника возникла мысль: не потому ли все это так ложно и запутано, что мы смотрим с *Земли*? А что, если переменить *точку зрения* и попробовать — конечно, лишь мысленно посмотреть с Солнца? И когда он сделал так, то оказалось, что *все* стало просто и ясно: планеты, и Земля в числе их, движутся по круговым, а не извилистым путям, и Солнце — их центр; но раньше это не было понято потому, что Землю считали неподвижной, и ее движение смешивали с путями планет. Так родилась новая астрономия, которая объяснила людям жизнь неба.

До Маркса жизнь общества исследовали буржуазные ученые, и смотрели на нее, естественно, с *точки зрения своего собственного положения в обществе*, с точки зрения класса, который не производит, а подчиняет себе труд других людей и пользуется им. Но с того места не все видно, и многое представляется в искаженном виде, и многие движения жизни запутываются так, что их нельзя понять.

Что сделал Маркс? Он *переменил точку зрения*. Он взглянул на общество с точки зрения тех, кто производит, — рабочего класса, и все оказалось иначе. Обнаружилось, что именно там — центр жизни и развития общества, что Солнце, от которого зависят пути и движение людей, групп, классов.

Маркс не был рабочим; но силою мысли он сумел вполне перенестись на позицию рабочего. И он нашел, что с этим переходом все тотчас меняет свои очертания и формы: раскрываются для глаз силы вещей и причины явлений, не заметные отсюда, со старой позиции; действительность, истина, даже сама очевидность становятся иными, часто противоположными прежним.

Да, и сама очевидность! Что может быть очевиднее для капиталиста, чем то, что он кормит рабочего? Разве не он дает рабочему занятие и заработок? Но для работников не менее очевидно то, что они своим трудом кормят капиталистов. И Маркс учением о прибавочной стоимости показал, что первая очевидность — иллюзия, видимость, подобно ежедневному движению Солнца вокруг Земли, а вторая — истина.

Маркс нашел, что все мысли и чувства людей получают разное направление, складываются несходно, смотря по тому, к какому классу эти люди принадлежат, то есть, какое положение в производстве или около производства они занимают. Различны интересы, привычки, опыт, различны и выводы из них. То, что для одного справедливо, закономерно, нормально, для другого -несправедливость, злоупотребление силою; что кажется свободой тем, рабством кажется этим; идеал этих вызывает ужас и отвращение в тех.

Маркс подвел итоги и сказал: «общественным бытием людей определяется их сознание»; или, другими словами: экономическим положением определяются мысли, стремления, идеалы. Это была та идея, по-

средством которой он преобразовал всю общественную науку и философию. На ней основал он великое учение о классовой борьбе, через которую идет развитие общества. И он исследовал путь этого развития и показал, куда оно ведет, какому классу предстоит создать новую организацию производства, какая будет эта организация, и как она покончит с разделением на классы, с их вековой борьбой.

Маркс не был рабочим. Но в рабочем классе великий ученый нашел точку опоры для своей мысли, точку зрения, которая позволила ему проникнуть в глубину действительности, и породила его идею. Сущность этой идеи — самосознание трудового пролетариата. Вот почему Маркс — мыслитель более, чем кто-либо, принадлежит пролетариату.

Он принадлежит ему и как великий организатор. Идею пролетариата он сделал могучим орудием организации. Шестдесят шесть лет прошло с тех пор, как прозвучали над миром призывающие к объединению слова знаменитого манифеста, написанного им с Энгельсом. И эта живая жизнь продолжает повторять их, громче и громче, до самых далеких уголков земли. Гигантские организации сложились под этим лозунгом, от Запада до далекого Востока; и растут, собирая силы, неудержимо, быстрее и быстрее, словно лавина Истории.

Судьба Маркса-организатора трагична, полна ярких побед, но и тяжелых поражений. Не раз суровая жизнь разрушала то, что создавал ценой огромных усилий. Как истинный организатор, он терял мужества перед безвременьем. Он выжидал момента и условий, и вновь упорно начинал работу, шире, чем прежде. Распалась под гнетом реакции, та организация, которую в эпоху подъема 1848 года он основал в Германии; сам он очутился изгнанником на чужбине. Но прошли годы, — и он с товарищами основывает там международное общество рабочих и руководит его работой, опираясь на свою могучую способность убеждать людей. Оказалось, что и для этой организации не пришло еще настоящее время: сначала она росла и расширялась; но потом обнаружилось, что в них сошлись слишком разнородные элементы. С трудовыми пролетариями — людьми единства и товарищеской дисциплины — не могли ужиться анархисты, представители частью озлобленного мелкого мещанства, гибнущего под ударами капитала, частью пролетариев полубосаков, не прочно связанных производством, недостаточно воспитавшихся на нем. Анархисты раскололи организацию, и она вскоре замерла.

Она была любимое дитя Маркса... Он, конечно, не сомневался, что она воскреснет. Но не судьба ему было увидеть то. Он не дожил шесть лет.

Правда, он видел зато, как росла немецкая социал-демократия, проникнутая тем же духом, и молодые рабочие партии других стран. Но

какое счастье было бы для него узнать, что а мировая организация, которой отдал он столько сил, вновь поднялась и развернулась в десятки раз шире, чем прежде, что уже теперь более двадцати пяти миллионов людей идейно связаны с нею. Ему не было дано этого счастья...

Маркс — образец человека, то есть — работника и бойца. Труд и борьба составляли его жизнь, как они составляют жизнь рабочего класса. И была чиста эта жизнь, как то знамя, которое он нес.

В нем воплотился новый тип, сливающий творческую мысль и творческую практику в одно нераздельное, гармоничное целое. И в этом тоже он принадлежит новому миру.

Одновременно с Марксом жил Дарвин, великий человек науки, сын буржуазного общества. Когда Дарвин сделал свое открытие — о происхождении видов живых существ, — Маркс понял и оценил сразу все значение этого переворота в науке. Впоследствии он выразил это, послав Дарвину свое величайшее произведение — «Капитал». Дарвин даже не стал читать этой книги. Гений пролетарского мира мог понять гения буржуазной культуры, но не наоборот.

Не было отрасли знания, чуждой для Маркса. Все изучал он, всем интересовался его неустанно работавший ум. И в этом он — родной для пролетариата. Мало времени у рабочего, но все надо ему знать: природу, сопротивления которой он побеждает трудом своих рук, общество, в котором он борется, царство науки, у которой он ищет руководства на своем пути.

Гений Маркса — это душа рабочего класса, отразившаяся и познавшая себя в самом сильном мозгу XIX века.

ЧТО ТАКОЕ МАРКСИЗМ*

Несколько лет назад группа молодежи обратилась ко мне с запросом, как могу я считать себя марксистом, когда заведомо не во всем согласен со взглядами Маркса и Энгельса. Я ответил, что только в религиозных сектах обязательно согласие во всем со взглядами основоположников; а в научно-философских школах, и тем более в учении классовом, единство основывается на общих методе и точке зрения.

Свое отношение к марксизму, свое понимание его связи я тогда изобразил так: «Жили среди человечества два могучих кузнеца и искали, где применить свою великую силу. Увидали они, что поднимается новая армия, которой предстоят гигантские битвы и невиданные победы. И стали они в ряды этой армии, чтобы ковать для нее оружие. Ковали они мощно и неустанно, как никто, никогда на земле. Разлета-

* Богданов А.А. Десятилетие отлучение от марксизма: Юбилейный сборник (1904—1914) // Неизвестный Богданов. Кн. 3. М., 1995. С. 28—29.

лись ослепительные искры из-под тяжелых молотов, дробилось все, что негодно и непрочно, и выходила из рук оружейников сверкающая и режущая, надежная сталь. Не все успели они выковать, что армии надо; закону времени подчинены были и они, пришлось и им в свой черед сойти в могилу. Но, умирая, не боялись они за свое дело, знали, что продолжат его другие; и если не будет таких сильных, как они, то заменят личную силу коллективной работой. И был завет двух оружейников товарищам: не жалеете о нас и не считайте себя слабее без нас; но идите вперед, и вы выполните то, чего мы не успели. Не бойтесь за будущее, верьте в свое дело, и не смущайтесь ошибками, которые неизбежны. Все будет тогда сделано в свое время; лишь бы кипела борьба и работа, и не было в ней ни остановки, ни примирения, и разгоралось бы в ней ярче и ярче великой пламя общей любви и общей ненависти пролетариата.

Этот завет мы исполним, и дело — по мере сил наших — продолжим...».

А.В.ЛУНАЧАРСКОМУ*

19 ноября 1917 года

Дорогой Анатолий,

Письмо твое спокойно пролежало в Совете рабочих депутатов неделю, и только теперь доставлено мне ее оказией». Отвечаю немедленно. В июне-августе писал тебе, но, видимо, не дошло.

Я не стою, конечно, на позиции саботажа или бойкота. Не вижу ничего смешного в том часто нелепом, но почти всегда вынужденном, что у вас делается. Трагизм вашего положения не только вижу, но думаю, что вы-то видите его далеко не вполне, попробую даже выяснить его — по-своему.

Корень всему — война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие военного коммунизма.

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; применительно к нему. нормировка сбыта, производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как ублюдок капитализма и потребительного военного коммунизма, — чего не понимают нынешние экономисты, не имеющие понятия об организационном анализе. Атмосфера военного коммунизма породила максимализм: ваш, практический, и Новой жизни», академический. Который луч-

* Богданов А.А. А.В.Луначарскому (19 января 1917 г.) // Неизвестный Богданов: В 3 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 189—192.

ше, не знаю. Ваш открыто противонаучен; тот псевдонаучен. Ваш лезет напролом, наступая, как Собакевич, на ноги марксизму, истории, логике, культуре; тот бесплодно мечтает о социал-революции в Европе, которая поможет и нам, — Манилов.

В России максимализм развился больше, чем в Европе, п.ч. капитализм у нас слабее, и влияние военного коммунизма, как организационной форме, соотносительно сильнее. Социалистической рабочей партией была раньше большевистская. Но революция под знаком военщины возложила на нее задачи, глубоко исказившие ее природу. Ей пришлось организовать псевдосоциалистические солдатские массы (крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных коммунах). Почему именно ей? Кажется, просто потому, что она была партией м и р а. идеала солдатских масс в данное время. Партия стала рабоче-солдатской. Но что это значит? Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры — наиболее тихходным кораблем, и пр. Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом. Партия рабоче-солдатская есть о б ъ е к т и в н о просто солдатская. И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он уловил всю логику все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал.

Логика казармы, в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос силы, а не как вопрос организованного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть — тогда все можем. Соглашения? Это зачем? — делиться добычей? Как бы не так; что? Иначе нельзя? Ну, ладно, поделимся... А, стой! Мы опять Не надо... и т.д.

С соответственной точки зрения решаются все программные и тактические вопросы. Голосование 18-летних: они дети! Жизнь сложна, дайте им подразобраться... вздор! Винтовку держать могут; а главное — они за нас; чего толковать. Выборы строевого начальства — агитаторов в стратеги и в организаторы сложнейшего ротного и полкового хозяйства. Сознательный рабочий — вряд ли требовал бы выборности инженеров...

Вот маленький, но наглядный примера. Если бы я хотел принять такое предложение — я не мог бы этого сделать по материальным причинам. Время и силы надо отдать целиком; а жалованье — «не выше обученного рабочего». Как бы это я мог содержать две семьи, да издавать на свой счет вторую часть «Тектологии», которую печатаю сам, потому что никакой издатель не возьмет такого коммерчески нелепого, но идейно, как я, полагаю необходимого дела. Уж, конечно, рабо-

чий-социалист не потребует, чтобы инженерам плата была не выше, чем ему: интересы дела. А казарма этого вопроса не ставит — ибо дела производительного нет; она знает только п а е к. Разве Ленин и не читали Маркса, не знают, что стоимость рабочей силы определяется нормальным уровнем потребностей, связанных с выполнением данной функции. Конечно, знают, но они сознательно рвут с логикой социализма для логики военного коммунизма... А впрочем, может быть, и неосознанно.

Кстати, как бы ты содержал себя здесь и семью в Швейцарии пайке, если бы не случайное наследство. Прирабатывал бы литературой. Много бы выиграли дела революционного министерства.

А культура... Ваши отношения ко всем другим социалистам:

вы все время только рвали мосты между ними и собой, делали невозможными всякие разговоры и соглашения; ваш политический стиль пропитался казарменной трехэтажностью, ваши редакции помещают стихи о выдавливании кишок у буржуазии...

Ваши товарищеские отношения... на другой день после того как ты закричал «не могу!»; один из твоих ближайших товарищей, Емельян Ярославский, печатает в «Социа-Демократе» статью об «истерических интеллигентах, которые жалеют камни и не жалеют людей», которые верещат «не могу!», ломая холеные барские... руки», и пр. (цитирую приблизительно, но стиль не искажаю). Таково товарищеское уважение. Это пролетарий? Нет, это грубый солдат, который целуется с товарищем по казарме, пока пьют вместе денатурат, а чуть несогласие — матерщина и штык в живот. Я в такой атмосфере жить и работать не мог бы. Для меня товарищеские отношения — это принцип новой культуры. Чтобы не нарушить их по отношению к далеким кавказским дикарям, раз вошедшим на товарищеских правах в мою революционную жизнь, я порвал почти со всеми мне близкими, с группой «Вперед» — ты помнишь. И я не так-то легко меняю свою природу. Тут нет ничьей вины: все это было неизбежно. Ваша безудержная демагогия -необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное принижение — необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата. Черные годы реакции огрубили его, затемнили его сознание; еще два года назад рабочие Москвы — Москвы, и даже Пресни! — приняли искреннее участие в черносотенном немецком погроме... И в экономическое положение рабочих въелась фальшь, искажение: и они на 3/4 на содержании у государства, все их прибавки идут из казначейства, чего не станет отрицать ни один экономист.

А идеал социализма? Ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, тот с рабочим социализмом объективно по-

рвал, тот ошибочно считает себя социалистом — он идет по пути военно-потребительного коммунизма, принимает карикатуру упадочного кризиса за идеал жизни и красоты. Он может выполнять объективно-необходимую задачу, как нынешний большевизм; но в то же время он обречен на крушение, политическое и идейное. Он отдал свою веру солдатским штыкам, — и недалек день, когда эти же штыки растерзают его веру, если не его тело. Здесь действительно трагизм.

Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма солдатчине выполняют грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий. Мне грустно, что в это дело ввязался ты, во-1), потому, что для тебя разочарование будет много хуже, чем для тех; во-2), потому что ты мог бы делать другое, не менее необходимое, лее прочное, хотя в данный момент менее заметное дело — делать его, не изменяя себе. Я же останусь при этом другом деле, как ни утомительно одиночество зрячего среди слепых.

Социалистической революции в Европе теперь не будет — на том уровне культуры и организованности стоит ее рабочий ; возраст его ясно засвидетельствован историей войны. Там будет ряд революций характера ликвидационного, уничтожающих наследство войны: авторитарность (олигархию, диктатуру властей), задолженность (следовательно, гипертрофию рантьерства), остатки национально-угнетения, вновь созданную войною и фиксированную арственным капитализмом обособленность нации и пр. — работы много.

В России же солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, чем ее приближающее. Демагогически-военная диктатура принципиально неустойчива: «сидеть на штыках» нельзя. Рабоче-солдатская партия на распасться, едва ли мирно. Тогда новой рабочей партии — или тому, что от нее оставят солдатские пули и штыки, — потребуется своя идеология, свои идеологи (прежние, если и умеют. не будут годиться, пройдя школу демагогии-диктатуры). Для этого будущего я и работаю.

Надо, чтобы пролетарская культура перестала быть вопросом, о котором рассуждают словом, в котором нет ясного содержания. Надо выяснять ее принципы, установить ее критерии, оформить ее логику, чтобы всегда можно было решить: вот это — она, а это нет.

Такова моя задача, я не брошу до конца.

Я поспал тебе брошюры, надеюсь, ты получил (через «Жизнь»). Пошлю и II ч. «Тектологии» и «Вопросы социализма», которые еще не напечатали вот уже 3 месяца. Был бы рад, если бы ты вернулся к рабочему социализму. Борюсь, случай упущен. Положение часто сильнее логики.

Привет, твой Александр.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

АБСТРАГИРОВАНИЕ, *метод* и средство установления основных законов явлений; мысленное или практическое отвлечение от всего специфически частного, устранение из них всех побочных тенденций, связанных с частными, непостоянными условиями с целью выявления общего строения явления, основы его организации.

АБСТРАКТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД, См. *Метод абстрактно-аналитический*.

АВТОРИТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ, см. *Мышление авторитарное*.

АВТОРИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, см. *Сотрудничество авторитарное*.

АВТОРИТАРНЫЕ ФОРМЫ ЖИЗНИ, см. *Формы жизни авторитарные*.

АВТОРИТАРНЫЙ ДУАЛИЗМ, см. *Мышление авторитарное*.

АКТИВНОСТИ-СОПРОТИВЛЕНИЯ, см. *Элементы*.

АНАЛИЗ, *метод* познавательного разложения явлений, разделения их общих и частных условий.

АНИМИЗМ, дробление человека и других живых существ, а первоначально и всех вообще объектов природы на «душу» и «тело».

АССИМИЛЯЦИЯ, означает включение в себя *комплексом*, или *формой* данного организационного процесса элементов внешних процессов, при котором *элементы*, входя в состав данного комплекса, образуют в нем группировки, подобные другим его группировкам, уподобляются им.

БАЗИС ПОДБОРА, та сторона объекта *подбора*, от которой зависит его сохранение или устранение (полезные

приспособления или черты неприспособленности в естественном подборе, соответствие потребностям человека при техническом подборе, соответствие структуре общества в социальном подборе).

БОРЬБА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ, это результат отдельности, обособленности организующих сил, результат того, что не достигнуты их единство, их общая, стройная *организация*.

ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ ФОРМЫ, см. *История формы внешняя*.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ФОРМЫ, см. *История формы внутренняя*.

ВОЛНОВАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА, см. *Форма организационная волновая*.

ВОЛНОВОЙ ТИП СИСТЕМ, см. *Форма организационная волновая*.

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ И ПРЕВРАЩЕНИЯ ЭНЕРГИИ, см. *Закон сохранения и превращения энергии*.

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН ЭНТРОПИИ, см. *Закон энтропии*.

ГАРМОНИЯ, примирение противоречий, объединение разнообразного. Г. всегда заключается в себе возможность могучего движения, хотя не всегда воплощается в могучем движении.

ГРАНИЦА ТЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ, отсутствие общих элементов между *комплексами*, когда происходит взаимная нейтрализация противоположных активностей и образование отдельностей. Г.т. проходит там, где произошла полная *дезинтеграция*.

ДЕГРЕССИЯ [от лат. «схождение вниз»], один из универсальных типов систем, «скелетная *организационная*

форма (скелетная оболочка). Д. представляет собой соединение твердой или эластичной, но механически более устойчивой наружной оболочки с жидким, более подвижным или менее устойчивым содержимым. Д. — это *форма равновесия* или строения, вероятно, большинства планет вселенной, капли воды, растительных и животных клеток, организмов, одетых наружным скелетом. Д. образуется за счет организационно низших группировок, выделяемых сложноорганизованными пластичными комплексами. Она делает возможным развитие пластичных форм, охраняя нежные комбинации от грубой их среды, один из универсальных типов систем.

ДЕДУКЦИЯ, *метод* «выведения», применяющий обобщения, делающий выводы от общего к частному. Д. прилагает и комбинирует добытые результаты для получения новых теоретических и практических выводов. Метод Д. состоит в том, что обобщения и законы, добытые *индукцией*, прилагают к частным случаям, и таким образом выводят их объяснение и относящиеся к ним предсказания. Для Д. требуется точность и надежность тех общих положений, из которых делаются выводы. Д. разделяется на простую и сложную. В случае простой дедукции применяется только одно индуктивно добытое положение, в случае сложной — несколько.

ДЕЗАССИМИЛЯЦИЯ, разусвоение, утрата, передача внешней среде некоторых элементов собственного процесса. причем в этой внешней среде элементы вступают в новые сочетания, не сходные с прежними, не подобные им.

ДЕЗИНГРЕССИЯ, отрицательная *ингрессия*, в которой активности взаимно парализуются, что ведет к образованию *тектологической границы*. Д. разделяется на полную и частичную. При полной Д. совершается полная нейтрализация активностей, происходит разрыв связи и внедрение элементов среды в систему по линиям уничтоженных сопротивлений. При частичной Д. активности парализуются не полностью и тектологическая граница не возникает. Частичная Д. всегда примешана ко всякой ингрессии, так как не бывает *конъюгации*

комплексов без некоторой растраты их активностей в виде взаимных сопротивлений. Д. позволяет, интерпретируя действительность динамически и в соответствии с *принципом непрерывности*, служить всеобщей *формой* представления отдельности. **ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ**, реальное или мыслимое разложение целого на элементы как для уменьшения сопротивления вещей нашим практическим или познавательным усилиям, так и для последующей *организации* элементов в новые, желательные для нас сочетания. Основной формой Д. является *дезингрессия*.

ДЕЯТЕЛЬ ПОДБОРА, см. *фактор подбора*.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, соединение и разделение в практике и мышлении каких-нибудь наличных элементов, цепь обобщающих и разъединяющих усилий. Как выражение организационной активности, Д. может быть организующей и дезорганизующей. Как некоторый материал организационного опыта — технической, общественной, познавательной, художественной и др.

ДИНАМИКА, исследование *организационных форм* в их движении, в их изменениях. Организационно-динамическая точка зрения выражается *тектологией*. Эта точка зрения — наиболее общая.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СООТНОШЕНИЯ, см. *Соотношения дополнительные*.

ДРОБЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, стадия развития человека, порожденная *авторитарным сотрудничеством и специализацией*. Д.ч. порождает не только неполноту жизни, раздвоенность опыта, разорванность мира; оно порождает реальные жизненные противоречия и через них — развитие. Д.ч. совершалось как путем одностороннего развития, гипертрофии одной стороны жизни (полнота жизни при этом не уменьшалась, а возрастала), так и путем сокращения жизни, атрофии других сторон. Для этой стадии характерны наивно-обывательские и наивно-схоластические концепции. Если первые ограничены живым фактом обывательского опыта, несложными вопросами и крошечными размерами обывательского мира, то вторые не смотря на свою кажущуюся «широту» на деле оказываются узкими и од-

носторонними, поскольку методами философа-метафизика являются «само-наблюдение», «умозрение». Он незаметно для себя делает свой маленький кабинетный мирок мерою для такой большой вещи, как человечество, не стараясь расширить и развить его действительное содержание.

ДУАЛИЗМ АВТОРИТАРНЫЙ, см. *Мышление авторитарное..*

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ И ПРЕВРАЩЕНИЯ ЭНЕРГИИ, это всеобщий научный закон, отражающий в организационном смысле всеобщий технический принцип машинного производства. Он выражает собою основной факт всякого человеческого труда, согласно которому работа необходимо исходит из наличного запаса сил. Его дополняет *закон энтропии*.

ЗАКОН ЭНТРОПИИ, представляет собой всеобщую ограниченность человеческой техники, в соответствии с которой наличный запас энергии никогда не может быть всецело, полностью использован человеком. З.э. дополняет собою *закон сохранения и превращения энергии*.

ИДЕОЛОГИЯ, организационные формы речи, мышления, права, морали, искусства и пр. Сущность *И.* — это общественное сознание в разных его формах. Возникнув из реальной общественной жизни, идеология стала орудием организации общества, производства, всех общественных сил.

ИЗМЕРЕНИЕ В ТЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ, рассмотрение *объекта* как целого, равного сумме частей. Измерение означает последовательное прикладывание к измеряемому объекту некоторой мерки.

ИНГРЕССИЯ [от лат. *ingressio*, «вхождение»], вхождение *элемента* одного комплекса в другой, при этом активности, раньше не связанные, соединяются, образуя *связку* конъюгирующих комплексов. *И.* является всеобщей формой *цепной связи*. *И.* понятий в отличие от *И.* вещей может принимать мировой, всеобъемлющий характер и выражать универсальный научный принцип непрерывности.

ИНГРЕССИЯ МИРОВАЯ, непрерывная связь всего существующего во вселенной.

ИНГРЕССИЯ НАУЧНАЯ, мысленная конъюгация, в котором общие элементы прочно объединяются.

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЙ ТИП ЖИЗНИ, см. *Тип жизни индивидуалистический*.

ИНДУКТИВНЫЙ МЕТОД, см. *Индукция*.

ИНДУКЦИЯ, метод «наведения», идущий от частных фактов к универсальным обобщениям. *И.* подразделяется на *метод обобщающего описания*, *статистический* и *абстрактно-аналитический* методы. Точно описывая явления, определяя их количественно и устанавливая их основные закономерности индуктивные методы дают фактам объяснение.

ИСТОРИЯ ФОРМЫ ВНЕШНЯЯ, это отношения изучаемой организационной формы к организационным процессам окружающей среды. *И.ф.в.* свидетельствует о неполном применении в познании исторической точки зрения, поскольку в качестве объекта исследования она имеет формы простые, которые она не может анализировать глубже, для которых она не нашла их внутренней истории.

ИСТОРИЯ ФОРМЫ ВНУТРЕННЯЯ, это совокупность частных организационных процессов в их определенном взаимодействии, т.е. совокупность элементарных организационных форм в их взаимном отношении. Лишь изучая *И.ф.в.* человеческое познание начинает исследовать форму и в целом, познавать процесс как сложную форму движения, разлагая ее на элементы внешней и внутренней истории. В этом случае познание может выразить причинную связь между этими двумя сторонами истории форм.

КОМПЛЕКС НЕЙТРАЛЬНЫЙ, см. *Комплекс*.

КОМПЛЕКС, система, сочетание, соединение каких-либо элементов различного порядка. Комплексы подразделяются на организованные, нейтральные и неорганизованные. Организованный *К.* создается по принципу «целое практически больше суммы своих частей». Неорганизованный *к.* — это дезорганизованное целое, которое практически меньше суммы своих частей. В основе нейтрального *К.* лежит принцип «целое равно сумме его частей».

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОДБОР, см. *Подбор консервативный*.

КОНТРАДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, *организационный механизм*, в процессе которого *организационный подбор* усиливает и закрепляет устойчивые, повторяющиеся соотношения, ослабляет и разрушает неустойчивые, случайные элементы и комплексы.

КОНЬЮГАЦИЯ, термин, означающий соединение комплексов. Это первичный момент, порождающий изменения, возникновение, разрушение, развитие *организационных форм*, или основа *формирующего механизма* (напр. сплавление металлов, обмен энергии небесных тел, электрический разряд между телами, обмен предпрятий товарами, сотрудничество, борьба, общение, соединение понятий в идеи, встреча образов в поле сознания, и др.). Термин взят из биологии. К. характеризует взаимодействие комплексов, когда их элементы-активности перемешиваются, влияют друг на друга, комбинируются, переходят из одного комплекса в другой. Во всех конъюгационных процессах присутствует сопутствующая *дезорганизация*, которая приводит к различным растратам энергии. Результаты К. представляют из себя систему из преобразованных конъюгировавших комплексов и могут существовать в следующих вариантах: 1) предельный положительный результат, абсолютно-гармоничное соединение активностей, когда элементы-активности одного комплекса и элементы-активности другого соединяются без всяких потерь, т.е. не делаются взаимными сопротивлениями друг для друга (напр. слияние двух волн равной длины с полным совпадением их подъемов и долин, взятое со стороны химических активностей слияние двух капель воды в одну, одновременные и одинаково направленные усилия двух работников); 2) полная нейтрализация активностей, при которой активности одного комплекса становятся всецело сопротивлениями для активностей другого, полностью парализуют или парализуются ими (уничтожение одного или нескольких комплексов, напр. слияние волн равной длины и одинакового направления при разности в полволны, противоположно направленные усилия двух работников); 3) частичная нейтрализация активностей, когда два комплекса соединяются таким образом, что их

элементы-активности частично складываются, частично являются взаимными сопротивлениями, т.е. организационно вычитаются (частичное преобразование комплексов, когда они сохраняются и продолжают существовать лишь в измененном виде, напр. неорганизованное сотрудничество двух работников, наложение двух волн различной длины). Третий случай, при достаточном анализе, включает в себе и случаи второго рода, как частичные моменты.

КРИЗИС ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ, *организационный процесс* возникновения или уничтожения *организационной формы*, преобладание *ассимиляции* над *деассимиляцией* либо наоборот, конъюгационный процесс разрыва *тектологической границы* или дизъюнктивный процесс ее образования. При К.о. возрастает изменчивость формы, и сама форма в этом случае есть результат преобладания одного из процессов. К.о. подразделяется на *кризис С* и *кризис Д*. Процесс *познания* К.о. форм в рамках статического мышления характеризуется понятиями "возникновения", когда познание начинает признавать форму существующей, и "уничтожения", т.е. там, где люди, напротив, перестают узнавать изменившуюся форму, находить в ней то, чем она была прежде.

КРИЗИСЫ Д, *организационные кризисы* раздельного (дизъюнктивные) типа.

КРИЗИСЫ С, *организационные кризисы* соединительного (конъюгационные) типа.

ЛИЧНОСТЬ, индивидуальное и абсолютное «я». Л. выражает собою социально раздробленный *опыт* и жизненное противоположение *человека* человеку. Для Л. единство общественного целого невидимо. Поэтому социальное целое воспринимается ей как нечто несовершенное, стихийное и неорганизованное, полное жизненных противоречий. Л. оказывается ниже этих противоречий недоступного и непонятного ей целого. Она бессильна перед ними. Стихийные силы общественной жизни господствуют над человеком.

МАТЕМАТИКА, наука о величинах, *тектология* нейтральных комплексов.

МАТЕРИЯ, концентрированный комплекс активностей (энергий), проти-

востоящий совокупным активностям социального целого. Это наиболее устойчивая *организационная форма* активности, какая нам известна. Она равносильна *природе* в целом. **МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ**, см. *Мышление метафизическое*. **МЕТАФОРА** [букв. «перенесение»], применение слова, обозначающего одно явление, к другому явлению, имеющему с первым нечто общее (напр. «кровавая» зря, «ласковая» весна, «грозное» море).

МЕТАФОРА ОСНОВНАЯ, *метафора*, обозначающая стихийное действие тем же словом, что и человеческое. Без нее люди не могли бы говорить о внешней природе, а следовательно и вырабатывать понятия о ней. В М.о. человечество перешагнуло через самую глубокую пропасть своего *опыта*, через границу между собой и своим извечным врагом — стихиями. М.о. — первый зародыш и прообраз единства организационной точки зрения на вселенную. Слово было орудием *организации* социально-человеческих активностей, объединения опыта по отношению к активностям внешней *природы*.

МЕТОД «ВВОДНЫХ» ИЛИ «ПОСРЕДСТВУЮЩИХ» КОМПЛЕКСОВ, см. *Ингрессия*.

МЕТОД АБСТРАКТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ, *индуктивный метод*, применяемый на высших ступенях исследования; он устанавливает основные законы явлений, выражающие их постоянные тенденции. Сущность его заключается в упрощении фактов путем *анализа* (разложения) сложных объектов и условий и последующего оперировании с результатами анализа, упрощенными *абстрагированием* объектами и условиями. Оперирование заключается в дальнейшем выделении и устранении из упрощенных объектов и условий различных усложняющих моментов, так чтобы обнаружилась сама основа явления. М.а.-а. или метод упрощения, обеспечивая ясность познания, позволяет понять явления в целом, в их *связи*. **МЕТОД ДЕДУКТИВНЫЙ**, см. *Дедукция*.

МЕТОД ИНДУКТИВНЫЙ, см. *Индукция*.

МЕТОД ОБОБЩАЮЩЕ-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ, *индуктивный метод*, предполагающий охват универсаль-

но-общих и максимально-отвлеченных отношений *элементов*, возможность отвлечься от всяких определенных элементов. Обобщающее описание дает общую, приближительную картину исследуемых явлений. **МЕТОД ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ**, см. *Метод*.

МЕТОД СТАТИСТИЧЕСКИЙ, *индуктивный метод*, включающий количественный учет фактов и подсчет их повторяемости. Этот метод показывает действительно ли целое практически больше или меньше в каком-нибудь определенном отношении, чем простая сумма его частей и насколько. М.с. применяется в основном на низших стадиях исследования, пока не найден выход из пределов группы частных, конкретных фактов. М.с. вносит в картину исследуемого явления точность.

МЕТОД ТЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ, см. *Метод*.

МЕТОД, путь или способ исследования, применяемый как в реальной действительности (эксперимент как упрощение явления естественных наук), так и в идеальном смысле (мысленном удалении усложняющих моментов социальных наук путем отвлечения, обнаружения в чистом виде основы данных явлений). Эффективным способом исследования является метод К.Маркса, который заключается в том, чтобы искать линии развития высших проявлений человеческой жизни, опираясь на их зависимость от развития основных ее условий. На этом методе основывается и организационная точка зрения, позволяющая (а) ставить вопросы систематически, сознательно; (б) ставить новые научные вопросы, какие не способны наметить и определить специальные науки. Она исследует всякую систему со стороны как отношений внутри ее между всеми ее частями, так и отношений между нею, как целым, и ее средой, т.е. всеми внешними системами. Изучение организационных М. необходимо начинать с более частных, близких и понятных нам М., затем переходить к более общим, и, наконец, к всеобщим. Методология исследования заключается в том, чтобы установить абстрактные законы явлений, т.е. выделить главнейшие их тенденции и дать связь последних с определен-

ными условиями, а затем на базе знания основных из этих условий, суметь в существенных чертах предвидеть ход соответствующих событий. В общеорганизационном смысле выделяются *индуктивные и дедуктивные методы*.

МЕТОДЫ ПРИРОДЫ, всеобщие пути организации в природе.

МЕТОДЫ ТЕХНИКИ, методы, обеспечивающие приближение машин к высшему их типу, автоматическому механизму. М.т. отражают *методы природы*. Они уменьшают значение специализации, увеличивая сходство различных форм труда и способствуя делу *собираания человека*.

МЕТОДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, частные случаи *методов природы*.

МЕХАНИЗМ, термин для обозначения первоначально тех организованных систем, которые планомерно устраниваются самими людьми, а дальнейшим и систем, строение которых удалось познать и сделать понятным. Высшим типом М. является автоматический механизм.

МЕХАНИЗМЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, механизмы формирования и регулирования систем, которые в процессе организации комплексов охватывает всю динамику мирового развития. Различают *механизмы формирующие и механизмы регулирующие*. При этом, регулирующие механизмы подбора не обособлены от формирующих тектологических механизмов, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. М.о. выражают собой тектологический подход к эволюции, и представляют из себя эффективные способы управления ею.

МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРУЮЩИЕ, организационные механизмы, основанные на принципе подбора и включающие в себя *консервативный подбор и прогрессивный подбор (отбор)*.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРУЮЩИЕ, организационные механизмы, включающие в себя *конъюгацию, ингрессию и дезингрессию, тектологическую связь и тектологическая границу, кризисы С и кризисы Д*.

МЕХАНИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ, см. *Мировоззрение механистическое*.

МЕХАНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ, см. *Мировоззрение механистическое*.

МИРОВАЯ ИНГРЕССИЯ, см. *Ингрессия мировая*.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ, взгляд на мир в целом и место в нем человека. М. подразделяется на различные виды *специального мировоззрения* и целостное интегральное мировоззрение, характерное стадии *собираания человека*.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ МЕХАНИСТИЧЕСКОЕ, один из видов *специального мировоззрения*, механическая концепция природы. Оно бессознательно определяется стихийно-могучей и гармонически связной работой машин, для которого жизнь и мир выступают как мастерская, где каждая вещь готовится на свою особую колодку.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НОРМАТИВНОЕ, вид *специального мировоззрения*, определяемый атмосферой *специально-правовой деятельности юриста*, который даже законы природы невольно рассматривает как нормы, извне для нее установленные и не подлежащие нарушению.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЕ, один из видов *специального мировоззрения*, основывающегося *авторитарном мышлении*. Для М.р. жизнь и мир выступают как храм, где все достигается путем заклинаний.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЕ, мировоззрение, порожденное *специализацией и суженным существованием человека*. Виды специального мировоззрения, определяемые специальным опытом: *утилитаристическое, нормативное, механистическое, религиозное, схоластическое*.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СХОЛАСТИЧЕСКОЕ, один из видов *специального мировоззрения*, для которого жизнь и мир выступают как сложная, разветвляющаяся схоластическая задача. Человек с этой точки зрения является существом, одаренным (а) чистым разумом – способностью к схоластическим упражнениям с их тонкостями и ухищрениями, к праздным размышлениям об истинном познании; (б) практическим разумом, безнадёжно мечтающим о преодолении всех инстинктов; (в) нравственною свободой – склонностью нарушать свои практические принципы и затем раскисаться в том, что поступил так, а не иначе; (г) стремлением к абсолютному – общей неудовлетворенностью жизнью, смутным сознанием бессодержательности и бесплодности своего су-

ществования и т.п. возвышенными свойствами.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ УТИЛИТАРИСТИЧЕСКОЕ, один из видов *специального мировоззрения*, определяемое миром торговли и кредита, для которого любое проявление жизни арифметически оценивается на разменную монету выгоды, при этом жизнь и мир выступают как лавка, где за энергию и ловкость покупается счастье.

МЫШЛЕНИЕ, особая система организации понятий, отделенных от физических трудовых усилий. М: предполагает определенный план, самостоятельную организацию мыслей, в которой мысленные образы или понятия соединяются между собой, а не с действиями. Мысль представляет собой социально-трудовой, социально-практический аспект. М., основанное на принципах *науки*, лежит в основе научно-интегральной концепции человека.

МЫШЛЕНИЕ АВТОРИТАРНОЕ, мышление, порожденное *авторитарным сотрудничеством* и основанное на *натуральном фетишизме*. В сущности М.а. — авторитарный дуализм, разделяющий мир на два начала: активное, организаторское, духовное и пассивное, исполнительское, материальное. М.а. превращает связь вещей природы в производственные отношения авторитарного сотрудничества. Оно выражается в ранних религиях патриархально-родового типа, основывающихся на отдельных родовых богах и объединяющих затем племенных, а также в более развитых религиях феодального типа. Феодальные религии представляют из себя многозвенную цепь богов, из которых более мелкие являются вассалами, а более крупные — их сюзеренами. Во главе стоит объединяющий их бог-суверен.

МЫШЛЕНИЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ, мышление, порожденное *индивидуалистическим типом жизни* и основанное на *товарном фетишизме*. М.м. отличается значительной бессодержательностью понятий и отвлеченными обобщениями. Зачастую всякое конкретное содержание метафизических выражений исчезает и остается лишь словесная оболочка.

МЫШЛЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОЕ, мышление, в котором слова-понятия

слишком тесно связывались с непосредственными действиями и не мыслились в своей особой отдельной связи. Сами же действия в первобытном обществе мыслились как сочетание организаторского и исполнительского действия в их неразрывной связи. Оно не представляло из себя отдельной системы, поэтому в строгом смысле не являясь *мировоззрением*. Организация М.п. определялась организацией труда, средством для которой и служила. Свойства М.п.: "сплошной", неподвижный, стихийно-консервативный характер мыслительных операций, отсутствие идеи "я" (в языке не было личных местоимений и слов, выражающих идеи власти и подчинения и наличия противоречий), бедность содержания слов, отсутствие потребности объяснения фактов первобытной жизни (все лежит в рамках привычного). Для М.п. характерны наличие суеверий, вера в заклинания, в силу волшебных слов и в их способность действовать на предметы внешней природы, изменять ход стихийных явлений.

НАТУРАЛЬНЫЙ ФЕТИШИЗМ, см. *Фетишизм натуральный*.

НАУКА ОРГАНИЗАЦИОННАЯ, см. *Тектология*.

НАУКА, форма общественного сознания, в наиболее адекватной форме предполагающая систематизацию техники. Материалом Н. являются *труд*, который есть *опыт*, и *опыт*, который есть *труд*. Она выражает общие *методы техники* и отражает их в общих *методах* познания. В этом проявляется монастическая тенденция науки. Наиболее полным и последовательным выражением синтетического монизма является *тектология*.

НАУЧНАЯ ИНГРЕССИЯ, См. *Ингрессия научная*.

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА, см. *Стадия развития человека начальная*.

НЕЙТРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС, см. *Комплекс*.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-КОНЬЮГАЦИОННАЯ ФАЗА, см. *Фаза неопределенно-конъюгационная*.

ОБОБЩАЮЩЕ-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД, см. *Метод обобщающе-описательный*.

ОБОБЩЕНИЕ В ТЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ, выражение универ-

сально-общих и максимально-отвлеченных связей или комбинации тел, представлений и идей.

ОБЩЕОРГАНИЗАЦИОННАЯ НАУКА, см. *Тектология*.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, см. *Идеология*.

ОБЪЕКТ ПОДБОРА, то, что подвергается *подбору* (живые организмы в схеме Дарвина, связи и соотношения вещей в техническом трудовом подборе, связи и соотношения людей в подборе социальной борьбы и др.).

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ, весь наш *опыт*, взятый с организационной точки зрения, т.е. как мир *процессов* организующих и дезорганизующих. О.о. все бесконечное богатство и разнообразие вселенной — ее вещей, событий, образов, идей — сводит к единству и представляет с одной точки зрения, в одной непрерывной цепи.

ОПЫТ, совокупность индивидуальных и коллективных чувств, образов и идей. О. может быть индивидуальным, групповым, классовым, общечеловеческим. О. каждого человека непрерывно получает новое содержание из О. других людей. Из взаимного общения людей для каждого непрерывно возникают новые и новые вопросы и задачи. Гармоническое объединение О. коллективных сил дает каждому возможность вступить в общую борьбу против стихийной природы с уверенностью в победе.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ НАУКА, см. *Тектология*.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА, см. *Форма организационная*.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ, см. *Механизмы организационные*.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕТОД, см. *Метод*.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ОПЫТ, см. *Опыт организационный*.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОДБОР, см. *Подбор организационный*.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС, см. *Процесс организационный*.

ОРГАНИЗАЦИЯ, превращение комплекса в планомерно функционирующую систему, целесообразное единство; группировка, объединение элементов для какой-нибудь цели, комбинирование или перегруппировка активностей комплекса; целесообразная координация и организация

различных активностей-сопротивлений и их регулирование. Идеальная организованность в природе не существует, к ней всегда примешана дезорганизация.

ОСНОВА ПОДБОРА, см. *Базис подбора*.

ОСНОВНАЯ МЕТАФОРА, см. *Метафора основная*.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПОДБОР, см. *Подбор отрицательный*.

ПОДБОР КОНСЕРВАТИВНЫЙ, *организационный подбор*, действующий в направлении сохранения *организационных форм* или их несохранения. Под сохранением понимается *подвижное равновесие* изменений, когда каждое из возникающих изменений уравнивается тут же другим, ему противоположным.

ПОДБОР ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ, универсальный *регулирующий механизм*, разлагаемый на три элемента: *объект подбора*, *дейтель* или *фактор подбора*, *основа* или *базис подбора*.

П.о. может быть *консервативным* или *прогрессивным*. П.о. охватывает всю динамику мирового развития. Применение прогрессивной и консервативной схем подбора зависит от конкретных задач стоящих перед исследователем: прогрессивный подбор используется в связи с вопросами *развития* данных, наличных *комплексов*, а консервативный подбор — в случаях, когда наличные комплексы, по условиям практической задачи или в рамках исследования, не развиваются сколько-нибудь ощутимо, а служат готовым материалом для более сложных формирований.

ПОДБОР ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ, *схема прогрессивного подбора*, задействованная в случаях преобладания *дезассимиляции* (уменьшении суммы активностей-сопротивлений) в процессе относительного упадка комплексов. П.п. упрощает материал и внутренние отношения системы и устраняет из него все непрочное, нестройное, противоречивое. П.п. повышает организационную прочность и устойчивость комплекса, вносит в его связи однородность и согласованность и упорядочивает материал. Однако за известными пределами продолжающееся понижение энергий системы и с ним ее упрощение принимают неизменно характер деградации и возрастающего упадка.

ПОДБОР ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, *схема прогрессивного подбора*, которая задействована при количественном возрастании энергии, т.е. при перевесе *ассимиляции* над *дезассимиляцией*. Причем, при возрастании суммы активностей параллельно с возрастанием неоднородности внутренних связей *комплекса* идет уменьшение этой устойчивости. П.п. действует при развитии комплексов, усложняет формы, увеличивает разнородность бытия, доставляет для нее материал все более возрастающий.

ПОДБОР ПРОГРЕССИВНЫЙ (от слова «прогрессия»), *организационный подбор*, действующий непрерывно в течение ряда событий, свидетельствующих либо о прогрессивном развитии формы, либо их относительном упадке. П.п. сохраняет форму в изменяющейся, т.е. в конечном счете во всякой среде. Относительной гарантией сохранения системы может служить лишь возрастание суммы активностей, перевес *ассимиляции* над *дезассимиляцией*. В этом случае новые неблагоприятные воздействия встречают не прежнее, а увеличенное сопротивление. П.п. может происходить по схеме *положительного* или *отрицательного подбора*. Дополняясь взаимно, оба эти процесса стихийно организуют мир.

ПОДВИЖНОЕ РАВНОВЕСИЕ, см. *Равновесие подвижное*.

ПОЗНАНИЕ, *Мышление*, имеющее функцию координации фактов *опыта* в стройные группировки, теории, доктрины, концепции и др.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПОДБОР, см. *Подбор положительный*.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, см. *Философия практическая*.

ПРИНЦИП НЕПРЕРЫВНОСТИ, универсальный научный принцип, согласно которому между всякими двумя *комплексами* вселенной, при достаточном исследовании устанавливаются промежуточные звенья, вводящие их в одну цепь *мировой ингрессии*.

ПРИРОДА, мир в целом, всеобщий *мировой процесс*, универсальное целое, великий всеобщий организатор, синоним *материи*. П. в историческом *мышлении* рассматривается как бесконечный процесс, слагающийся из неизмеримого числа процессов конечных, сливающихся между со-

бою и не имеющих вполне отдельного, самостоятельного существования.

ПРОГРЕССИВНЫЙ ПОДБОР, см. *Подбор прогрессивный*.

ПРОЦЕСС ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ, тектологический акт, олицетворяющий собой непрерывность мирового движения. В реальной действительности все П.о. сливаются между собой. П.о. включает три фазы: *неопределенно-конъюгационную*, *фазу системных дифференциаций* и *фазу системной консолидации*.

РАВНОВЕСИЕ ПОДВИЖНОЕ, сохранение *организационной формы* или *комплекса*, практически относительное равенство энергии противоположных *процессов*, относительно продолжительное преобладание или периодическая смена *ассимиляции* и *дезассимиляции*.

СВЯЗКА ТЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ, вся совокупность общих, совпадающих элементов между *комплексами*, входящими в *цепную связь*. Параметры С.т.: степень связки (ее глубина и прочность), тип и способ связки.

СВЯЗЬ ЦЕПНАЯ, связь, которая может неограниченно разветвляться по самым различным направлениям и с постоянно меняющимися связующими элементами. Выделяется два рода цепной связи: однородная, или симметричная, и неоднородная или асимметричная. В случае однородной связи сами комплексы одинаковы и их отношение друг к другу одно и то же с обеих сторон, т.е. комплексы выполняют в организованной системе одинаковую организационную функцию. При неоднородной связи комплексы неодинаковы, отношение их друг другу различное и в соответствии с этим системы выполняют разные функции.

СКЕЛЕТНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА, см. *Дегрессия*.

СЛОЖЕНИЕ ВЕЛИЧИН, частный случай *конъюгации*.

СОБИРАНИЕ ЧЕЛОВЕКА, стадия развития человека, которая возникает на основе общности *опыта*, как той, которая дана непосредственно, так и той, которая развивается путем общения — группового и классового самосознания. Групповое и классовое самосознание является типичнейшей из форм С.ч. Это необходимая фаза собирания человека. Оно расширяет инди-

видуальный опыт до группового, и более широкого — классового; индивидуальные интересы и стремления — до групповых и затем классовых. На ее почве возникают различные новые формы и комбинации собирания людей: создаются экономические, политические и идейные союзы, партии и доктрины. Наиболее глобальной из них выступает научно-интегральная концепция человека (см. *Человек*).

СОБЫТИЕ, изменение комплексов и их форм, цепь актов соединения того, что было раздельно, и разделения того, что было связано.

СОЕДИНЕНИЕ КОМПЛЕКСОВ, см. *Конъюгация*.

СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ, см. *Идеология*.

СООТНОШЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ, это такие соотношения расходящихся частей, при которых эти части взаимно дополняют друг друга. Создание С.д. составляет основную тенденцию фазы системных дифференциаций.

СОТРУДНИЧЕСТВО АВТОРИТАРНОЕ, социальное приспособление, в соответствие с которым организаторская деятельность отделяется от исполнительской. Оба вида деятельности распределяются между различными людьми. Появляются организаторы-руководители и исполнители, возникают *авторитарные формы жизни*. В С.а. разнородность в производственных действиях людей сочетается с организующим стремлением организатора-руководителя приспособить действия каждого к действиям всех. Такого рода связь носит взаимный характер, поскольку и для каждого члена общины организатор служит орудием руководства. А.с. порождает *авторитарное мышление*.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ, фаза дробления человека, на которой содержание жизни каждого человека качественно суживается (см. *Существование суженное*), и коллективный опыт оказывается разделенным между людьми так, что одному достается по преимуществу одна его область, другому другая и т.д. С. не устраняет авторитарного дробления человека, она только ограничивает его поле и создала для него новые рамки. Сумма опыта, какую представляет жизнь специализированного общества как коллективного целого не под-

дается усвоению, сдерживанию и регулированию одной волею, одним человеком.

СПЕЦИАЛИСТ, человек, остающийся лишь в сфере деталей. С. (ремесленник, крестьянин, ученый) не только внешним образом независим в своей деятельности, но он еще и «авторитет» в пределах той маленькой группы, с которой связан прямой жизненной связью.

СПЕЦИАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ, см. *Мировоззрение специальное*.

СРЕДА, совокупность комплексов, внешних активностей, иначе организованных, чем данный комплекс или система. Они тектологически ему «враждебны», поскольку развертываясь по своим направлениям, могут нарушать его форму, разрушать его. Разрушения не происходит потому, что комплекс представляет определенное сопротивление среде.

СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА НАЧАЛЬНАЯ, первичный этап развития человеческого общества, при которой преобладает количественный характер развития. Поле опыта расширяется, сумма переживаний возрастает. Однако общество, при этом, остается *комплексом* однородных единиц, человек — существом цельным и стереотипным. Внутри социальной группы складывается первоначальная однородность отношений.

СТАТИКА, учение о тех или иных формах, взятых в равновесии. Организационно-статистическая точка зрения, выражается *математикой*.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД, см. *Метод статистический*.

СУЖЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ, см. *Существование суженное*.

СУЩЕСТВОВАНИЕ СУЖЕННОЕ, организационная форма жизни, характерная для авторитарного сотрудничества и индивидуалистического типа жизни. С.с. не способно обеспечить самостоятельности и потому не в силах окончательно вывести человека из-под власти природной и социальной действительности.

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ, творчество, имеющее своими принципами стройность и гармонию и организованность. Т.х. своими особыми методами организует представления, чувства, настроения людей, тесно соприкасаясь с познанием, часто с ним прямо сливаясь, как бел-

летристика, поэзия, живопись. В искусстве организация идей и организация вещей нераздельны.

ТЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА, см. *Граница тектологическая*.

ТЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗКА, см. *Связка тектологическая*.

ТЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АКТ, см. *Процесс организационный*.

ТЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД, см. *Метод*.

ТЕКТОЛОГИЯ, всеобщая организационная наука, занимающаяся вопросами основной архитектуры мира и человеческого опыта и пытающаяся изменить их. Т. принадлежит весь организационный опыт человечества. Т. должна в полной мере и с наибольшей стройностью объединять в себе организационные методы, равномерно сочетающие соотношение индукции с дедукцией. В качестве основных в Т. выступает понятие "организации", организационных механизмов, организационных процессов. Развитие Т. должно стать стремительно-быстрым, революционным, как она сама революционна по своей природе. Т. должна делать излишней философию, поскольку преодолевая ее созерцательный характер, соединяет с ее универсальностью строгую научность и практический подход. Философские идеи и схемы для Т. — предмет исследования, как всякие иные организационные формы опыта. Тектология должна объединять и контролировать специальные науки, обобщения и выводы которых подлежат тектологической проверке со стороны точности и полноты.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, см. *Философия теоретическая*.

ТИП ЖИЗНИ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЙ, социальное приспособление, характеризующееся формальным равенством сотрудников и их независимостью в самой постановке и выполнении трудовых задач. Связь между ними выражается в обмене результатами их труда. И.т.ж. отличается высокой степенью разнородности и специализации. Эта форма сотрудничества достаточно противоречива и предполагает переменный характер связей между людьми, когда вначале один человек пользуется другим, затем наоборот. Постепенно получается все более устойчивое распадение коллектива на эксплуатируемых и эксплуататоров, когда одна сторона приспособляет другую с большим ус-

пехом, чем вторая, и тем самым подвергает ее эксплуатации.

ТИП СИСТЕМ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ВОЛНОВОЙ, см. *Форма организационная волновая*.

ТИП СИСТЕМ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СКЕЛЕТНЫЙ, см. *Дезрессия*.

ТИП СИСТЕМ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЦЕНТРАЛИСТСКИЙ, см. *Эгрессия*.

ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ, см. *Фетишизм товарный*.

ТРУД, есть опыт, деятельность, процесс организации мира для человека в интересах его жизни и развития.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ТИПЫ СИСТЕМ, см. *Формы организационные*.

УСИЛИЕ В ТЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ, см. *Усилие разъединяющее и Усилие обобщающее*.

УСИЛИЕ ОБОБЩАЮЩЕЕ В МЫШЛЕНИИ, усилие обобщающее, предполагающее сопоставление мыслительных комплексов (образов, ощущений) в некотором общем поле — поле сознания или опыта.

УСИЛИЕ ОБОБЩАЮЩЕЕ, акт деятельности объединяющий элементы или комплексы опыта; усилие различающее обособляет элементы или комплексы. Является первичным актом, непосредственным действием.

УСИЛИЕ ОБОБЩАЮЩЕЕ В ТЕХНИКЕ, усилие обобщающее, предполагающее приведение предмета в соприкосновение либо с орудием, либо с органами тела работника и приложение к этой системе определенного усилия.

УСИЛИЕ РАЗЪЕДИНЯЮЩЕЕ, усилие, обособляющее элементы или комплексы опыта, приводящее к новым их сочетаниям. Является производным актом, результатом действия. Условия его возникновения: нечто общее, имеющееся у двух комплексов, слияние и смешивание элементов этих комплексов при своей встрече в поле опыта.

УСИЛИЕ РАЗЪЕДИНЯЮЩЕЕ В МЫШЛЕНИИ, усилие разъединяющее, предполагающее различение, противопоставление, разграничение мыслительных комплексов (образов, ощущений) в опыте.

УСИЛИЕ РАЗЪЕДИНЯЮЩЕЕ В ТЕХНИКЕ, усилие разъединяющее, предполагающее разрыв связи предмета.

УТИЛИТАРИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ, см. *Мировоззрение утилитаристическое*.

ФАЗА НЕОПРЕДЕЛЕННО-КОНЬЮГАЦИОННАЯ, начальная фаза *организационного процесса*. Ф.н.-к. характеризующаяся частичным конъюгационным *кризисом С* во времени (т.е. изменением формы, рассматриваемым с точки зрения различия между его начальным и конечным пунктом) и параллельным аналогичным пространственным кризисом, который представляет собой ингрессивную связку между системно-объединенными комплексами.

ФАЗА СИСТЕМНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ, *заключительная фаза организационного процесса*. В Ф.с.д. организационный акт завершается целостным оформлением системы на основе *кризисов С* с производными *кризисами Д*. Консолидация достигается путем *контрдифференциации*, в процессе *элементы* и группировки, стоящие в противоречии со связью целого, отрываются, выделяются из него и целое консолидируется.

ФАЗА СИСТЕМНЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЙ, вторая фаза *организационного процесса*. Ф.с.д. представляет собой результат неизбежного расхождения группировок на сторону *дополнительных соотношений*. При этом, развиваются такие различия, которые повышают организованность, связность и устойчивость системы, ее прочность под внешними воздействиями. В Ф.с.д. определяющую роль играют *кризисы Д*, в результате которых происходит образование *тектологической границы*, создаются новые отделности.

ФАКТОР ПОДБОРА, то, что действует на *объект подбора*, сохраняя или разрушая его (жизненная обстановка в схеме Дарвина, деятельность людей при производственном подборе и др.).

ФЕТИШИЗМ НАТУРАЛЬНЫЙ, взгляд на *природу*, согласно которому отношения вещей представлялись как отношения людей. Ф.н. лежит в основе *авторитарного мышления* и предполагает незнание человеком сил и свойств предметов внешнего мира и олицетворяет недостаток власти человека над *природой*, преобладание власти природы над ним.

ФЕТИШИЗМ ТОВАРНЫЙ, взгляд, свидетельствующий о неспособности производителя понять общественный характер своего труда, и считающий стоимость товара внутренним

и природным свойством его свойством товара. В отличие от *натурального фетишизма* Ф.т. представляет отношения вещей как отношения людей и в свою очередь способствует возникновению денежного фетишизма и фетишизма частной собственности. Если первый есть ненасытная жажда накопления и уверенность в том, что степень удовлетворения потребностей человека зависит исключительно от количества денежных средств, которым он располагает, то второй — непонимание того очевидного факта, что частная собственность есть общественное отношение, отношение общества к данной личности и к данным вещам одновременно.

ФИЛОСОФИЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ, раздел *философии*, предполагающий общее моральное руководство поведением людей.

ФИЛОСОФИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, раздел *философии*, в качестве своего предмета исследования предполагающий единство *опыта* в форме некоторого универсального объяснения, гармонически целостной и понятной картины мира. Ф.т. характеризуется созерцательной тенденцией. В отличие от научных и тектологических философские идеи не подлежат опытной проверке.

ФИЛОСОФИЯ, форма общественно-го сознания, отражающая закономерности развития *природы*, общества и мышления. На этапе своего зарождения Ф. была совокупностью научного знания, не разъединенного по специальностям и связанного наивными обобщающими гипотезами. На этапе специализации наук Ф. является надстройкой над научным знанием и выражает стремление человеческой мысли к единству. Под воздействием процесса специализации она распалась, соответственно основному разрыву социальной жизни, на *теоретическую* и *практическую* ветви. Философия является предтечей тектологии (предвосхищение широких научных обобщений — напр. идеи неумиротворимости материи; диалектика; учение Спенсера об эволюции), но по мере их организационной проверки и истолкования они должны потерять философский характер.

ФОРМА ОРГАНИЗАЦИОННАЯ, универсальный тип систем, форма

процесса, единство его существования и отдельность от других процессов. Ф.о. означает отрицание абсолютного характера происходящих в природе изменений, признание их относительности. Ф.о. может состоять из элементов, активностей-сопротивлений и имеет свою внешнюю и внутреннюю историю. Ф.о. как универсальные типы систем выражаются в эгрессии, дегрессии и волновом типе систем. Борьба Ф.о. — это результат отдельности, обособленности организующих сил, результат того, что не достигнуты их единство, их общая, стройная организация.

ФОРМА ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВОЛНОВАЯ, один из универсальных типов систем, представляющая собой периодические колебания (напр. волны в воде, звуковые колебания воздуха, тепловые вибрации в твердых телах, световые и невидимые электрические колебания; вращения небесных тел, пульс и дыхание, работа и отдых каждого органа, бодрствование и сон организма, психические «волны внимания»). Ф.о.в. предполагает сохранение и восстановление *подвижных равновесий*.

ФОРМА ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СКЕЛЕТНАЯ, см. *Дегрессия*.

ФОРМА ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЦЕНТРАЛИСТСКАЯ, см. *Эгрессия*.

ФОРМА ПРОЦЕССА, см. *Форма организационная*.

ФОРМА РАВНОВЕСИЯ, см. *Равновесие подвижное*.

ФОРМА СКЕЛЕТНАЯ, см. *Дегрессия*.

ФОРМА ЦЕНТРАЛИСТСКАЯ, см. *Эгрессия*.

ФОРМИРУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ, см. *механизм формирующий*.

ФОРМЫ ЖИЗНИ АВТОРИТАРНЫЕ, формы организации жизни при авторитарном сотрудничестве. Ф.ж.а. возникают при суженном существовании человека и порождаются специализированными видами авторитарного господства (патриархальным господством отца в семье, экономическим господством предпринимателя в предприятии, политически-организаторской роли бюрократии, идейно-организаторской роли идеологов и т.д.) и могут быть подразделены на следующие виды: 1) мягкий матриархат, когда мать не столько является руководительницей работ и воплоще-

нием власти в своей общине, а ее живой кровной связью; 2) суровый патриархат; 3) жреческая власть, опирающаяся на религиозную тайну; 4) феодальная власть, обремененная силой оружия; 5) система рабства, чуждая всяких формальностей; 6) система наемного труда, полная холодного формализма; 7) бессмысленно-тупой восточный деспотизм; 8) западно-культурная власть избранника; 9) бумажно-сухая власть бюрократа над обывателями; 10) власть идеолога над его согражданами, опирающаяся на нравственную силу.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО, см. *Творчество художественное*.

ЦЕНТРАЛИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА, см. *Эгрессия*.

ЦЕПНАЯ СВЯЗЬ, см. *Связь цепная*.

ЧЕЛОВЕК, с организационной точки зрения выступает, во 1-х, как целый мир индивидуального опыта, мир частичный, микрокосм, как часть и отражение великого целого, мира, макрокосмоса, а, во 2-х, как мир разветвляющийся, не ограниченный никакими безусловными пределами. Микрокосмос человека делает среда общения, социальная среда, которая связывает его с целым и одновременно устанавливает несовпадение его личного опыта и мира в целом, макрокосма. общение с другими существами приводит человека к мысли, что есть вещи, которые не принадлежат к его опыту и, однако, существуют, потому что принадлежат к опыту других людей, что есть переживания, которых он не испытывает, и которые, однако, реальны, потому что протекают в сознании других людей. Он убеждается, что поток опыта не один, а их много, и все они сливаются для него в бесконечный океан, который он называет природой. В своей *организующей деятельности* Ч. является только учеником и подражателем *природы*. Развитие человечества, творчество жизни возникают из богатства комбинаций *опыта*. В своем развитии оно проходит следующие стадии: *начальную, дробления человека и собирания человека*. Содержание жизни человечества Ф.Энгельс выразил формулой: производство людей, производство вещей, производство идей. В интерпретации А.А.Богданова — это

организация внешних сил природы (техники), организация человеческих сил (экономики) и организация опыта (мира идей).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МЕТОДЫ, см. *Методы человеческие*.

ЭГРЕССИЯ (от лат. «выхождение из ряда»), один из универсальных типов систем, централистская *организационная форма*, когда центральный, более высокоорганизованный комплекс (солнце, положительное электрическое ядро атома, мозг в животных организмах, матки у пчел и муравьев, властитель в авторитарных общественных организациях) является по преимуществу определяющим для движений и соотношений других частей и целого. По отношению к нему все остальные комплексы играют роль периферии.

ЭЛЕМЕНТЫ, активности-сопротивления всевозможных родов, составляющие комплекс. Это — относительное и условное понятие, другими словами, те части, на которые, сообразно задаче исследования, понадобилось разложить объект. Сочетания Э. сводятся к трем типам *комплексов*: организованные, дезорганизованные и нейтральные. Они различаются по величине практической суммы их элементов. В строении комплекса, или *организационной формы* можно выделить Э. пограничные и Э. средние. Погранич-

ные Э. непосредственно подвергаются изменяющим внешним влияниям и могут передавать их действие прочим Э. Строение пограничных Э. в процессе их изменения определяется вначале внешней средой, Средние Э. являются наиболее типическими элементами формы и не подвергаются непосредственному внешнему влиянию. По отношению к ним целое играет такую же роль, как среда по отношению к целому.

ЭМПИРИОМОНИЗМ, единство *опыта*, философское учение, предполагающее организационный взгляд на мир. Согласно установке Э. все бесконечное богатство и разнообразие вселенной необходимо свести к единству и представить с одной точки зрения, в одной непрерывной цепи. Другими словами, это — стремление методологически подвести под научные понятия и философские категории практический фундамент, подтверждение марксистского открытия значения практики как *основы познания*.

Я, см. *Личность*.

ЯЗЫК, фактор, организующий *общественное сознание*. В языке присутствует скрытая системность. В человеческой культуре имеют место регулярные звуковые и смысловые соответствия между словами различных, но связанных общим происхождением языков.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ БИОГРАФИИ	5
<p align="center">Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.А.БОГДАНОВА</p>	
Из истории домарксистского материализма	13
Натурфилософский материализм	19
Абстрактный материализм	22
Неопределенный материализм	32
Новейший эмпиризм	41
Генезис домарксистской диалектики	50
Диалектика древних	51
Немецкая идеалистическая диалектика	54
Антропологическая диалектика Фейербаха	59
Практический материализм К.Маркса как теоретическая основа эмпириомонизма и тектологии А.А.Богданова	62
Социальный характер практики и идеологии	67
Практическая диалектика	70
Философская антропология	73
Творческое отношение А.А.Богданова к К.Марксу	75
<p align="center">Глава 2. ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО МОНИЗМА К ТЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ ЕДИНСТВУ МИРА</p>	
Развитие исторического метода К.Маркса	78
Обоснование динамического стиля мышления	79
Исторический анализ общества	90
Монистическое истолкование опыта	106
Основные положения «эмпириомонизма»	106
«Эмпириомонизм» и российские версии марксизма	112
Современное значение идей «эмпириомонизма»	124
Тектология: Всеобщая организационная наука	126
Организационные понятия и механизмы	129
Организационная диалектика	140
Предпосылки и перспективы тектологии	146
<p align="center">Глава 3. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ, ЭКОНОМИКИ И ИДЕОЛОГИИ</p>	
Организация внешних сил природы	150
Характеристика общественного трудового процесса	154
Организационные принципы социальной техники	156
Динамика технических отношений общества и природы	161
Организация социального целого	169
Организационные принципы социальной экономики	170
Социальный проект	174
Оценка реальности	178
Организация общественного сознания	183
POST SCRIPTUM	199
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	200
ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.А.БОГДАНОВА	221
Что такое Карл Маркс	221
Что такое марксизм	224
А.В.Луначарскому	225
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ	229

Научное издание
СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»
Выпуск 33

ЛЮБУТИН Константин Николаевич,
ТОЛМАЧЕВ Владимир Дмитриевич

**АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ:
ОТ ФИЛОСОФИИ К ТЕКТОЛОГИИ**

Компьютерная верстка *В.Д.Толмачева*
Печать *А.Ю.Яценко*

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01 Подписано в печать 05.02.05
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага *Union Print*.
Гарнитура *Times New Roman Cyr*. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 15,26. Тираж 300 экз.
Банк культурной информации. 620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: + 7/3432/251—65—26. Отп. в изд.-ве.